

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

Между нами горы

Я должен был ее отпустить.
Она уже не вернется.
На те горы, что между нами,
мне не взобраться.

Annotation

В окруженном горами аэропорту Солт-Лейк-Сити отменены все рейсы из-за непогоды. Двое случайных знакомых, Бен Пейн и Эшли Нокс, решают лететь на маленьком частном самолете. Эшли опаздывает на собственную свадьбу, а хирург Бен – на важную операцию. К несчастью, самолет терпит крушение в горах. Пилот погибает, и два мало знакомых пассажира остаются наедине друг с другом среди заснеженных вершин. Чтобы спастись, им придется совершить невозможное...

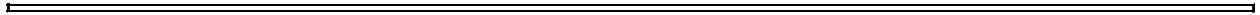
- [Чарльз Мартин](#)
  -
  - [Вступление](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [К читателю](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

Чарльз Мартин

Между нами горы

Крису Фирби

Charles Martin

The Mountain Between Us

Copyright © 2010 by Charles Martin

This translation published by arrangement with Three Rivers Press, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Published in association with Yates & Yates, LLP, attorneys and counselors, Orange, CA, www.yates2.com

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Вступление

Эй...

Не пойму, который час. Только бы запись работала... Я очнулся несколько минут назад. Все еще темно. Понятия не имею, сколько времени пробыл в отключке.

В разбитое лобовое стекло метет снегом, лицо замерзло, моргать и то больно. Такое ощущение, будто краска на щеках засохла. Благо, что во рту ее вкуса не ощущается.

Меня колотит... и такое чувство, будто кто-то уселся мне на грудь. Задыхаюсь. Наверное, сломано несколько ребер. Вдруг легкое не дышит?

Здесь, на высокогорье, воеет злой ветер, треплющий хвост фюзеляжа... или его остатки. Что-то вверху – ветка, наверное, – корябает по плексигласу, звук такой, будто ногтями проводишь по школьной доске. Сзади, оттуда, где раньше был хвост, тянет холодом.

И несет керосином. Думаю, в баках самолета еще полно горючего.

Борюсь с тошнотой.

Меня обхватила рука. Холодные заскорузлые пальцы, потертое обручальное кольцо. Это Гровер.

Он умер еще до того, как мы задели верхушки деревьев. Загадка, как он умудрился уронить эту штуку, не убив заодно и меня.

При взлете наземная температура была еще более-менее. Не уверен, что теперь она такая же. По ощущению – гораздо холоднее. Высота полета должна была составлять где-то 11500 футов. Мы упали не больше чем на пятьсот футов, когда Гровер завалился на крыло. Приборная панель не горит, припорошена снегом. Изредка вспыхивает и сразу гаснет маячок GPS.

Где-то тут была собачонка, зубы да мышцы, больше ничего. Короткошерстная такая псина, размером с хлебницу, с дыханием, как сердитое бульканье. Ты совсем помешался, дружок? Погоди...

Вот так... Нет, не так. Ладно, лизись, только, чур, не прыгать! Как тебя зовут? Тебе страшно? Мне тоже.

Никак не вспомню его кличку.

Опять очнулся... Надолго я вырубился? Ага, песик. Зарылся мне под куртку, залез под мышку.

Я уже о нем говорил? Кличку не вспомню, хоть убей.

Его трясет, веки трепещут. При каждом порыве ветра он вздрагивает и пытается огрызнуться.

В голове туман. Мы с Гровером разговаривали, когда он управлял самолетом. Иногда мы проваливались в воздушные ямы, на приборном щитке плескалось море синих и зеленых огоньков, под нами было черно, ни единого проблеска света миль на шестьдесят в любую сторону... Еще была женщина. Она торопилась домой, к жениху, на обед накануне своего бракосочетания. Сейчас взгляну.

...Нашел. Она без чувств. Пульс частый. Заплывшие глаза, расширенные зрачки. Вероятно, сотрясение мозга. Глубокие порезы на лице, на некоторые надо бы наложить швы. Правое плечо вывихнуто, перелом левого бедра. Кожа не прорвана, но нога вывернута, штанина натянута. Надо вправлять, вот только отдышусь...

Холодает. Похоже, нас настигла буря. Если не найду, во что закутаться, замерзнем здесь до смерти еще до рассвета. Ногу придется отложить до утра.

Рейчел!.. Не знаю, сколько времени нам осталось, не знаю, выживем ли, но... Я беру назад свои слова. Я был не прав, вспылил. Нельзя было все это говорить. Ты думала о нас обоих, а не о себе одной. Теперь я это понимаю.

Ты права. Была права все это время. Шанс существует всегда. Всегда.

Глава 1

*Аэропорт Солт-Лейк-Сити
12 часами ранее*

Вид был хуже некуда: все серое, унылое, одно слово – январь. Тип на телеэкране у меня за спиной заикнулся, сидя в своей нью-йоркской студии, об «отмене полетов из-за плохих метеоусловий». Я прижался лбом к стеклу. Ребята в желтых комбинезонах везли по летному полю длинные вереницы тележек с багажом, оставлявших в снегу глубокие колеи. Рядом со мной сидел на выдавшем виды чемодане усталый летчик, комкая в руках фуражку; он еще надеялся, что представится шанс добраться до дому и провести ночь в своей постели.

На западе тучи окутали взлетную полосу; видимость была нулевая, но ветер временами разгонял туман, как будто отворяя окна надежды. Аэропорт Солт-Лейк-Сити окружен горами. На востоке над облаками поднимались заснеженные вершины. Меня всегда влекли горы. Даже сейчас я задумался: а что там, за горами?

По расписанию мой рейс должен был вылететь в 6.07 вечера, но все остальные рейсы так сильно задерживались, что и мой могли отложить до утра. А то и вовсе отменить. Устав смотреть на мигающую строчку «задержан» на табло, я переполз в угол у дальней стены, разложил кое-как на коленях истории болезни и стал надиктовывать в цифровой диктофон отчеты, диагнозы, рекомендации. Все это были пациенты, которых я осматривал за неделю до отъезда. Взрослых я тоже лечил, но большинство историй, которыми я обложился, были детскими. Много лет назад Рейчел, моя жена, уговорила меня заняться детской спортивной медициной. Она была права: на хромающих ребятишек невозможно смотреть без сочувствия, зато когда они радостно убегают вприпрыжку – это счастье.

Работы было еще полно, а красная лампочка – индикатор разрядки батареи на моем диктофоне – уже мигала, поэтому я отправился в киоск. Оказалось, что две батарейки АА стоят там 4 доллара, а двенадцать штук – 7. Я отдал продавщице 7 долларов, заменил в диктофоне батарейки и убрал оставшиеся десять штук в рюкзак.

Я возвращался с медицинской конференции в Колорадо-Спрингс, где участвовал в работе секции «Взаимосвязь детской ортопедии и неотложной помощи». Речь у нас шла о способах экстренной помощи и

госпитализации, об особенностях подхода к детям с учетом страха, который они испытывают. Место для конференции было выбрано чудесное, сама она полностью удовлетворила меня профессионально, а главное, у меня была возможность посвятить четыре дня восхождению на горы Колледжиэйт Пикс рядом с Буэна-Виста. Если честно, в этой поездке мои деловые интересы совпали с туристическими. Многие врачи покупают «Порше», большие дома, платят за членство в загородных клубах, хотя редко там появляются. А я совершаю длинные пробежки по пляжу и занимаюсь альпинизмом, когда попадаю в горы.

Поездка продолжалась неделю.

На обратном пути я перелетел из Колорадо-Спрингс в Солт-Лейк, чтобы оттуда лететь напрямик до дома. Воздушные путешествия не перестают меня восхищать: летишь на запад, чтобы оказаться на востоке. Толпа в аэропорту поредела: большинство стремилось к воскресенью оказаться дома. Те, кто оставался в аэропорту, толпились либо у своих выходов, либо в баре, коротая время за пивом, над корзинками начос или копченых крылышек.

Ее походка привлекла мое внимание сразу: длинные стройные ноги, решительный, но при этом грациозный и ритмичный шаг. Раскованность, уверенность в себе. Росту в ней было пять футов и девять-десять дюймов, волосы черные; привлекательная, но не слишком озабоченная своей внешностью. Лет тридцать. Короткая прическа. Похожа на Вайнону Райдер в «Прерванной жизни»^[1] или на Джулию Ормонд в «Сабрине»^[2] с Харрисоном Фордом. Могло показаться, что ей наплевать на свой внешний вид, но на Манхэттене часто встречаешь таких стильных девушек, заплативших за свою внешность большие деньги. Эта, держу пари, не слишком потратилась. Или другой вариант: раскошелилась, чтобы, глядя на нее, можно было подумать, что она отсчитала сущие гроши.

Она подошла ближе, оглядела толпу и выбрала себе местечко на полу футах в 10–15 от меня. Я наблюдал за ней краем глаза. Темный брючный костюм, кожаный атташе-кейс, сумка на колесиках. Судя по виду, возвращается из короткой деловой поездки. Она поставила на пол вещи, переобулась в кроссовки и, сидя на полу и разглядывая терминал, стала делать гимнастику. У нее получалось прикасаться лбом, грудью, даже животом к бедру, потом к полу между ногами – наверное, это было привычное для нее упражнение. Ноги у нее были мускулистые, как у инструктора по аэробике. Поупражнявшись несколько минут, она достала из кейса несколько желтых блокнотов и стала листать странички с рукописными заметками. Одновременно набирала что-то на ноутбуке. Ее

пальцы мелькали, как крылышки колибри.

Через несколько минут ее компьютер подал жалобный сигнал. Она нахмурилась, зажала зубами карандаш и стала шарить глазами по стенам в поисках розетки. Я как раз заряжал свой компьютер из парной розетки, второй вход был свободен.

– Не возражаете? – обратилась она ко мне, показывая вилку сетевого шнура.

– Конечно.

Она подсоединилась и села на пол по-турецки с компьютером, разложив вокруг себя блокноты. Я продолжил свои занятия.

«Диспансерное наблюдение после ортопедической консультации... – Я стал изучать календарь, вспоминая дату. – 23 января. Доктор Бен Пейн. Пациент – Ребекка Петерсон. Личные данные: родилась 7-6-1995, медицинский номер ВМС2453, пол женский, белая, ведущий правый край футбольной команды, чемпионка Флориды по голам, множество предложений от команд страны, в том числе 14 от команд первого дивизиона; операция 3 недели назад, послеоперационное состояние хорошее, осложнений нет, интенсивная физиотерапия, полный двигательный диапазон, тест на сгибание 127 градусов, значительное улучшение при силовой проверке и при проверке на подвижность. Она стала как новенькая, даже лучше, чем раньше, как сама говорит. Ребекка утверждает, что теперь движения безболезненны и что она готова возобновить любую деятельность, кроме скейтборда. Снова встать на скейтборд ей разрешено только после 35 лет».

Я перешел к следующему пациенту.

«Первичная ортопедическая консультация 23 января, доктор Бен Пейн...»

Я каждый раз повторяю одно и то же, потому что в нашем электронном мире каждая запись живет собственной жизнью и в случае утраты требует идентификации.

«Пациент Рашид Смит, личные данные: дата рождения 19 февраля 1979 г., медицинский номер ВМС17437, пол мужской, черный, начинал как бэк в защите в команде «Джексонвилл Джэгуарз». Один из самых быстроногих людей, каких мне доводилось видеть. Магнитно-резонансное исследование не подтверждает разрыва связок и сухожилий, рекомендована интенсивная физиотерапия и воздержание от баскетбола до завершения карьеры в профессиональном футболе. Ограниченность в движениях из-за боли и чрезмерной чувствительности, которые должны исчезнуть при лечении после завершения игрового сезона. Может возобновить

ограниченные силовые и скоростные тренировки после прекращения болей. Осмотр раз в две недели, прекращение членства в баскетбольном клубе УМСА^[3]».

Убирая истории болезней в рюкзак, я заметил, что она смеется.

– Вы врач?

– Хирург. – Я показал ей папки. – Пациенты за неделю.

– Вы хорошо разбираетесь в пациентах. – Она пожала плечами. –

Простите, я невольно подслушала.

Я кивнул.

– Жена научила меня одной важной вещи.

– А именно?

– Что люди – не просто суммы артериального давления и пульса, поделенные на индекс массы тела.

Она опять прыснула.

– Значит, вы доктор моего типа.

Я указал подбородком на ее блокноты.

– А вы?

– Обозреватель. – Она ткнула пальцем в бумаги перед собой. – Пишу для нескольких женских журналов.

– На какие темы?

– Мода, тенденции, юмор и сатира, отношения... Но я не анонимная бумагомарака и не занимаюсь сплетнями.

– Из меня писатель, честно говоря, никакой. Сколько статей вы пишете за год?

Она задумчиво покачала головой.

– Сорок-пятьдесят. – Она посмотрела на мой диктофон. – По-моему, большинство врачей не выносят эти штуки.

Я повертел диктофон в руке.

– А я без него шагу не делаю.

– Темный штрих на фоне белого халата?

– Что-то вроде этого, – согласился я со смехом.

– Трудно было привыкнуть?

– Потребовалось время. Зато теперь я жить без него не могу.

– Чувствую, за этим стоит целая история!

– Мне дала это Рейчел, жена. Мы переехали в Джексонвилл, Флорида, я поступил на работу в больницу. Она боялась строгого графика, боялась оказаться «докторской вдовой», поедающей на диване мороженое и пялящейся в телевизор. Диктофон помог нам слышать голос друг друга, не упускать мелочей, не бояться моего будильника в два часа ночи. Два дня он

у нее, она наговаривает все, что у нее на душе или на сердце, потом передает мне. Пара дней у меня, пара опять у нее, и так далее.

– Разве сотовый телефон не то же самое?

Я пожал плечами.

– Это разные вещи. Как-нибудь сами попробуйте, тогда поймете, о чем я.

– Вы давно женаты?

– На этой неделе исполняется пятнадцать лет. – Я посмотрел на ее руки и увидел одно колечко с бриллиантом на левой. Обручального кольца не было. – А вы?

Она не удержалась от улыбки.

– Я пытаюсь успеть домой на обед после репетиции церемонии бракосочетания, назначенной на завтра.

– Поздравляю.

Она покачала головой, глядя поверх толпы.

– У меня миллион дел, а я работаю над материалом для статьи о мимолетном писке моды, который мне самой совсем не нравится.

– Наверное, вы хорошо пишете, – предположил я.

Снова пожала плечами.

– Пока что от меня не отказываются. Слышала даже, некоторые покупают эти журналы из-за моей колонки. Сама я этих поклонников никогда не встречала.

Она обладала невероятным магнетизмом в сочетании с потрясающим шармом.

– Вы все еще живете в Джексонвилле? – спросила девушка.

– Все еще там. А вы?

– Атланта. – Она протянула мне свою карточку. ЭШЛИ НОКС.

– Эшли.

– Я для всех Эшли, кроме родного отца: он называет меня Эшер. Он хотел мальчика, был страшно зол на мою мать, когда я родилась не с тем оснащением, вот и переделал окончание имени. Вместо балета и софтбола он таскал меня на тхеквондо.

– Дайте-ка сообразить... Вы из тех чудиков, кто ударом ноги сбрасывает предметы с чужих голов?

– Из этих самых.

– Тогда понятно, почему у вас такая прекрасная растяжка.

Она скромно кивнула – похоже, без всякого желания произвести на меня впечатление.

– Какой у вас уровень?

Она показала три пальца.

– Был у меня недели три тому назад такой пациент, я вставлял ему в голень стержни на болтах.

– Как это его угораздило?

– Он лягнул противника, а тот поставил блок локтем. Голень продолжила движение и согнулась не в ту сторону.

– Видела такое!

– Послушать вас, над вами тоже потрудились хирурги.

– В подростковые годы и позже я участвовала во многих соревнованиях. Национальные чемпионаты, международные встречи в разных странах. Хватало и переломов, и вывихов. Было время, когда мой ортопед в Атланте находился со мной на постоянной связи. Эта ваша рабочая поездка, личная или то и другое?

– Я возвращаюсь с медицинской конференции. Участвовал в работе секции, а еще... – Я улыбнулся. – Еще удалось полазить.

– Полазить?

– В горах.

– Вот, значит, чем вы занимаетесь, когда не режете людей?

Она меня рассмешила.

– У меня два хобби. Одно – бег. Бегая, я познакомился с Рейчел. Начал еще старшекласником. Привычка старая, с ней трудно бороться. Когда мы вернулись домой, то купили кондоминиум на пляже, чтобы бегать за приливом и обратно. А второе хобби – скалолазание. Это началось в медицинском колледже в Денвере. Я лазил, а она старалась, чтобы у меня не сорвало крышу. В общем, в Колорадо пятьдесят четыре горы выше четырнадцати тысяч футов. Местные называют их «четырнадцатитысячники». Есть даже неофициальный клуб людей, которые все их покорили. Мы начали свой отсчет еще студентами.

– Сколько их на вашем собственном счету?

– Двадцать. Только что я добавил к списку гору Принсетон, 14 197 футов. Она принадлежит к хребту Колледжиэйт Пикс.

Она размышляла целую минуту.

– Это почти три мили над уровнем моря!

– Близко к истине, хотя не совсем.

– И сколько времени занимает такое восхождение?

– Обычно день или меньше, но погодные условия в это время года создают кое-какие... – Я закусил губу. – Скажем, трудности.

– Нужен кислород? – спросила она со смехом.

– Нет, но сначала неплохо было бы акклиматизироваться.

- Там, наверное, снег и лед?
- Да.
- Лютый мороз, валит снег, дует сумасшедший ветер?
- Как я погляжу, вы хороший журналист.
- Угадала?
- Бывает и такое.
- Но вам удалось подняться и спуститься живым?
- Как видите, – весело ответил я.
- Она приподняла одну бровь.
- Выходит, вы один из этих?
- Из каких?
- Из мужчин, покоряющих стихию.

С этим мне не захотелось соглашаться.

– Скорее, я воин выходного дня. Чаще всего я нахожусь дома, на уровне моря.

Она пристально разглядывала толпу.

- Ваша жена не с вами?
- В этот раз нет.

У меня заурчало в животе: по терминалу потянуло вкусным запахом из «Калифорния Пицца Китчен». Я встал.

- Присмотрите за моими вещами?
- Конечно.
- Я быстро.

Я вернулся с салатом «Цезарь» и с пиццей пеперони размером с целую тарелку. В следующую секунду ожили динамики.

– Внимание, если мы быстро загрузимся, то сможем опередить бурю. Нас не так много, так что пассажиры всех направлений приглашаются на рейс 1672 до Атланты.

На табло восьми выходов вокруг меня красовалось одно и то же – «рейс задерживается». Пара родителей уже бежала по терминалу, за ними торопился выводок – двое мальчуганов, фанатов «Звездных войн», с чемоданчиками и пластмассовыми саблями с подсветкой.

Я схватил рюкзак и еду и последовал за еще семерыми, включая Эшли, к самолету. Нашел свое кресло, пристегнулся. Стюардессы пересчитали пассажиров, и самолет начал движение по летному полю. Такой торопливой посадки у меня еще не бывало.

Самолет остановился, и из динамиков раздался голос пилота:

– Мы встали в очередь на обработку антиобледенителем. Если повезет, опередим бурю. Кстати, впереди много свободных мест. Если вы не сидите

в первом классе, то сами виноваты. Места хватим всем.

Все послушно перешли вперед.

Меня ждало единственное не занятое к тому моменту место в первом классе – как раз рядом с Эшли. Застегивая ремень, она подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Думаете, мы выберемся отсюда?

Я посмотрел в иллюминатор.

– Сомневаюсь.

– Вы пессимист?

– Я врач. Ремесло делает меня оптимистом со склонностью к реализму.

– Звучит значительно.

На протяжении получаса стюардессы выполняли все наши пожелания. Я пил острый томатный сок, Эшли – каберне.

Когда пилот снова заговорил, его тон меня не слишком обнадежил.

– Как вы знаете, мы пытались обогнать бурю...

Прошедшее время не предвещало ничего хорошего.

– Диспетчеры на вышке предупреждают, что в нашем распоряжении осталось окно примерно в один час...

Дружный вздох. Надежда еще теплилась.

– Но наземная служба сообщает, что один из двух антиобледенительных агрегатов вышел из строя. Получается, остался один агрегат на все самолеты, которые выстроились на взлетной полосе, а мы двенадцатые в очереди. Короче говоря, сегодня нам отсюда не вырваться.

Самолет содрогнулся от коллективного стога.

Эшли отстегнулась, сокрушенно покачивая головой.

– С ума сойти...

Толстяк слева от меня выругался.

– Наши сотрудники встретят вас на выходе. Если вам нужен ваучер для отеля, обратитесь к Марку, он в красном жилете. Заберите багаж, а потом наш автобус доставит вас в отель. Мне искренне жаль.

Вернувшись в терминал, мы увидели, как надписи «задержан» на табло меняются на «отменен».

– Это никуда не годится! – сказал я, выразив общие чувства.

Женщина за стойкой стоя смотрела на монитор компьютера и покачивала головой. Я еще рта открыть не успел, а она уже отвернулась к телевизору, показывавшему метеоканал.

– Простите, ничем не могу помочь.

Сразу четыре экрана позади меня демонстрировали огромный зеленый смерч, двигавшийся на юго-восток через штаты Вашингтон и Орегон и

задевавший север Калифорнии. Бегущая строка внизу предрекала снег, понижение температуры, сильные порывы ветра. Парочка слева от меня слилась в страстном поцелуе. Я поневоле улыбнулся. Кое-кому выпал лишний день счастья!

Марк выдавал ваучеры и направлял людей к багажному транспортеру. Кроме ручной клади – небольшого рюкзака, служившего заодно и деловым чемоданчиком, – у меня был еще один, гораздо больше по размеру, который должно было теперь исторгнуть чрево самолета. Вместе со всеми я ждал багажа.

Я занял место у ленты транспортера и на время потерял из виду Эшли, задержавшуюся у киоска с натуральной едой. За раздвижными стеклянными дверями я увидел огни частного аэропорта, располагавшегося на расстоянии чуть меньше мили. На ближайшем ангаре было выведено огромными буквами: «ЧАРТЕРЫ». В одном из ангаров горел свет.

На ленте появился мой багаж. Я взвалил его на свободное плечо, повернулся – и буквально врезался в подошедшую Эшли. Она вытаращила глаза.

– Я смотрю, вы – скалолаз с обременением. Вы что, собирались покорить Эверест? Зачем вам столько вещей?

Немудрено, что ее напугал мой огромный выдавший виды рюкзачина. Он очень удобный и подходит мне, как перчатка. Сейчас он был забит теплой одеждой и снаряжением для восхождения на Колледжиэйт Пикс. Спальный мешок, грелка, горелка – самое полезное и ценное из всего, а еще пара бутылок с широким горлом, рулон полипропилена и еще много всякой всячины, позволяющей выживать, не поступаясь комфортом, на высоте 10–11 тысяч футов. Здесь же был упакован темно-синий костюм в полоску, красивый голубой галстук (подарок Рейчел) и пара шикарных ботинок – в них я разок заявился на секцию.

– Я человек скромный и на Эверест не рвусь. На высоте пятнадцати тысяч футов мне становится нехорошо. Но ниже – в самый раз. Здесь, – я потрогал рюкзак, – только самое необходимое.

Она высмотрела на ленте свой багаж, схватила чемодан, потом оглянулась с обреченным видом. Похоже, до нее стало доходить, что она не успевает на собственную свадьбу. Она протянула мне руку. Пожатие было твердым, но теплым.

– Рада была познакомиться. Надеюсь, вы доберетесь до дому.

– А вы...

Но она меня не услышала. Отвернувшись, она повесила сумку на плечо и зашагала к очереди на такси, в которой уже томилось человек сто,

если не больше.

Глава 2

Я протащил свои вещи через раздвижные двери и остановил аэропортовский автобус-шаттл. Обычно он развозил пассажиров между терминалами и частным аэропортом, но сейчас, когда все покидали аэропорт, он был пуст. Водитель барабанил пальцами по рулю.

Я просунул голову в дверь.

– Довезете до частного аэропорта?

– Садитесь. Все равно больше делать нечего.

Остановившись перед ангаром, он спросил:

– Вас подождать?

– Сделайте одолжение.

Он остался стоять, не заглушая двигатель, а я побежал в ангар, подняв воротник и засунув под мышки ладони. Небо было ясное, но ветер крепчал, температура падала.

Внутри я обнаружил раскаленную печку и седовласого мужчину рядом с одним из трех самолетов – маленьким одномоторным. На борту самолетика было выведено «Чартер Гровера». Ниже было приписано: «Доставляю на рыбалку и на охоту в дальние уголки». И регистрационный номер на хвосте: 138GB.

Стоя ко мне спиной, седовласый целился из лука в мишень на дальней стене. Расстояние составляло ярдов сорок. Когда я подходил, он как раз выпустил стрелу, которая со свистом понеслась к мишени. На нем были выцветшие джинсы, рубашка с пуговицами-кнопками и закатанными рукавами. Сзади на кожаном ремне было вытеснено «Grover», на бедре болтался чехол с многофункциональным инструментом, из-за высоких каблучков он выглядел колченогим. К его ногам жался джек-рассел-терьер, приносящийся ко мне и меривший меня взглядом.

Я помахал рукой.

– Привет!

Он оглянулся и приподнял брови. Он был высокого роста, красавец с мужественным квадратным подбородком.

– Здравствуйте. Вы Джордж?

– Нет, сэр. Меня зовут Бен.

Он поднял лук и навел его на мишень.

– Жаль.

– Почему?

Он натянул тетиву и, целясь, ответил:

– Меня наняли два типа для полета в горы Сан-Хуан. Задача – приземлиться на короткой полосе около Орея. – Он выпустил стрелу и прислушался к ее свисту. – Один из них назвался Джорджем. Я думал, это вы. – Он вложил в лук новую стрелу.

Я встал рядом с ним и посмотрел на мишень. Кучность попаданий свидетельствовала о том, что он опытный лучник.

– Вижу, вы в этом деле не новичок, – сказал я с улыбкой.

Он засмеялся, опять натянул тетиву, сделал короткий выдох и ответил:

– Занимаюсь этим от скуки, когда дожидаясь клиентов. – Стрела вонзилась в мишень рядом с первыми двумя. Он положил лук на сиденье в самолете, и мы вместе направились к мишени.

Он вытащил стрелы.

– Некоторые уходят на покой, чтобы гонять мячик по лужайке дорожной железной закорючкой. – Он улыбнулся. – А я занимаюсь охотой и рыбалкой.

Я оглянулся на его самолет.

– Есть смысл уговаривать вас улететь сегодня отсюда со мной?

Он насупился.

– Убегаете от слуг закона?

Я с улыбкой покачал головой.

– Нет, просто мечтаю попасть домой, пока не разразилась буря.

Он посмотрел на часы.

– Я собирался закрыть лавочку, вернуться домой и завалиться спать к жене под бочок. – Он заметил у меня на пальце обручальное кольцо. – Наверное, вы тоже. – Он показал в широкой улыбке белые зубы. – Но жены у нас разные. – Его смех внушал надежду.

– Угадали.

Он кивнул.

– Где ваш дом?

– Флорида. Я подумал: если обогнать бурю, то можно еще успеть на ночной рейс из Денвера или хотя бы на первый утренний. – Я выдержал паузу. – Что, если бы вы доставили меня куда угодно, лишь бы это было восточнее Скалистых гор?

– Почему такая спешка?

– У меня в графике замена коленной чашечки и двух берцовых костей через... – Я посмотрел на часы. – Через тринадцать часов сорок три минуты.

Гровер со смехом достал из заднего кармана тряпицу и вытер с

пальцев машинное масло.

– Завтра вечером вам не поздоровится.

– Замену буду производить я сам. Я хирург.

Он посмотрел через ворота ангара на аэропорт.

– Большие птахи нынче не летают?

– Все отменено. Сломался один из агрегатов для противоледной обработки самолетов.

– Это то и дело случается. Думаю, у профсоюза рыльце в пушку. Ну, а ваши операции можно и перенести. – Он пожевал губу и похлопал себя по груди. – Я сам лежал на операционном столе. Сердце пошаливает.

– Я отсутствовал неделю. Медицинская конференция. Пора назад... Я хорошо заплачу.

Он снова засунул тряпку в карман, вставил стрелы в колчан, убрал лук в футляр за сиденьем пилота и закрепил его ремнем на «липучках». Рядом с футляром помещались длинные спиннинги. Летчик любовно погладил их ладонью.

– А это что? – спросил я, трогая рукоять из орешника.

– Топорик. Я летаю в настоящие медвежьи углы. У меня есть все, что может там пригодиться. – Он поправил спальный мешок под креслом. – Все свое вожу с собой, иначе никак.

Позади кресла висела куртка, а также всевозможные причиндалы рыбака. Указывая на это богатство, он объяснил:

– Мои клиенты посещают сказочные места. Сам я не могу себе позволить там отдыхать. Они – мои благодетели. Даже жена иногда со мной летает. – Было ясно, что ему за семьдесят, но фигура у него была как у пятидесятилетнего, а душа вообще как у подростка.

– Самолет ваш?

– Мой. Это «Скаут».

– Похож на самолет Стива Фоссетта^[4].

– Один в один. Мотор «Локомэн» 0-3-60, 180 «лошадок». Максимальная скорость – 140 миль в час.

– Маловато, – сказал я, хмурясь.

– А куда торопиться. – Он погладил трехлопастный винт. – Зато этот летун способен приземляться на скорости 38 миль в час, а это значит, что я смогу посадить его на площадке размером с этот ангар.

Площадь ангара была каких-то 70 футов на 125.

– Это дает возможность рыбачить и охотиться в самых удаленных местечках. Поэтому я пользуюсь большой популярностью у своих клиентов. – Тихо посвистывая, он уставился на большие часы, считая в

уме. – Даже если я доставлю вас в Денвер, вы можете не успеть выбраться оттуда до ночи.

– Я готов рискнуть. В аэропорту пугают, что из-за снегопада все полеты могут прекратиться до послезавтра.

Он кивнул.

– Вам придется раскошелиться.

– Сколько?

– Сто пятьдесят в час плюс оплата моего обратного перелета. В общей сложности девятьсот баксов.

– Вы принимаете кредитные карточки?

Он, продолжая насвистывать, зажмурил один глаз, другим пристально меня разглядывал. Похоже, он вел напряженный внутренний монолог. Наконец он утвердительно кивнул, улыбнулся уголком рта, протянул мне руку.

– Гровер Рузвельт.

Я потряс его мозолистую и твердую ладонь.

– Вы, часом, не родственник президента?

– Дальний. Но они меня не признают.

– А я Бен Пейн.

– Вы что, действительно разгуливаете в белом халате с табличкой «доктор Пейн»?

– Разгуливаю.

– И пациенты платят вам за лечение?

Я дал ему свою визитную карточку.

– Некоторых я даже кромсаю.

Внизу карточки было приписано:

Know pain? No Payne.

Know Payne? No pain^[5].

Он постучал по карточке пальцем.

– Как бы на вас не рассердился Иисус. Вы пользуетесь Его лозунгом.

– Пока что обходится без иска.

– Вы и Его оперировали?

– Разве что анонимно.

Он с усмешкой вынул из кармана рубашки трубку, зажал ее зубами, щелкнул бронзовой зажигалкой и поднес язычок пламени к табаку. Когда серединка воспламенилась, он закрыл крышечку и спрятал зажигалку в карман.

– Ортопедия, значит?

– Ортопедия. Еще неотложная помощь. Часто одно неотделимо от

другого.

Он засунул руки в карманы.

– Дайте мне пятнадцать минут. Я должен позвонить жене. Скажу, что буду позже, зато, вернувшись, свожу ее в ресторан. Ну, и... – Он указал на туалет. – Надо подготовиться. – Он шагнул к телефону, бросив через плечо: – Можете сложить сзади свои вещи.

– У вас тут есть Интернет?

– Есть, пароль «Tank».

Я открыл лэптоп, подключился к сети и вошел в свою электронную почту – деловые сообщения и личные голосовые, пересылавшиеся на аккаунт в виде звуковых файлов. Я дорожил своим временем и почти на все сообщения ответил по электронке. После этого я подключил к компьютеру диктофон и отправил все, что надиктовал раньше, на адрес своей больницы. Под конец я на всякий случай скопировал еще два файла. Потом закрыл компьютер, решив, что на остальную почту отвечу в полете, а после приземления она автоматически разлетится по адресам.

Гровер появился через несколько минут. Я вдруг вспомнил про Эшли Нокс, она тоже торопилась домой.

– Сколько пассажиров вы можете взять?

– Двоих, если они не возражают против тесноты.

Я оглянулся на аэропорт.

– Подождете еще десять минут?

Пилот не возражал.

– Я как раз готовлюсь к полету. – Он выглянул в темноту. – Только поторопитесь. Ваше окно возможностей становится все меньше.

Водитель автобуса-шаттла доставил меня обратно и, поскольку я так и остался единственным клиентом, согласился подождать еще раз. Эшли все еще стояла на тротуаре в очереди на такси, закутанная в пуховик.

– Я нанял чартер, он доставит меня в Денвер. Вдруг опережу бурю? Я вам, конечно, чужой человек, но все равно я решил сказать, что в самолете есть одно свободное место.

– Вы серьезно?

– Это займет не больше двух часов. – Я развел руками. – Понимаю, это выглядит как-то... Ну и пусть. Я сам когда-то прошел через всю эту свадебную кутерьму. Если вы хотя бы немного походите на мою жену, то тоже не будете спать две ночи, беспокоясь, все ли готово. Это просто честное предложение одного профессионала другому. Никаких условий.

Она недоверчиво смотрела на меня.

– Вам действительно ничего от меня не нужно? – Она оглядела меня с

ног до головы. – Можете мне поверить на слово... – Она покачала головой. – Я справлялась с людьми покрупнее вас.

Я покрутил на пальце обручальное кольцо.

– На задней террасе, где я пью кофе и любуюсь океаном, жена поставила три миски, хочет накормить всех помоечных котов с парковки. Теперь они каждое утро пьют вместе со мной кофе. Я придумал всем им имена и привык к их мурлыканью.

Она наморщила лоб.

– Вы сравниваете меня с уличной кошкой?

– Нет, просто я не замечал их, пока она мне их не показала и не стала их кормить. Пока не открыла мне глаза. Теперь я всюду их вижу. И на людей теперь смотрю иначе. И это очень хорошо, потому что у нас, врачей, частенько замыливается глаз. – Я помолчал. – Не хочу, чтобы вы пропустили свою свадьбу, вот и все.

Я впервые заметил, что она не стоит на месте, а подпрыгивает, как будто ногу отсидела.

– Вы согласны поделить расходы?

Я пожал плечами.

– Если вам так удобнее – пожалуйста. Приглашение остается в силе.

Она уставилась на летное поле, переминаясь с ноги на ногу.

– Утром я должна отвезти на завтрак шесть подружек невесты, потом потратить несколько часов на косметические процедуры. – Она посмотрела на мой автобус и на огни отеля в отдалении, глубоко вздохнула и улыбнулась. – Удрать отсюда уже сегодня – это... фантастика! – Она оглянулась. – Подождете три минуты?

– Конечно, хотя... – Зеленое завихрение на экране за нами сместилось к аэропорту.

– Простите, я перепила кофе. Хотела дотерпеть до отеля. Надеюсь, здесь туалет побольше, чем в самолете.

– Скорее всего, – ответил я со смехом.

Глава 3

Гловер ждал в самолете, нацепив наушники и двигая рычажки на пульте перед собой.

– Готовы?

– Гровер, это Эшли Нокс, обозреватель из Атланты. Через двое суток у нее свадьба. Я подумал, что вы не откажетесь ее подбросить.

Он помог ей подтащить багаж к самолету.

– С радостью.

Видя, что он кладет наши вещи за задним сиденьем, я не сдержал любопытства.

– Разве в хвосте нет места?

Он открыл дверцу рядом с хвостом и улыбнулся.

– Все занято. – Он ткнул пальцем в большой ярко-оранжевый прибор на аккумуляторах. – ПАП.

– Вы не врач, а говорите аббревиатурами.

– Передатчик аварийной посадки. В случае падения и давления больше тридцати фунтов этот прибор подаст аварийный сигнал на частоте 122,5. Другие самолеты будут знать, что у нас беда. Диспетчерские службы получают сигнал, поднимут в воздух пару самолетов, вычислят наши координаты и вышлют конный отряд.

– Почему же так долго искали самолет Стива Фоссета?

– Потому что ПАП не выдерживает удара при скорости более двухсот миль в час.

– Вот оно что...

Мы залезли в самолет, он задвинул за нами дверцу и завел двигатель. Мы с Эшли надели наушники, висевшие над нашими креслами. Пилот был прав, предупреждая о тесноте в самолете.

Мы выкатились из ангара. Гровер быстро щелкал тумблерами и двигал рычагом между коленями. Я в воздухоплавании не мастак, но Гровер, по моему, мог бы управлять этим самолетом даже во сне. На краях приборной доски мигали два прибора GPS.

Я по природе любопытен, поэтому похлопал его по плечу и указал на эти приборы.

– Почему два?

– На всякий случай.

– Какой случай?

– Говорю же – всякий!

Пока он выполнял свои предполетные манипуляции, я вызвал свою голосовую почту. Меня ждало одно сообщение. Я прижал телефон к уху.

– Это я... – Голос был совсем тихий, как будто она спала. Или плакала. Я услышал шум океана: ритмичный накат волн на берег. Значит, она вышла на веранду. – Не люблю, когда тебя нет. – Глубокий вдох, пауза. – Знаю, тебе неспокойно. Не надо. Через три месяца все будет позади, вот увидишь. Я подожду. – Она попыталась засмеяться. – Мы все дождемся. Кофе на пляже... Поторопись. Люблю тебя. Все утрясется, поверь. И ни минуты не сомневайся, не думай, что я меньше тебя люблю. Я люблю тебя так же, даже сильнее, сам знаешь. Не сердись. Мы все осилим. Я тебя люблю, люблю всем своим существом. Скорее возвращайся. Я встречу тебя на пляже.

Я выключил телефон и уставился в иллюминатор.

Гровер покосился на меня краем глаза и мягко послал рычаг вперед. Мы покатались по гудрону.

– Хотите ей перезвонить? – спросил он через плечо.

– Что?

Он показал на мой телефон.

– Хотите ей перезвонить?

– Нет. – Я махнул рукой, опустил телефон в карман и стал смотреть на сгущающиеся тучи. – Все в порядке. – Удивительно, как он умудрился что-то расслышать сквозь шум пропеллера. – У вас чертовски острый слух.

Он указал на микрофон на моих наушниках.

– Ваш микрофон передал ее голос. Это все равно что слушать ее самому. – Он кивнул в сторону Эшли. – В таком самолетике секретов не бывает.

Она с улыбкой дотронулась до своих наушников и кивнула, наблюдая, как он управляет самолетом. Он заглушил двигатель.

– Я могу подождать, если вы хотите позвонить.

Я покачал головой.

– Не надо, все в порядке.

– Центр управления, – заговорил он, – это борт один-три-восемь-браво, прошу разрешения на взлет.

Через несколько секунд у нас в наушниках прозвучало:

– Один-три-восемь-браво, взлет разрешаем.

Я указал на прибор GPS.

– Он показывает данные метео-РЛС?

Гровер нажал какую-то кнопку, и на дисплее появилось нечто, похожее

на изображение на экране в аэропорту: зеленый сгусток перемещался слева направо, надвигаясь на нас.

– Впечатляет! – сказал Гровер. – В этой зеленой сопле куча снегу.

Еще две минуты – и мы взмыли в небо. Он обратился к нам обоим в микрофон:

– Мы поднимемся на высоту двенадцати тысяч футов и пролетим примерно пятьдесят миль на юго-восток, поперек долины Сан-Хуан, к озеру Строберри. Как только оно покажется, повернем на северо-восток, пролетим над пустыней Хай Юинтас и окажемся над Денвером. Полет продлится около двух часов. Можете расслабиться и даже перемещаться по кабине. Сейчас вам предложат ужин и выбор развлечений.

Сардинам в банке и то было бы просторнее, чем нам!

Гровер достал из кармашка на дверце два пакетика с жареным миндалем, передал нам через плечо и замурлыкал «Я улечу...»^[6]. Потом прервался на полуслове.

– Бен!

– Что?

– Ты давно женат?

– На этой неделе исполняется пятнадцать лет.

– Скажите правду, вы все еще на седьмом небе или так, ни шатко ни валко? – пискнула Эшли.

Я почувствовал, что вопрос задан не просто так. Гровер хохотнул.

– Вот я уже полвека женат, и, поверьте, становится только лучше. Уж точно не хуже. Не скучно. Я люблю ее сильнее, чем в день свадьбы, а ведь тогда, в июльский день, когда по моей спине лился пот, я думал, что такое абсолютно невозможно.

Эшли посмотрела на меня.

– Как собираетесь праздновать?

– Хотел подарить цветы, откупорить шампанское, полюбоваться волнами, накатывающимися на песок.

– Вы все еще дарите ей цветы?

– Каждую неделю.

Она отвернулась, опустила голову, приподняла одну бровь, скривила губы – все это делают женщины, когда не верят ни единому вашему слову.

– Вы каждую неделю преподносите жене цветы?

– Ага.

– Молодец! – вмешался Гровер.

В ней проснулся журналист.

– А какие цветы любит ваша жена?

– Орхидеи в горшочках. Только они не всегда цветут, поэтому если я не могу найти орхидею, то иду в лавку недалеко от больницы и выбираю то, что цветет.

– Серьезно?

– Вполне.

– Что она делает со всеми этими орхидеями? – Она покачала головой. – Только не говорите, что вы их потом выбрасываете.

– Я построил ей теплицу.

Ее бровь снова поползла на лоб.

– Теплицу?

– Ага.

– Сколько же у вас набралось орхидей?

Я пожал плечами.

– В последний раз я насчитал 257.

– Настоящий романтик! – засмеялся Гровер. – А как вы познакомились со своим женихом, Эшли?

– В зале суда. Я писала статью о бракоразводном процессе одной знаменитой пары. Он был адвокатом одной из сторон. Я взяла у него интервью, и он пригласил меня поужинать.

– Отлично! Что вы планируете на медовый месяц?

– Две недели в Италии. Начнем в Венеции и закончим во Флоренции.

Самолет провалился в воздушную яму.

Настала ее очередь расспросить Гровера.

– Простите за любопытство, мистер... – Она щелкнула пальцами, он махнул рукой.

– Зовите меня просто Гровер.

– Сколько часов вы провели в воздухе за свою жизнь?

Он завалил самолет на правое крыло, потом принял рычаг на себя, взмыв вверх. Меня чуть не стошнило.

– Вы хотите знать, смогу ли я доставить вас в Денвер, чтобы вы не опоздали на свою свадьбу, и притом не врезаться в гору?

– Что-то в этом роде.

Он поворачивал штурвалом, и самолет покачал крыльями.

– Военную службу учитывать?

Я от страха вцепился в перекладину у себя над головой. Эшли сделала то же самое.

– Не учитывать, – ответила она.

Он выправил самолет и ответил:

– Примерно пятнадцать тысяч.

Она перевела дух.

– А вместе со службой?

– Тогда больше двадцати тысяч.

Я тоже выдохнул и опустил руку. Костяшки пальцев побелели, ладонь горела огнем. Он обратился к нам обоим, и я почувствовал в его голосе ухмылку:

– Ну как, полегчало?

Песик Гровера выбрался из-под сиденья, залез к нему на колени, привстал и устоял через его плечо на нас, шумно сопя и подергиваясь, совсем как белка на стероидах. Туловище у него было, как одна толстая рифленая мышца, лапки коротенькие, дюйма три-четыре – можно было подумать, что их обрубili в коленях. Он явно чувствовал себя здесь хозяином, все его поведение говорило о том, что он считает кабину своей конурой.

– Познакомьтесь, это Тэнк, – обратился к нам Гровер. – Мой второй пилот.

– А у него какой налет часов? – поинтересовался я.

Гровер немного помолчал и ответил:

– Где-то между тремя и четырьмя тысячами.

Второй пилот, утратив к нам интерес, некоторое время смотрел в лобовое стекло, потом прыгнул с колен своего хозяина и вернулся на свое место под сиденьем.

Я подался вперед и стал рассматривать руки Гровера. Они были грубые, мясистые, с сухой кожей и раздутыми суставами. Тонкое обручальное кольцо сползло к основанию пальца, но преодолеть сустав оно без помощи мыла вряд ли смогло бы.

– Долго нам еще лететь?

Он достал из нагрудного кармана часы и щелчком откинул крышку. Под ней оказалась фотография женщины. Потом он глянул на свои приборы. Датчик GPS показывал примерное время прибытия, но он, кажется, не очень ему доверял. Захлопнув часы, он ответил:

– Учитывая встречный ветер, часа два.

Фотография под крышкой часов была покореженная, но я успел оценить красоту женщины.

– У вас есть дети?

– Пятеро. И тринадцать внуков.

– Вы не теряли времени зря! – со смехом заметила Эшли.

– Было дело... – Он улыбнулся. – Трое мальчишек, две девчонки. Младший, наверное, постарше вас. – Он глянул через плечо. – Сколько вам

лет, Бен?

– Тридцать девять.

– А вам, Эшли?

– Разве вы не знаете, что женщину нельзя спрашивать про возраст?

– Технически мне нельзя было сесть на заднее сиденье двоих, но я человек старых правил, условности никогда меня не останавливали, а вам там, как я погляжу, хорошо.

Я похлопал его по плечу.

– Какая разница – один или двое?

– Федеральное авиационное агентство постановило, что у меня на заднем сиденье может находиться только один пассажир.

Эшли с улыбкой подняла палец.

– Значит, я вне закона?

– Надо еще разобраться, что такое закон, – бросил он.

Она посмотрела в иллюминатор.

– Куда мы отправимся после приземления – в терминал или в тюрьму?

– Вообще-то они не в курсе, что вы летите в этом самолете, и не собираются вас арестовывать. Но в случае чего я скажу им, что вы меня похитили и что я хочу подать на вас в суд.

– Теперь мне спокойнее, – сказала Эшли, косясь на меня.

– Этот самолет предназначен для низкого и неспешного перемещения в воздухе, – продолжил он. – Поэтому я лечу по правилам визуального полета.

– Как это понимать? – спросил я.

– А так и понимать, что я не должен подавать плана полета, если намерен лететь по визуальным ориентирам. Что я и делаю. Так что власти на нас покушаться не должны. Итак? – Он откинул голову, глядя на Эшли. – Сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

Он посмотрел на свою приборную панель, потом на один из приборов GPS и покачал головой.

– Нас сносит ветром. А все эта буря! Хорошо, что я знаю, куда лететь, иначе мы сбились бы с курса. – Он усмехнулся. – Какие же вы оба молоденькие! Вся жизнь впереди. Много бы я отдал, чтобы вернуться в молодость, но только с теми знаниями, которые теперь у меня есть!

Мы с Эшли притихли. У нее изменилось настроение: теперь она сидела задумчивая, забыв, что ей положено очаровывать мужчин. Мне было не по себе, ведь это из-за меня она попала в трудное положение. Гровер угадал наше состояние.

– Да не переживайте вы! Закон действует только в том случае, если вас поймают, но этого не случится. Еще пара часиков – и вы будете на земле, а потом отправитесь на все четыре стороны. – Он откашлялся и продолжил смеяться.

Через плексиглас над моей головой проглянуло ночное небо. Звезды были совсем рядом – только руку протяни.

– Значит, так, – опять подал голос Гровер и, проверив показания приборов, кашлянул. Когда он кашлянул во второй раз, я напряг слух. – Во-первых, мы пытаемся обогнать бурю – она у нас слева. Во-вторых, нас сносит ветром. В-третьих, нам на руку попутный ветер, а в-четвертых, у меня нет кислородных баллонов. Вывод: мы не должны подниматься выше 15 тысяч футов, иначе вы приземлитесь с головной болью.

– Сдается мне, это еще не главный вывод, – сказала Эшли.

– А вот и главный: держитесь, впереди пустыня Хай-Уинтас.

– Что впереди?

– Пустыня Хай-Уинтас. Так называется самая широкая в поперечнике, с востока на запад, горная гряда континента, 1,3 миллиона акров полного безлюдья. За зиму здесь выпадает пятьсот-семьсот дюймов снега, а на высокогорье и того больше. Озер здесь больше семисот, так что рыбалка и охота в этих местах просто нереальные!

– Действительно, глушь!

– Видели фильм «Иеремия Джонсон»? [\[7\]](#)

– Один из моих любимых!

Он указал вниз и расплылся в блаженной улыбке.

– Его снимали здесь.

– Вы шутите?

– И не думаю!

Нас трясло все сильнее, к горлу подкатывала тошнота.

– Гровер, знаете, есть такие аттракционы: вам кажется, что вы куда-то несетесь, хотя на самом деле вы торчите на месте?

Он сдвинул рычаг к левому колену.

– Знаю.

– Я прозвал их «рвотные кометы». У нас будет что-то вроде этого?

– Ничего похожего. Скорее «русские горки». Приятно и нестрашно. Вам понравится.

Он стал смотреть в иллюминатор, мы тоже. Песик опять запрыгнул к нему на колени.

– Посередине – лесной заказник, сюда запрещен въезд транспорта. Такую глушь на планете еще поискать! Скорее Марс, а не Земля! Попасть

сюда трудно, выбраться – еще труднее. Если вы ограбили банк и скрываетесь, то вам сюда.

– Вы знаете это по собственному опыту? – спросила Эшли со смехом.

Гровер хохотнул и закашлялся.

– Пятая поправка к Конституции: против себя не свидетельствую.

Под нами простиралась непролазная чаща.

– Гровер?

– Чего?

– Какая дальность видимости по курсу?

– Миль семьдесят, наверное.

И нигде ни единого огонька!

– Сколько раз вы здесь летали?

– Раз сто, а то и больше, – ответил он, склонив голову набок.

– Выходит, вы могли бы лететь здесь с закрытыми глазами?

– Не исключено.

– Если мы приблизимся к снежным вершинам под нами, они могут поцарапать нам брюхо.

– Еще чего! – Я понял, что он нас дразнит. – Тут все сто футов! Но вам лучше туда не смотреть, а то елки уколят ваши задницы!

Эшли засмеялась. Гровер достал из нагрудного кармана упаковку леденцов «Тамс», бросил в рот пару конфеток, пожевал, покашлял, постучал себя по груди, прикрыл ладонью микрофон и рыгнул. Я похлопал его по плечу.

– Насчет вашего пошаливающего сердца: давно вы кашляете и жуετε нейтрализаторы кислотности?

Он потянул рычаг на себя, задрал нос самолета, и мы набрали высоту, чтобы пролететь над плато и очутиться между двумя горами. Слева засияла луна, озарив мир, окутанный белым саваном. Он немного помолчал, глядя по сторонам.

– Красиво, да?

– Нереально красиво, – ответила за нас обоих Эшли.

– Док, – обратился Гровер ко мне, – на прошлой неделе я был у кардиолога. Это он посоветовал мне снижать кислотность.

– Вы жаловались ему на кашель?

– Да, поэтому жена меня к нему и погнала.

– Как кардиограмма?

– Все чисто.

– Все-таки сходите к кардиологу еще раз. Возможно, вы здоровы, но мало ли что?

– Думаете, надо?

– Думаю, будет нелишне.

Он кивнул.

– Я живу по двум простым правилам. Правило первое: я доверяю своему умению и умениям другим людей.

– Значит, пойдете?

– Завтра вряд ли получится, скорее, во второй половине недели. Я не опоздаю?

– Главное, чтобы уже на этой неделе. Обещаете?

– Расскажите о своей жене, – перебила нас Эшли.

Мы летели над самыми вершинами. Гровер немного помолчал, потом негромко заговорил:

– Девушка со Среднего Запада. Вышла за меня, когда у меня ничего за душой не было, только любовь, мечты, страсть. Родила мне детей, поддерживала, когда я все терял, верила, когда я обещал, что все наладится. Не обижайтесь, но она – красивейшая женщина на свете.

– Какие могут быть обиды! Лучше дайте совет невесте, которой остается двое суток до венчания.

– Когда я просыпаюсь утром, она держит меня за руку. Я варю кофе, потом мы пьем его вместе, соприкасаясь коленями.

Гровер любил поговорить, и мы ему не мешали. Собственно, у нас не было выбора. Он не торопился.

– Не хочу сказать, что у вас обязательно должно быть то же самое. – Он пожал плечами. – Хотя, может, когда-нибудь и будет... Мы давно вместе, многое повидали, через многое прошли, но чем сильнее любишь кого-то, тем лучше тебе самому. Может, вы считаете, что старику вроде меня все равно, когда она идет по спальне во фланелевой сорочке, но это не так. – Он усмехнулся. – И ей тоже. Может, она уже не такая бойкая, как в двадцать лет, может, у нее уже свисает кожа под мышками и на ягодицах. Может, появились морщины, которые саму ее печалют, может, веки отяжелели, а нижнее белье стало больше размером. Возможно, все так и есть, но и сам я уже не такой, как на наших свадебных фотографиях. Я теперь седое, морщинистое, медлительное, поблекшее от солнца подобие того паренька, который когда-то женился на женщине, которая ему подходит. Я – половинка единого целого.

– Кто из вас лучшая часть? – не унималась Эшли.

– Когда она смеется, я улыбаюсь. Когда она плачет, я тоже не могу сдержать слез. Ни на что бы это не променял.

Самолет завибрировал, когда мы, перевалив через горы, оказались над

долиной. Гровер указал на экран GPS, потом ткнул пальцем в иллюминатор, повел рукой.

– Здесь, внизу, мы провели наш медовый месяц. Гейл любит природу. Мы каждый год сюда возвращаемся. – Он усмехнулся. – Теперь у нас есть домик на колесах, в нем одеяла с подогревом, электрическая кофеварка... Все тяготы остались в далеком прошлом.

Он поерзал в кресле.

– Вы просили у меня совета. Я скажу вам то же самое, что говорил собственным дочерям, когда они собирались выходить замуж. Выходите за того, кто проживет с вами следующие пятьдесят-шестьдесят лет. Кто будет открывать вам дверь, держать вас за руку, варить вам кофе, втирать мазь в трещины у вас на пятках, водрузит вас на пьедестал, где вам самое место. Он женится на вашем лице и на ваших белокурых волосах или будет по-прежнему вас любить, как бы вы ни выглядели через пятьдесят лет?

Воцарилось молчание. Я решил его нарушить.

– Гровер, вы изменили своему призванию!

Он причмокнул и проверил показания приборов.

– Вы о чем?

– Доктор Фил нервно курит в сторонке^[8].

Это его рассмешило.

– Вы двое пришли сегодня ко мне в ангар и увидели желто-синий самолетик и пилота – потрепанного старикана со старческими пятнами на руках и со злобной собачонкой у ног. Вам приспичило в Денвер, чтобы поскорее вернуться к своим упорядоченным, занятым жизням, к электронной почте, ко всяким голосовым и текстовым сообщениям. – Он покачал головой. – Я предоставил вам капсулу, чтобы воспарить над земными проблемами и получить перспективу, недоступную внизу. Отсюда лучше видно.

Он указал на подлунный пейзаж внизу.

– Все мы смотрим на жизнь через грязные, затуманенные, поцарапанные, а то и разбитые линзы. Вот это, – он схватил свой рычаг, – позволяет отлипнуть от линз и на короткое мгновение увидеть все, как оно есть на самом деле.

– Поэтому вы любите летать? – тихо спросила Эшли.

Он утвердительно кивнул.

– Иногда мы с Гейл взлетаем в небеса и проводим среди облаков два-три часа. Мы молчим, потому что не испытываем потребности в разговорах. Зачем наполнять эфир дурацкими помехами? Она просто сидит здесь, положив руку мне на плечо, и мы несемся над землей. После

приземления мир опять кажется нам нормальным.

Несколько минут мы втроем молчали. Потом Гровер кашлянул, издал протяжный хрип, схватился за грудь, наклонился вперед, сорвал с головы наушники и ткнулся лбом в стекло. Потом его спина выгнулась, он схватился за ворот рубашки и стал стягивать ее через голову, обрывая пуговицы. При этом он налег на рычаг, сдвинув его право, и самолет развернулся крыльями под прямым углом к земле.

Перед нами громоздилась гора. Ощущение было такое, будто мы – крошка, падающая со стола. Перед самым ударом Гровер умудрился выправить самолет, дернув рычаг назад. Мотор начал терять обороты, скорость упала почти до нуля, и я услышал, как верхушки деревьев царапают нам днище.

А потом, словно он делал это уже тысячу раз, Гровер положил самолет на горный склон.

Сначала со скалой соприкоснулось брюхо, потом левое крыло, в котором что-то хрустнуло и сломалось. Тяжесть правого крыла швырнула самолет на другой бок, послужив нам якорем. Гровер уже успел заглушить мотор. Последнее, что я помню, – вращение, кувыркание, отрыв хвоста, громкий хруст, крик Эшли, лай летящей по кабине собаки. Мне запорошило снегом лицо, в уши ворвался треск ломающихся ветвей.

Еще в мозгу отпечатался тугой зеленый завиток, скользящий по голубому монитору прибора GSP.

Глава 4

Познакомившись с Эшли, которая напомнила мне тебя, я начал вспоминать день нашего с тобой знакомства.

Дело было после уроков. Я стоял на беговой дорожке. Тогда мне было гораздо теплее, чем сейчас. У нас были забеги на четверть километра. Смотрю – возвращается команда, совершившая кросс по пересеченной местности. То есть до самой команды, плотной группы, было еще метров семьсот, но вперед вырвалась одна девчонка.

Ты.

Ты не бежала, а плыла, едва прикасаясь к траве. Поразительная согласованность движений рук и ног, как будто сверху тобой управлял невидимый кукольник. Я уже видел, как ты бегаешь кроссы. Ходили слухи, что большое расстояние – твой конек. Твои волосы были коротко подстрижены, как у Джулии Эндрюс в «Звуках музыки»^[9]. Ты без труда перепрыгнула через скамейку, потом через высокий барьер неподалеку от меня. У тебя было поставленное дыхание: глубокое, ритмичное. Взлетев над барьером, ты стрельнула в меня глазами. Ослепительные белки и яшмовые изумруды посередине.

От зрелища твоих раскинутых рук и растопыренных пальцев у меня по животу и по ногам заструился пот. Я услышал собственный голос (я сказал что-то вроде «вот это да!»), а потом я зацепился за барьер и шлепнулся на дорожку. На какую-то долю секунды ты потеряла свою сосредоточенность. Или сделала это специально. Уголок твоего рта пополз вверх, глаза вспыхнули. Потом твои ноги вернулись на землю, изумруды исчезли, сменившись белками, и ты убежала.

Я проводил тебя взглядом. Чаще ты не огибала преграды, а перелетала через них. Земля вздымалась и опадала под тобой, почти не влияя на твои движения вверх и вниз. Ты была сфокусирована, как лазерный луч, но твое лицо не участвовало в фокусировке, жило как будто собственной жизнью. Наверное, я повторил свое «вот это да!», потому что мой товарищ по команде Скотт шлепнул меня по затылку.

«Даже не думай!»

«Что?..»

«Рейчел Хант. Она занята, тебе не светит».

«Почему?»

«Два слова. – Он показал два пальца. – Нейт Келси».

Мне пришлось отвести от тебя взгляд. Перед моим мысленным взглядом возник Нейт – полузащитник футбольной команды с короткой мощной шеей, три года подряд удерживавший рекорд штата по жиму штанги лежа на скамье. Ты тем временем покинула поле и скрылась в женской раздевалке.

«Это мы еще посмотрим», – отважно заявил я.

Скотт отвесил мне еще один подзатыльник.

«Парень, тебе нужен санитар».

Как же он был прав!

Жена тренера, работавшая в кабинете декана, всегда старалась мне помочь. Я попросил у нее твое расписание занятий, и она с радостью его распечатала. Вскоре у меня обнаружилось неутолимое желание поменять факультатив. Мой консультант остался равнодушен.

«Какой предмет ты выбрал?»

«Латынь».

«Почему?»

«Мне нравится, когда люди говорят на латыни».

«Люди не говорят на латыни со времен крушения Римской империи».

«Крушение Римской империи?»

Он сохранил невозмутимость.

«Бен...»

«И напрасно. Пора возрождать латынь».

Он покачал головой.

«Как ее зовут?»

«Рейчел Хант».

Он подписал мою заявку и улыбнулся.

«Так бы сразу и сказал».

«В следующий раз так и сделаю».

«Удачи. Она тебе пригодится».

«Спасибо».

Он наклонился над столом.

«У тебя есть медицинская страховка?»

«Есть, а что?»

«Ты видел ее парня?»

Я специально пришел в класс пораньше, чтобы посмотреть, как тыходишь. Если бы я не сидел, у меня бы подкосились ноги. Ты посмотрела на меня, улыбнулась и пошла прямо ко мне. Положила свои книги на парту слева от меня. Потом повернулась, наклонила голову, улыбнулась и

протянула руку.

«Я Рейчел».

«Привет». – Что с того, что я немного заикался?

Помню, глядя тебе в глаза, я думал, что никогда не видел такого зеленого цвета. Огромные, круглые. Они напомнили мне глаза змеи из «Книги джунглей», вечно всех гипнотизировавшей.

«А ты Бен Пейн», – сказала ты.

У меня отвалилась челюсть, и я растерянно кивнул. В коридоре кто-то из моей команды хлопнул себя по коленке, подняв меня на смех.

«Ты меня знаешь?»

«Тебя все знают».

«Неужели?»

«Конечно, ты же так быстро бегаешь!»

Выходило, мне было за что благодарить своего папашу!

Ты улыбнулась, хотела как будто сказать еще что-то, но покачала головой и отвернулась.

Возможно, я был немножко застенчив.

«Что?..»

Ты глянула на меня искоса, пряча улыбку.

«Тебе говорили, что у тебя приятный голос?»

Моя рука потянулась к горлу, голос повысился сразу на восемь октав.

«Нет... – Я откашлялся. – Ну, то есть... Нет, не говорили», – закончил я почти басом.

Ты открыла тетрадь и стала ее листать, закинув ногу на ногу.

«Напрасно. Он... он теплый».

«О!..»

Остаток года мы провели «друзьями», потому что мне не хватало духу пригласить тебя на свидание. К тому же Человек-без-шеи мог переломить меня надвое – правда, сначала ему пришлось бы меня поймать.

Однажды – дело было в седьмом классе – я пришел в школу за полчаса до первого звонка, и мы с тобой столкнулись, когда ты выходила из девчачьей раздевалки с мокрыми после душа волосами.

Ты прищурилась, на переносице образовалась глубокая борозда.

«Ты в порядке?»

В твоих глазах блеснули слезы, ты отвернулась и заторопилась к выходу. Ты убежала из школы, сжав кулаки.

Нет!

Я выхватил у тебя рюкзак, и мы вышли вместе, делая вид, будто не понимаем, что происходит.

«Что не так?» – спросил я напрямик.

«У меня никак не получается ускориться», – зло ответила ты.

«Хочешь, помогу?»

Ты наморщила носик.

«А ты сможешь?»

«Представь себе, смогу. Мне так кажется. – Я указал на будку тренера по кроссу. – А вот он точно не сможет, а то бы уже все тебе подсказал».

Я тебя не убедил.

«Ты видишь что-то, чего не видит он?»

Я кивнул. Ты остановилась и раскинула руки.

«Ну так что?»

«Как ты двигаешь руками. Слишком много боковых движений, а вперед – маловато. Ну, и... – Я указал на твою бедренную сгибающую мышцу. – Вот тут у тебя скованность. Шаг коротковат. Ноги у тебя быстрые, но при каждом шаге надо бы покрывать большее расстояние. Не хватает пары дюймов».

Ты поджала губы, как будто я намекнул на твою полноту.

«Неужели?»

Я молча кивнул. Я уже озирался через плечо – вдруг появится твой ухажер? Насколько я помнил, это был самый долгий наш разговор с глазу на глаз у всех на виду.

Ты уперлась руками в бока.

«Ты сможешь это исправить?»

«Не то чтобы исправить... Тебе самой придется это сделать. Но я бы мог бежать рядом и помогать, чтобы ты посмотрела на себя как будто со стороны. Вдруг я помогу тебе найти ритм, при котором удлинится твой шаг? Это как при беге по тротуару – ты сам решаешь: наступать на трещину в асфальте или не наступать. Когда бежишь с партнером, у которого шаг длиннее, то обязательно стараешься под него подстроиться. В общем, твой шаг меняется помимо твоей воли».

«Ты бы за это взялся?»

«А как же! Кто бы отказался?»

Ты сложила руки на груди.

«Где ты раньше был? Раньше ты не обращал на меня внимания».

Я по-прежнему продолжал озираться. Мне казалось, что штангист дышит мне в затылок.

«А как же номер пятьдесят четыре? Парень без шеи?»

«Если ты не в курсе, Эйштейн, мы не встречаемся с прошлого года!»

«Вот оно что!» – Я почесал затылок, а ты покачала головой.

«Там ты, может, и молодец, – ты указала на беговую дорожку, – но вообще-то я могу нарезать вокруг тебя круги».

Ты занимаешься этим до сих пор.

Глава 5

Было темно, боль усиливалась. Я нажал подсветку на своих часах. 4.47 утра. После падения прошло часов шесть. До рассвета оставалось еще два часа. Возможно, на этой высоте светает раньше. Но при таком холоде существовала опасность не протянуть и пятнадцати минут. Меня так трясло, что громко лязгали зубы. Гровер был покрыт слоем снега в четыре дюйма.

Я так и остался пристегнутым, у кресла подо мной сломался шарнир.

Эшли лежала слева от меня. Я потрогал ее шею, сонную артерию. Пульс был учащенный, но она лежала тихо. В темноте я не мог ее разглядеть. На ощупь я определил, что нас засыпало снегом и битым стеклом. Справа от себя я увидел спальный мешок, прикрепленный к креслу Гровера снизу. Я потянул за лямку и вытащил мешок. Расстегнув молнию, я кое-как накрыл им Эшли и себя.

Я едва мог двигаться из-за боли в грудной клетке, не позволявшей вздохнуть. Я тщательно накрыл Эшли спальным мешком, засунув внутрь ее ноги. Неестественный изгиб ее колена не сулил ничего хорошего. Собаке тоже хотелось тепла. Я снова нажал подсветку: 5.59. Свет был зеленоватый, цифры на циферблате черные, то и другое я мог разглядеть с большим трудом. В нескольких футах от меня торчал облепленный снегом пропеллер с обломанным винтом.

Рассвело. Меня разбудил пес: он стоял на моей груди и лизал мне нос. Небо было серое, по-прежнему шел снег. В нескольких футах от меня высился холмик – это был Гровер, усыпанный слоем снега толщиной уже в добрый фут. Мой взгляд остановился на зеленой еловой ветке. Я засунул руки под мышки. Пуховой спальный мешок был и благом, и опасностью. Под ним было тепло – это был плюс, потому что тепло ускоряет кровоток и препятствует наступлению смерти от переохлаждения. Но из-за кровотока я мучился от боли в ребрах.

Эшли по-прежнему лежала рядом со мной, безмолвная и неподвижная. Я снова потрогал ее шею. Пульс хорошо прощупывался, хотя был уже не таким ускоренным. Организм сжег адреналин, хлынувший в организм при катастрофе.

Я сел и попытался ее осмотреть. Распухшее лицо было в запекшейся крови из-за порезов на лбу и на макушке. Я провел рукой по ее плечу.

Ощущение было такое, будто к ней в пуховик засунули пустой носок: плечо было вывихнуто и свисало из суставной сумки.

Я вцепился в ее рукав и потянул, чтобы сухожилия вернули кость в суставную сумку, а потом принялся за сустав. Он болтался и был перекошен, что свидетельствовало о том, что до этого вывиха случались и другие. Но я вернул его на положенное место. Плечи легко встают на свои места, главное, придать им нужное направление.

Не раздевая ее и не разговаривая с девушкой, я не мог определить, повреждены ли у нее внутренние органы. Я провел ладонью по ее бедрам – упругим, худым, мускулистым. Правая нога ниже колена была в порядке, в отличие от левой.

Левая бедренная кость сломалась при ударе самолета о скалу. Было понятно, почему она кричала. Бедро сильно распухло, раза в два превзойдя нормальный объем, штанина на нем натянулась. К счастью, кость не порвала кожу.

Я знал, что должен вправить перелом, прежде чем она очнется, но для этого мне требовалось пространство. Пока что я чувствовал себя как в капсуле магнитно-резонансной томографии: буквально не повернуться. Оглядевшись, я понял, что мы находимся в снежной лунке, вырытой фюзеляжем самолета. В некотором смысле это было неплохо.

Столкновение самолета со скалой создало огромный сугроб, в котором мы утонули. Получился снежный кокон; звучит страшновато, зато в коконе сохранялась температура градуса в 2 мороза – все лучше, чем снаружи. Не говоря о том, что до нас не мог добраться ледяной ветер. Свет проникал главным образом через плексигласовый «фонарь»: его тоже запорошило снегом, тем не менее света хватало, чтобы я мог приступить к работе.

Пока я разрывал снег, чтобы заняться ногой Эшли, песик скулил и крутился на одном месте. Потом он залез Гроверу на колени и стал слизывать с его лица снег – вознамерился выяснить, когда самолет наконец взлетит. Я принялся за снег голыми пальцами, и уже спустя минуту руки замерзли. Я понял, что еще немного – и мои руки станут непригодными ни для какой работы. Тогда, немного порывшись рядом с Гровером, я достал из кармашка на дверце самолета дощечку с зажимом, выбросил бумаги и использовал дощечку в качестве лопаты. Работа шла медленно, но в конце концов я вырыл в снегу яму, или полку, на которую можно было уложить Эшли. Так у меня появлялся доступ к ее левой ноге.

Я стащил с нее спальный мешок, выстелил им дно ямы и стал медленно стаскивать ее с сиденья. От напряжения я выбился из сил и привалился к креслу Гровера, чтобы отдышаться. Дыхание у меня было

прерывистое и мелкое – дышать полной грудью не позволяла боль.

Песик обежал меня, прыгнул мне на колени и начал лизать мое лицо.

– Брось, дружок, – сказал я ему. Я забыл его кличку.

Прошло не меньше получаса, прежде чем я собрался с силами, чтобы взяться за ногу Эшли.

Сначала я с ней заговорил, но она не ответила. Тем лучше: то, что я собрался сделать, должно было причинить ей больше боли, чем сам момент перелома.

Я снял с себя ремень, обмотал ей лодыжку, а себе запястье, чтобы было за что тянуть. Потом снял левый ботинок и аккуратно поставил левую ногу в ее промежность, выпрямил ногу, усилив нажим, затем натянул ремень и взял обеими руками ее ступню. Четыре-пять глубоких вдохов. Внезапно она дотронулась до моей ноги. Я поднял голову и увидел, что она приоткрыла один глаз. Похлопав меня по ноге, она пробормотала:

– Тяните сильнее...

Я стал тянуть, упираясь ногой и выгибая спину. От боли она откинула голову, застонала и опять лишилась чувств. Ее нога дернулась, я повернул ее, позволил выпрямиться, потом отпустил. От этого нога приняла естественное положение, совсем как правая.

Существует два главных принципа лечения сломанной ноги: сначала надо вправить кость, а потом закрепить правильное положение для срастания. То и другое – сложная задача.

Вправив кость, я стал искать, чем бы зафиксировать ногу. Над головой у меня торчали две искривившиеся стойки крыла, длиной в три фута каждая и толщиной с мой указательный палец; обе переломились надвое, когда левое крыло при ударе оторвалось от фюзеляжа. Я попробовал крутить стойки, надеясь отломить от каждой по куску, и в конце концов добился своего.

Я вожу с собой в рюкзаке, который сдаю в багаж, два карманных ножа: швейцарский армейский и складной, с лезвием, которое выбрасывается от нажатия кнопки. Сейчас рюкзак лежал у меня за спиной, почти утонув в сугробе, из снега торчал только его уголок. Я смел с рюкзака снег, нащупал молнию и долго шарил внутри, пока не отыскал свои ножи.

У моего швейцарского ножа два лезвия. Малым лезвием я разрезал штанину у Эшли на бедре. Нога сильно распухла и приобрела не то синий, не то лиловый оттенок, местами даже почернела.

Ремни безопасности на обоих креслах представляли собой наплечную сбрую с пряжкой для быстрого расстегивания. Я срезал ремень с одного из кресел и с его помощью закрепил две шины, сделанные из стоек. Пряжки,

несмотря на их тяжесть, позволяли затягивать и расслаблять мою конструкцию. Я закрепил их на сломанной ноге и затянул ремень, чтобы было удобно и чтобы одна пряжка находилась на бедренной артерии.

Потом я достал из рюкзака футболку, разорвал ее пополам и скатал обе половинки в трубки, которые с двух сторон подоткнул под пряжку. Это позволяло усиливать натяжение, не сдавливая при этом артерию и не прерывая приток крови в ногу.

Под конец – все, что предстояло делать дальше, Эшли тоже не понравилось бы, начиная с этой манипуляции, – я аккуратно обложил место перелома снегом. Необходимо было снять отек, не снижая при этом температуру тела.

После этого я раскопал в рюкзаке пару кальсон из полипропилена и длинный свитер, который обычно надеваю в горах. Он старенький, зато не пропускает ветер, поэтому в нем тепло даже в сырую погоду. Я снял с Эшли куртку, пиджак, блузку, бюстгальтер и ощупал грудную клетку на предмет внутренних повреждений. Поверхностных кровоподтеков не обнаружилось. Я натянул на нее свои кальсоны и свитер; то и другое было ей сильно велико, зато в этих вещах ей было тепло и сухо. Напялил я на нее и куртку, но продевать руки в рукава не стал. Потом закутал ее в спальный мешок. Получилась мумия с торчащей в сторону левой ногой; эту ногу я приподнял и тоже укрыл.

Половину тепла наш организм теряет через голову. Я нашел свою шерстяную шапочку и нахлобучил ей на голову, закрыв уши и лоб, но не глаза: не хотел, чтобы, проснувшись, она решила, что умерла или ослепла.

Теперь, когда Эшли тепло и сухо, я вспомнил о себе: мое дыхание участилось, пульс зашкаливал, боль в груди усилилась. Я спрятал руки в карманы куртки и улегся рядом с Эшли, чтобы ее тепло распространилось и на меня. Песик тут же принялся гулять по моим ногам, покрутился в поисках собственного хвоста и наконец угнездился между нами. По его виду можно было подумать, что он поступает так не впервые. Я уставился на засыпанное снегом тело Гровера.

Когда я зажмурился, пальцы Эшли нащупали сквозь ткань куртки мою руку. Я сел и увидел, как шевелятся ее губы, но слов не разобрал. Я подвинулся к ней поближе. Ее пальцы сжали мою ладонь, губы опять зашевелились.

– Спасибо...

Глава 6

День. Продолжается снегопад, из моего рта идет пар. Тишина давит на уши. Можно подумать, кто-то нажатием кнопки выключил все звуки на свете.

У Эшли дела неважно. Наверное, все-таки не обошлось без внутренних повреждений. Ее ногу и плечо я более-менее привел в порядок, но все равно обе конечности надо будет просветить рентгеном, а на ноге потребуется операция. Но прежде надо отсюда выбраться. Когда я вправлял ей ногу, она отключилась. После этого она уснула. И разговаривала во сне.

У нее рваные раны на руках, на лице, на голове, но я не стал ее лишней раз тормошить. Надо будет, чтобы она проснулась и поговорила со мной, прежде чем я начну накладывать ей швы. Позади моего кресла обнаружилась куртка спиннингиста, а в ее кармане моток лески из хирургической монопнити – в самый раз для этих целей.

Гровер, наш летчик, погиб. Не помню, говорил ли я уже об этом. Уже после того, как остановилось его сердце, он сумел опустить самолет на гору. Понятия не имею, как это у него получилось. Как он умудрился не угробить нас всех? Настоящий героизм!

А со мной что?

Переломы ребер – скорее всего, трех. Острая, пронизывающая боль при вдохе. Возможно, пробито одно легкое. С другой стороны, на такой высоте – более 11 тысяч футов – и со здоровыми легкими не так-то просто дышать.

Я все время думаю о том, что нас спасут, но не вижу ни одной причины, по которой мы могли бы ждать спасателей. Мы никому не говорили, что сядем в самолет. Гровер не был обязан предоставлять диспетчерам план полета. Он не докладывал, что берет пассажиров, поэтому диспетчеры не знали, что в его самолете летим мы.

Вообще-то Гровер смахивал на моего отца. Во всяком случае, в свои лучшие моменты мой отец бывал таким, как Гровер. Хотя Гровер вроде бы был добрее его.

Кто-то называл отца ничтожеством, кто-то деспотом, кто-то утверждал, что я счастливчик – с таким-то преданным отцом! Все эти знатоки не вытерпели бы в моем доме ни дня. Мать не вытерпела. Он ее тиранил, она пристрастилась к выпивке, и он постарался обзавестись

уликами о ее недееспособности, чтобы отправить ее в лечебницу. Из-за этого ее лишили материнских прав. Он редко терпел поражение. Всей истории я не знаю. Он позволял мне говорить с ней по телефону. Группа «Флитвуд Мэк» пела про «кожу и шелк». Мой папаша отграничивался кожей, шелка у нас дома не водилось, за шелком приходилось лазить в окно.

Он включал свет в 4.55 утра, и у меня было пять минут, чтобы добраться до двери – в двух футболках, шортах и кроссовках.

«Мили сами по себе не наматываются. Брысь из кровати!»

«Есть, сэр».

Чаще всего я ложился спать одетым. Помню, как ты впервые увидела это и с удивленным видом хлопала меня по плечу.

«Зачем ты все это напялил?»

Я посмотрел на часы, потом на дверь.

«Побудь тут четыре часа – сама увидишь».

Ты покачала головой.

«Нет уж, благодарю. – Обнаружив, что на мне две футболки, ты спросила: – Тебе не жарко?»

«Я привык».

Ты потянула меня за руку.

«Вставай, делаем ноги!»

До спасательной станции на берегу, потом обратно – шесть миль. Не знаю, почему он установил эту дистанцию, но что поделаешь? Он называл это моей «разминкой». Думаю, все дело было в ближней лавке, торговавшей пончиками. Обмануть его было невозможно: он приезжал в лавку, сидел там у окна, пялясь на океан, с чашкой кофе в одной руке и с пончиком в другой, одним глазом поглядывал в газету, другим на секундомер и фиксировал, сколько времени мне понадобится, чтобы дотащиться до станции спасателей и дотронуться там до красного пляжного кресла. Если я прибегал на несколько секунд раньше, то он доедал свой пончик и молча провожал меня до дому. Но если я опаздывал, то он выскакивал из лавки и орал через пляж: «Недобрал семь!» Или того хуже: «Недобрал двадцать!»

Я научился мысленно считать секунды, экономить силы и при необходимости ускоряться. Вот что делает с человеком страх!

Он ждал меня на пляже у дома, там мне позволялось стянуть с себя обе футболки и начать скоростной бег. По понедельникам мы бегали двенадцать дистанций по 660 метров, по вторникам двенадцать 550-метровок, по средам двенадцать 330-метровок и так далее. Единственным моим свободным днем было воскресенье, но все

удовольствие портилось из-за того, что уже завтра наступал понедельник.

Заканчивали мы прыгалками, приседаниями, отжиманиями, тяжелым атлетическим мячом и другими болезненными упражнениями – фантазия у отца была богатая. Он держал передо мной, выше коленей, бамбуковую палку.

«Выше!»

Я задираю колени, но его все равно не устраивала высота. Он качал головой и тихо говорил: «Боль – это слабость, покидающая твоё тело».

Я послушно задираю колени ещё выше, смотрю на пляж и думаю: «Почему бы не выпустить боль из твоего тела? Мое уже истощилось».

Дом тоже был для меня болезненным местом.

К 7 часам утра я успевал пробежать от семи до десяти миль, в зависимости от дня недели. Потом я отправлялся в школу, едва не засыпая на уроках, тренировался на беговой дорожке или с командой по кроссу – то и другое было нетрудно. Все познается в сравнении.

У отца была собственная фирма, где он тиранил полсотни трейдеров, отчитывавшихся перед ним лично; недовольных он немилосердно увольнял. Фондовая торговля прекращалась в четыре часа дня, поэтому в 4.15 он уже объявлялся с ослабленным узлом галстука и с секундомером в руке, на глазах темные очки, лоб наморщен, и выразительно смотрел на меня через забор.

Так что преданности было хоть отбавляй.

На первом курсе я выиграл забег на 400 метров, преодолев их за 50,9 секунды, пришел первым в эстафете 4х400 и пробежал милю за 4,28. Так я стал чемпионом штата в беговом троеборье.

Отец привез меня домой, не проронив за всю дорогу ни слова. Ни тебе праздничного ужина, ни выходного, ничего. Он поставил машину и сказал: «Глазом моргнуть не успеешь, как будет пять утра. Собираешься преодолеть четырехминутный рекорд к выпускному курсу – придется попотеть».

Примерно тогда меня осенило: моя цена для отца – это мой последний показатель, а этот показатель всегда недостаточно хорош.

«Четверки» как оценки моих академических достижений не принимались, пятерка с минусом равнялась четверке с плюсом, так что у меня не было выбора – приходилось штурмовать вершины. Друзей у меня было мало: если я не на занятиях, значит, бегаю или сплю.

Так я доковылял до второго курса, побив по пути несколько рекордов штата и всей страны. Это не превращало меня в героя кампуса – в героях

ходили футболисты, тем не менее у меня сложилась высокая репутация среди тех, кто следил за беговой дорожкой. К ним относились и те, кто бежал кроссы.

Например, ты.

Ты вошла в мою жизнь, наполнила ее смехом, светом, чудом. Радушием и теплом. Ты бежала бок о бок со мной, поглядывая на меня и роняя капли пота, а мне хотелось в душ, скорее смыть с себя отца и умыться тобой.

Я такой, каким сделал меня отец. Это он меня выковал, я знаю. Но отец избавлял меня от боли через боль. Это делало меня опустошенным и больным. А ты влилась в меня и наполнила до краев. Я впервые перестал чувствовать боль.

Ты дала мне то, чего не мог дать он, – любовь без секундомера.

Глава 7

Когда я очнулся, уже стемнело. Я рассмотрел при помощи подсветки время на часах: полночь. Пролетел целый день. Потом я догадался проверить дату и не сразу сообразил, что мы проспали целых тридцать шесть часов.

На меня таращился миллиард звезд. Они висели совсем рядом – казалось, достаточно протянуть руку, чтобы их потрогать. Зеленое завихрение унеслось прочь, оставив после себя толстое белое одеяло. Над моим плечом взошла луна, здоровенная, как рождественский пирог. Я прищурился. Если вскарабкаться на гору слева от меня, можно перейти на Луну и прогуляться по ней.

Борясь с дремотой, я мысленно составил список из двух позиций: еды и воды. То и другое требовалось нам безотлагательно. Сначала нужно было найти воду. Если организм Эшли боролся с инфекцией, то нужно было заставить работать ее почки, а для этого требовалась вода. Шок выпаривает жидкость, а я, сам того не сознавая, с момента катастрофы пребывал в шоке и жил на адреналине. Предстоящий день сулил трудности, особенно на такой высоте. Вот бы включить прибор GPS, чтобы определить наше местоположение! Ждать появления спасателей не приходилось.

Я сосредоточился на фактах. Мы никого не уведомили о своем перелете. Даже если бы кто-то узнал, что мы сели в самолет, то, согласно подсчетам самого Гровера, мы отклонились от курса миль на сто пятьдесят – спасибо ветру. Пройдет не одна неделя, прежде чем в эту глушь пожалует поисковая партия – если вообще пожалует... При поиске с воздуха летчики хорошо знают, где и что искать, значит, мы бы их увидели или услышали, но мы ничего не видели и не слышали. Возможно, мы все проспали – это еще хуже. Единственной нашей надеждой был аварийный радиомаяк.

Наступило утро, над нами засинело небо. Я попробовал сдвинуться с места, но так одеревенел от неподвижности и боли, что даже голову не смог приподнять. Если вам довелось пережить автокатастрофу, то вы знаете, каково это. Настоящая боль – это то, что чувствуешь по прошествии двух-трех дней. Я кое-как сел и привалился к валуну, выступавшему из сугроба. Судя по его расположению, именно при ударе об него Эшли сломала ногу.

Дневной свет и некоторое прояснение в голове позволили мне понять, что произошло с самолетом и с нами. Самолет при падении врезался в

припорошенный снегом склон, поросший деревьями. При этом нам оторвало левое крыло, и самолет завалился на правый бок, кончик правого крыла ткнулся в гору, и мы начали кувыряться. Где-то на третьем или четвертом кувырке нос самолета зарылся в снег, ввинтился в него, как штопор в пробку, рядышком со скалой – той, к которой я теперь прижимался затылком. От удара об эту скалу пострадал фюзеляж и сломалась нога у Эшли. Итог – не слишком пострадавший фюзеляж, увязший в сугробе глубиной в десять футов, рядом с кривыми деревцами на склоне.

Сначала плохие новости. Заметный желто-голубой самолет Гровера оказался почти полностью проглоченным снегом, за исключением левого крыла. Иголлка в стоге сена – вот какое сравнение напрашивалось. Не говоря о том, что хвост самолета при ударе о валун разлетелся на мелкие кусочки. Все, что я мог бы теперь найти, – ярко-оранжевые куски пластмассы, но не сам радиомаяк. Так что никакого сигнала на частоте 122,5, а значит, никакой триангуляции и никаких спасателей. Вот и вся неприглядная правда. Я понятия не имел, как сказать об этом Эшли.

Единственная хорошая новость, если это можно было так назвать, заключалась в том, что наша снежная «могила» хоть как-то защищала нас от стихии. Если бы не это, мы бы давно отправились на тот свет. 2 градуса мороза – чепуха по сравнению с обычным для зимнего высокогорья холодом.

Эшли спала, ее лицо пылало – видимо, жар, а значит, инфекция. То и другое было плохо, но я это предвидел. В нее обязательно нужно было влить жидкость.

Я мог передвигаться только ползком. Кое-как добравшись до своего рюкзака, я нашел горелку и набил канистру свежим снегом. Синее пламя горелки мигом растопило снег. Снег таял, я добавлял еще. То ли от гудения горелки, то ли от моей возни Эшли очнулась. Лицо у нее было распухшее, глаза превратились в щелки, нижняя губа раздулась. Теперь, на свету, я должен был постараться обработать ее порезы и зашить те, на которые обязательно нужно было наложить швы.

Я поднес к ее губам кружку теплой воды.

– Пейте.

Она послушалась. У меня был пузырек адвила. Я сам с удовольствием проглотил бы сразу таблетки четыре жаропонижающего, но знал, что в предстоящие дни они будут ей нужнее, чем мне. Поэтому я вытряс на ладонь четыре таблетки и дал ей.

– Сможете проглотить?

Она кивнула. Я положил одну таблетку ей на язык, она глотнула. Мы медленно повторили эту операцию еще три раза. Снег у нее на ноге давно растаял, поэтому нога продолжала распухать, боль становилась все сильнее. Уменьшить опухоль значило уменьшить боль. Жаропонижающее действовало изнутри, снег должен был подействовать снаружи. Я опять аккуратно обложил ее ногу снегом и пощупал на ноге пульс, чтобы удостовериться, что кровообращение не нарушено. При этом я держал кружку у губ Эшли, пока она не выпила всю воду, восемь унций. За день я должен был заставить ее выпить еще пять таких кружек. 48 унций жидкости – эта доза должна была запустить ее почки.

Я опять наполнил кружку и канистру горелки, сам тоже немного попил. Эшли старалась держать глаза открытыми, как ни трудно ей это было. Она оглядела нашу пещеру, то, что осталось от самолета, собаку, свою рваную одежду, шину на своей ноге, потом уставилась на мертвого Гровера. Через минуту она перевела взгляд с него на меня.

– Он?..

– Еще до падения самолета. Думаю, сердце. Не представляю, как ему удалось приземлиться.

Она с трудом провела пальцами по своему лицу, по голове. Выражение ее лица изменилось. Я медленно опустил ее руку.

– Мне придется наложить вам швы.

– Какое сегодня число? – хрипло спросила она.

Я кратко познакомил ее с ситуацией. Когда я замолчал, она не сказала ни слова.

Я достал из кармана куртки Гровера леску из хирургической монопнити, вытащил крючок. Его необходимо было выпрямить, а для этого требовался инструмент.

Универсальный инструмент у Гровера на ремне!

Я порылся в снегу и нащупал на поясе у Гровера кожаный чехол с инструментами. Когда я щелкнул застежкой, одеревеневшее тело не шелохнулось. Нужно было его похоронить, но были дела и поважнее: наложить Эшли швы и найти еду. Гроверу придется подождать.

Я выпрямил крючок, продел нить в ушко и попытался сплющить ушко плоскогубцами. Оглянувшись на Эшли, я увидел на ее щеках слезы.

– Его жена наверняка волнуется... – пробормотала она.

Мы еще не обсуждали наше отчаянное положение. Медицина и скалолазание научили меня, что дурные обстоятельства нельзя сваливать в кучу, надо разбираться с каждым по отдельности. Сейчас нужно было заняться лицом и головой Эшли.

С помощью инструментов Гровера я вырыл в снегу еще одну лежанку, ниже той, на которой помещалась сейчас Эшли. Обычно после операции я навещаю пациента в палате и осматриваю его. Часто я ставлю рядом с койкой табурет из нержавеющей стали на колесиках, чтобы, сидя на нем, оказаться ниже пациента; он может смотреть на меня сверху вниз или прямо. Замечали, как трудно бывает прооперированному смотреть вверх? Вот и я замечал. Врачебный такт – вторая натура. Новая снежная лежанка должна была сыграть такую же роль.

Поднялся ветер, еловая ветка царапала плексиглас. Мне удалось наконец вытянуть из рюкзака мой спальник и расстелить его на снегу. Раньше у нас был один спальник на двоих, теперь у каждого появился свой.

Я поднес к губам Эшли кружку, чтобы она попила, вытер слезы с ее лица.

– Почему вы плачете?

Она посмотрела на Гровера.

– Из-за него.

– А еще?

– Мое сердце...

– Физически или эмоционально?

Она откинула голову.

– Знали бы вы, как давно я хотела выйти замуж! Предвкушала свою свадьбу, строила планы. Чуть ли не... чуть ли не всю свою жизнь.

– А еще где у вас болит?

– Всюду.

– Мне придется еще раз причинить вам боль. Надо наложить вам несколько швов.

Она кивнула.

Меня тревожили три места. Наложить два шва у нее на голове можно было сравнительно безболезненно. Вторая рана была у нее над правым глазом, посередине брови. От удара разъехался старый шрам. Я тронул кожу своим крючком и сказал:

– Здесь у вас старый шрам.

– Национальное первенство. Мне двинули исподтишка.

Я наложил первый шов и приступил ко второму.

– Вас отправили в нокаут?

– Нет, но я взбесилась.

– Что так?

– Этот тип испортил мне выпускную фотографию!

– А что вы?

– Сначала провела обратный удар с разворотом, потом двойной круговой, потом осевой. Получился «таракан».

– Таракан?

– У нас были специальные названия для положения сбитых с ног противников.

– Например? – спросил я, чтобы ее отвлечь.

– «Дельфин», «танец белого человека», «таракан» и так далее.

Я завязал третий узелок и обрезал леску.

– То, что я тут натворил, – я указал кивком на ее бровь, – сойдет до больницы. Там вами должен будет заняться пластический хирург.

– А эта двойная шина у меня на ноге? Боль адская!

– Это лучшее, что я смог сделать для вас. Без рентгена дальше никуда. Доберемся до больницы, там вам сделают снимки. Если кости не встали на место, я бы рекомендовал – уверен, они согласятся – снова сломать и кое-что вставить. Будете потом звенеть при прохождении металлодетектора в аэропорту. А так – будете как новенькая.

– Вы дважды упомянули про больницу. Думаете, нас найдут?

Мы дружно посмотрели на синее небо в отверстие между крылом и стеной снега высотой в 8 футов и увидели высоко в небе авиалайнер, высота составляла примерно 30 000 футов. После нашего падения прошло уже часов шестьдесят, а мы так и не слышали других звуков, кроме наших собственных голосов, шума ветра и скрипа ветвей. Самолет летел так высоко, что мы его не слышали, только видели – он был похож на крестик.

Я покачал головой.

– Мы его видим, а вот из него нас не видно. Все материальные свидетельства нашего исчезновения лежат под тремя футами снега. Их увидят только в июле, когда растает весь снег.

– Разве разбившиеся самолеты не подают сигналов SOS или еще каких-нибудь?

– Подают. Но наш передатчик разбился на мелкие кусочки и валяется где-то вокруг нас.

– Может, вам вылезти и помахать рубашкой?

Я фыркнул – и даже это причинило мне боль. Я схватился за бок. Ее глаза еще больше сузились.

– Что с вами?

– Перелом нескольких ребер.

– Дайте посмотреть.

Я задрал рубашку. Я не видел свой бок при дневном свете и думал, что

обнаружу кровоподтек. Вся левая половина моей грудной клетки была темно-фиолетовой.

– Больно только дышать.

Мы засмеялись.

Эшли пристально смотрела на меня, пока я затягивал у нее на руке шестой узелок, и выглядела уже не такой встревоженной.

– Не могу поверить, что лежу невесть где, вы меня зашиваете, а мы хохочем! Как вы думаете, у нас все в порядке с мозгами?

– Скорее всего, все в порядке.

Я занялся ее предплечьем. То ли от острого края камня, то ли от ветки – на руке красовалась рваная рана длиной дюйма в четыре. На ее счастье, когда самолет вместе с нами, лишившимися чувств, прекратил движение на склоне, она ткнулась плечом в снег. Нажим и снег остановили кровотечение. На эту рану я должен был наложить не меньше дюжины швов.

– Давайте руку! – скомандовал я. – Высуньте ее из рукава.

Она, морщась, повиновалась.

– Кстати, как на мне оказалась эта чудесная рубашечка?

– Это я вас вчера переодел. Чтобы вы не замерзли.

– Между прочим, на мне был мой любимый лифчик.

Я показал пальцем через левое плечо.

– Возьмете, когда высохнет.

Порез на руке оказался для нее сюрпризом.

– Понятия не имела об этой ране, – призналась она.

Я объяснил, что ей надо благодарить позу, в которой она оказалась после катастрофы, и снег, и наложил очередной шов. Она наблюдала, как я работаю, не глядя мне в лицо.

– Какие, по-вашему, наши шансы?

– Берете быка за рога?

– Что толку ходить вокруг да около? От слоя глазури дела не улучшатся.

– Тоже верно. – Я пожал плечами. – Дайте-ка я сначала задам вам кое-какие вопросы. Вы кому-нибудь сообщали, что полетите в этом самолете?

Она отрицательно покачала головой.

– Ни по имейл, ни по телефону?

Грустный кивок.

– То есть ни одна живая душа на планете Земля не ведает, что вы воспользовались чартерным самолетом, чтобы добраться до Денвера? Вот и со мной то же самое...

– Все, наверное, думают или думали до вчерашнего дня, что я еще в Солт-Лейк, – прошептала она. – Сейчас меня уже должны разыскивать, только где? Я взяла ваучер и отправилась в отель – вот и все, что обо мне известно...

Я кивнул.

– Если судить по речам Гровера, я не могу придумать ни одной причины, почему кому-то может взбрести в голову нас искать. Никаких официальных сведений о нашем полете нет, потому что мы не представляли полетного плана. Еще Гровер говорил что-то про правила визуального полета... Так что вот вам моя лучшая догадка: мы, два профессионала, имеющие на двоих лет двадцать учебы в колледже и дальнейшего образования, умудрились никому не сказать, куда отправляемся! – Я помолчал. – Получается, этот полет вообще не совершался.

Она опять посмотрела на Гровера.

– Еще как совершался! – Она взглянула на небо. – Я подумала, что быстренько перелечу в Денвер, обогнав бурю, да еще заведу по пути двух друзей, и жизнь продолжится.

Я разрезал леску.

– Мне очень жаль, Эшли. – Я покачал головой. – Вам бы сейчас заниматься маникюром-педикюром, готовиться к свадебному ужину...

– Бросьте! – остановила она меня. – Не казните себя, у вас же были самые добрые намерения. Я обрадовалась вашему предложению. – Она огляделась. – Сейчас, конечно, смешно об этом говорить, но тогда я действительно обрадовалась. – Она положила голову на снег. – У нас с подругами намечались спа-процедуры и массаж. Знаете про такой, с горячими камнями? А вместо этого я получила лед. Зато камней в избытке. – Она кивнула воображаемой подруге у меня за спиной. – Правда, холодных. Где-то там висит ненадетое платье и мается жених, потерявший невесту. Угадайте, сколько я заплатила за платье.

– Платье вас дождется, жених тоже. – Я поднес к ее губам кружку, и она допила положенные 24 унции. – Хорошо, что у вас есть чувство юмора.

– Не считите за юмор, но мне надо по-маленькому.

– С одной стороны, это хорошо. – Я посмотрел на спальный мешок и вспомнил, что она не может пошевелиться. – А с другой, не очень.

– С какой стороны смотрим на это мы?

– С той, которая позволила бы вам не опираться на больную ногу. – Я огляделся. – Все бы отдал за катетер!

– Нет уж, от этих штук меня тошнит. Я привыкла делать это в

одиночестве.

Я достал из рюкзака свою широкогорлую походную бутылку и положил рядом с ней.

– А от этого не тошнит?

– Прямо в это?

– Ничего другого не остается. Вам некуда деваться, но я могу вам помочь. – Я открыл лезвие швейцарского армейского ножа. – Сейчас я разрежу на вас штаны. Под вами двенадцать футов снега, поэтому я вырою ямку, в которой поместится моя рука с этой бутылкой. Дальнейшие действия понятны?

– Понятны, но мне все эти действия не нравятся.

– Нам надо определить количество мочи и нет ли в ней крови.

– Крови?

– Из-за внутренних повреждений.

– Думаете, мне их недостаточно?

– Повреждений? – Она кивнула. – Достаточно. Но нам нужно знать наверняка.

Я стянул с нее трусики, отложил их в сторону, разрыл под ней снег, подставил бутылку, она воспользовалась здоровой рукой, чтобы немного приподняться, не меняя положение ноги, потом вопросительно взглянула на меня.

– Можно?

– Валяйте.

Через несколько секунд она покачала головой.

– Никогда еще не испытывала в присутствии другого человека такого унижения...

– Учитывая, что я не только ортопед, но и врач неотложной помощи, редко выдается хотя бы несколько дней, когда я не исследовал бы человеческую мочу. Вставлять катетер тоже то и дело приходится.

Она поморщилась, и струя прервалась.

– Вы в порядке?

– Да, просто нога... – Она легла поудобнее, и мочеиспускание продолжилось, доносился звук жидкости, наполняющей бутылку.

– У меня замерзли пальцы, – пожаловалась она.

– Если вам от этого полегчает, мои пальцы так замерзли, что вообще ничего не чувствуют.

– Представьте, полегчало!

Я попытался ее отвлечь.

– Большинство людей с повреждениями внутренних органов и с

кровью в моче после несчастного случая попадают в отделение экстренной помощи.

Она покосилась на меня.

– Думаете, от этого мне станет лучше?

Я достал бутылку и стал изучать цвет мочи.

– Угу...

Она переводила взгляд с меня на бутылку и обратно.

– Многовато...

– Да. И цвет хороший.

– Кажется, раньше никто не комментировал цвет моей мочи. Я не знаю, как на это реагировать.

Я помог ей снова одеться, подоткнул под нее спальный мешок, укрыл. При этом избежать телесного контакта было невозможно. Я не мог не обращать внимания на ее наготу, трогательную уязвимость.

Я подумал о Рейчел.

Когда мы закончили, она вся дрожала, а у меня было ощущение, что мне под ребра всадили нож. Тяжело дыша, я лег.

– Вы приняли обезболивающее? – спросила она.

Я покачал головой.

– Нет.

– Почему?

– Честно говоря, если вы считаете, что вам сейчас больно, то подождите три-четыре дня. У меня для вас хватит адвила только на неделю.

– Мне нравится ход ваших мыслей, док.

– У меня в рюкзаке есть сильное наркотическое средство, которое отпускается только по рецепту, но я думал приберечь его на вечер, когда вы не сможете уснуть.

– Можно подумать, что с вами такое уже бывало.

– Мы с Рейчел любим путешествовать и на собственном опыте поняли, что одно дело – наши планы и надежды и совсем другое – условия, которые сложатся в конкретный день. От них будет зависеть, что мы сможем сделать, как далеко уйдем. Поэтому лучше быть наготове – но и не нагружаться так, чтобы не сойти с места.

Она посмотрела на яму в снегу, где находился мой рюкзак.

– У вас там, случайно, не найдется красного вина?

– Нет, но могу угостить вас джином с тоником.

– Еще лучше! – Она уставилась на свою ногу. – Расскажите об устройстве, которое вы соорудили на моей ноге.

– Среди врачей ортопеды слывут плотниками. Боюсь, в отношении

меня это чистая правда. Хорошо то, что эта шина довольно эффективна, во всяком случае, на короткий срок. Двигаться вы не сможете, разве что с моей помощью, зато у вас не получится причинить себе вред неосторожным движением. Эта штуковина вас защитит. Если будет слишком жать, скажите, я ослаблю давление.

– Сейчас такое ощущение, как будто по ноге двинули молотком.

Я приподнял край спального мешка и снова обложил ее ногу снегом под местом перелома и сбоку.

– Я буду так делать несколько дней. Это ускорит выздоровление и немного облегчит боль. Одна проблема: вы будете мерзнуть.

– Буду?..

Я закрутил бутылку с мочой и пополз на свет.

– Надо оглядеться и заодно вылить мочу.

– Хорошо. Я пока что приберусь здесь и, может, закажу пиццу или еще что-нибудь.

– Я предпочитаю пеперони.

– С анчоусами?

– Терпеть их не могу!

– Понятно.

Я выполз из фюзеляжа – или того, что от него осталось, – прополз под крылом, обогнул дерево и оказался на солнце. Было довольно холодно, хотя я готовился к худшему. Все постоянно твердят, что сухой мороз лучше влажного, но по мне – холод есть холод. Минус 13 – это минус 13, и никуда тут не денешься.

Стоило сделать шаг в сторону от слежавшегося снега, на который упал самолет, – и я провалился почти по пояс. От сотрясения я закашлялся. Мне очень не хотелось вскрикивать от боли, но, кажется, я не сдержался.

– Вы в порядке? – донесся из самолета голос Эшли.

– Да. Просто здесьгодились бы снегоступы.

Я опорожнил бутылку и осмотрелся. Вокруг не было ничего, кроме гор и снега. Мы угодили на плато, слева от которого громоздились горные вершины, справа разверзлась пропасть. Я не ожидал, что мы упали на такой высоте, под 11 500 футов. Неудивительно, что было трудно дышать.

Оглядевшись, я уполз обратно и растянулся на «лежанке» рядом с Эшли.

– Ну что? – спросила она.

– Ничего.

– Да ладно, можете сказать мне правду. Я выдержу. Лучше не виляйте.

– Гровер был прав: это скорее Марс, чем Земля.

– Нет, серьезно? Давайте начистоту. Я привыкла, чтобы мне все вываливали как есть.

Я посмотрел на нее. Она полулежала, закрыв глаза, и ждала.

– Там... красиво. Хочется, чтобы и вы этим полюбовались. Вид... панорамный. Вы такого еще не видели. Уникальное зрелище! Я велел разложить два шезлонга, через несколько минут официант принесет коктейли с зонтиками. Я зашел сюда за льдом.

Она облегченно откинула голову. В первый раз я увидел ее широкую, от уха до уха, улыбку.

– А я было испугалась. Рада слышать, что все не так плохо.

До меня дошло, что Эшли Нокс – чуть ли не самый мужественный человек среди всех, с кем мне доводилось встречаться. Она лежала на снегу полумертвая, испытывая такие боли, какие большинству людей вообще никогда не придется испытать, зная, что не попала на собственную свадьбу, не говоря о том, что возможность спасения была до смешного мала. Спасти нас могли только собственными силами. Большинство ударились бы в панику, впало бы в уныние, забыло бы о логике, а она умудрялась смеяться! Более того, заставляла смеяться и меня. Я уже забыл, когда смеялся в последний раз.

Я был совершенно обессилен. Мне нужно было поесть и отдохнуть, но отдых был несовместим с добыванием еды. Я уже составил план.

– Нам нужна еда, но я пока что не в состоянии ее раздобыть. Займусь этим завтра. А пока попробую развести огонь, да так, чтобы не растаяла наша пещера. Будем довольствоваться теплой водой и беречь энергию.

– Идея про огонь мне нравится.

– Спасатели учат: никогда не покидайте место катастрофы. Они правы, но мы очень высоко, мы получаем здесь вдвое меньше кислорода, чем привыкли, и обоим нужно лечение, особенно вам. Завтра или послезавтра я начну думать о способе спуска. Возможно, попытаюсь что-то разведать. А пока... – Я ослабил болты и снял прибор GPS с панели. – Попытаюсь определить наше местоположение, слава богу, что в этой штуковине еще теплится жизнь.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Разве вы умеете? У вас получится?

– Когда я был ребенком, мой отец понял, что я бегаю быстрее остальных. Это превратилось в его страсть, в смысл существования, как он сам это называл. Но я возненавидел его за это, потому что, как бы быстро я ни бегал, ему все равно было мало, вечно он измерял мои достижения с секундомером. Как только мы с Рейчел стали жить самостоятельно, мы

устремились в горы. У меня хорошие легкие и сильные ноги, поэтому, как только мы закончили учебу и тренировки, начали приобретать снаряжение. Мы неделями не покидали горы. Возможно, я чему-то научился. И Рейчел тоже.

– Мне бы хотелось с ней познакомиться.

Я улыбнулся.

– Не обошлось без бойскаутов.

– Вы были бойскаутом?

Я кивнул.

– Это был единственный вид свободы, который предоставлял мне отец. Он решил, что мне нужна эта подготовка, которую он не может мне дать сам. Он меня привозил и забирал.

– И как далеко вы зашли? – Я пожал плечами. Она недоверчиво меня разглядывала. – Так вы из этих «Коршунов», «Скоп» или...

– Типа того.

– Как назывался ваш отряд?

– «Орлы».

– Вот-вот. Скауты-орлы.

Я догадался, что болтовня помогает ей отвлечься от боли.

– Похоже, скоро мы узнаем, действительно ли вы заслужили целую кучу нашивок.

– Похоже.

Я нажал кнопку, и шкала прибора замигала. На переносице Эшли появилась вертикальная морщина.

– У вас присуждали награды за достижения в электронике?

Я постучал по прибору.

– По-моему, он замерз. Не возражаете, если мы попытаемся согреть его в вашем мешке?

Она откинула полу спального мешка, и я аккуратно поставил прибор ей на колени.

– Электронике противопоказан холод. Он нарушает схему. Иногда согревание помогает.

– Винс, мой жених, совершенно во всем этом не смыслит. Если бы он угодил в этот самолет, то стал бы искать ближайший «Старбакс» и сетовать на отсутствие сотовой связи. – Она закрыла глаза. – Все отдала бы за чашку кофе!

– Эту проблему мы можем решить.

– Не говорите, что у вас есть кофе!

– У меня три мании: бег, горы, горячий крепкий кофе. Порядок маний

произвольный.

– Я заплачу вам тысячу баксов за чашку кофе.

Горелка «Джетбойл» – одно из величайших достижений в туристических технологиях, которое следует сразу за компасом. Конечно, пуховой спальный мешок тоже заслуживает похвал. Я набрал в горелку снега, включил ее и стал искать в рюкзаке пакет с кофе. Хорошая новость: я его нашел. Плохая: кофе осталось с гулькин нос. Его хватило бы всего на два-три дня, и то при соблюдении жесткой экономии.

Эшли увидела, как я вынимаю кофе из рюкзака.

– Бен Пейн, вы принимаете кредитные карты?

– Вы тоже любительница кофе? Трудная ситуация – это возможность проверить, что мы по-настоящему ценим.

С помощью нехитрого приспособления эту горелку легко превратить во френч-пресс. На это ушло всего несколько долларов, зато я пользовался приспособлением сотни раз и не уставал восхищаться его простотой и полезностью. Вода вскипела, я заварил кофе, дал ему осесть и налил ей чашечку.

Она схватила ее здоровой рукой и поднесла себе под самый нос. Вспыхнула восторженная улыбка. Казалось, на короткое мгновение ей удалось отрешиться от мира, проявившего к ней такую жестокость. Я уже понимал, что юмор – ее способ побеждать боль. Я уже встречал таких людей. Обычно в их прошлом закопана какая-то эмоциональная травма, которую они маскируют с помощью юмора или сарказма. Это помогает им отвлечься.

Ее боль усиливалась. У меня было всего две пилюли перкосета, одну из которых ей придется проглотить на ночь. А впереди было еще много тяжелых ночей. Со времени последнего приема адвила прошло уже шесть часов, поэтому я отвинтил крышечку, вытряхнул в ладонь четыре таблетки и дал ей. Она проглотила их и запила кофе.

– Как потрясающе действует кофе! – довольно прошептала она и передала чашку мне. Я тоже пригубил и согласился, что кофе хорош.

Она указала подбородком на свой чемоданчик.

– Там лежит пакет мюсли, я купила его в терминале.

Смесь из кусочков сухого ананаса, абрикосов и всевозможных орехов весила добрый фунт. Я отдал пакет ей. Оба насыпали себе пригоршню и стали медленно жевать.

– Лучшие мюсли в моей жизни! – одобрительно пробурчал я с набитым ртом и угостил пса. Он понюхал угощение, тут же слопал его и начал, виляя хвостом, кланчить добавки. Для пущей убедительности он

положил лапы мне на грудь.

– Как сказать собаке, что добавки не будет?

– Сами выкручивайтесь! – отмахнулась она.

Пришлось дать ему еще немного, но когда он потребовал еще, я сбросил его с себя и твердо сказал «нет». Отвергнутое создание обиженно отвернулось от меня и улеглось калачиком у Эшли в ногах.

Мы долго сидели молча, пока не выпили весь кофе.

Потом она сказала:

– Не выбрасывайте гуцу, ее можно использовать во второй раз, а в совсем уж отчаянной ситуации жевать.

– Как серьезно вы относитесь к кофе! – Я опять нажал кнопку прибора GPS, и он заработал. – В вашем кейсе есть бумага или блокнот?

– Обязательно, в переднем отделении.

Я нашел желтый блокнот и карандаш, включил на приборе изображение нашего местоположения и попытался перерисовать его как можно ближе к оригиналу. Координаты я записал с точностью до минуты. Держа в руках рисунок, которым гордился бы воспитанник детского сада, я сказал Эшли:

– Я сейчас.

Выбравшись наружу, я сравнил свой рисунок с тем, что предстало моему взгляду, жирно обвел горы и попытался запомнить хребты и их ориентацию по сторонам света. Теперь я знал, где у нас север, где юг. Одно дело потеряться, другое – блуждать. Я мог не знать, где мы находимся, но способность определить направление – уже что-то. Еще я знал, что батарейки долго не протянут и то, что я перерисовал, очень пригодится впоследствии. Чем больше проходило времени, тем яснее становилось, в какую беду мы угодили. Все складывалось хуже не придумаешь.

– С какой новости начать – с хорошей или с плохой?

– С хорошей.

– Я знаю, где мы.

– Теперь давайте плохую.

– Мы находимся на высоте 11 652 футов плюс-минус три фута, ближайшая лесовозная дорога протекает в тридцати милях и в пяти горных перевалах отсюда, вот здесь. – Я показал ей место. – От ближайшего очага цивилизации и от дороги с твердым покрытием отсюда полсотни миль. И в довершение всего снега вокруг столько, что я могу провалиться в него с головой.

Она прикусила губу и, сложив на груди руки, оглядела белые стены

пещеры.

– Вам придется оставить меня здесь.

– Это не в моих правилах.

– Это начертано на снегу: вам меня не вытащить. У вас одного больше шансов. Оставьте мне кофе, берите ноги в руки, забирайте с собой мои координаты. Пришлите сюда вертолет.

– Лучше пейте кофе и помалкивайте, Эшли.

– Я замолчу, а вы признайте, что это хоть какой-то шанс. – Она прищурилась. – Признаете?

– Значит, так. Нам нужен костер, еда, нам нужно спуститься на несколько тысяч футов. Остальное обсудим потом. Всеу свое время.

– Но... – Она была сильной, ее мужественность производила впечатление. Такому не учат в школе. Ее тон изменился. – Будем смотреть правде в глаза. Это хоть какая-то возможность.

– Говорю вам, я не могу бросить человека в беде.

Песик уловил мой новый тон, встал, подошел к Эшли и засунул голову под ее ладонь. Он еще не простил мне эпизод с мюсли. Она почесала его за ушком, у него заурчало в животе, он оглянулся на меня и вернул голову на прежнее место.

– Я слышу. Знаю, ты голоден.

Мы слушали ветер, трепавший брезент. Я опять залез в свой спальный мешок, чтобы согреться.

– Вы всегда так поступаете с вашими друзьями? – спросил я ее.

– Как?

– Готовите их к худшему.

Она кивнула.

– Если худшее возможно, лучше не засовывать голову в песок, не прятаться от худшего, не спасаться бегством. Оно может случиться. Лучше заранее к этому подготовиться. Тогда превращение вашей худшей догадки в реальность не собьет вас с ног.

Я растопил в горелке еще снега, и мы попили горячей воды. Это, по крайней мере, кое-как подавляло голод. Весь день мы провели в полудреме. Несмотря на мюсли, еда была острой проблемой. На голодный желудок я ничего не мог предпринять, но чтобы преодолевать снежные заносы в поисках еды, мне требовалась энергия. Следующий день обещал быть трудным. Возможно, такого сложного дня у нас еще не было. Боль в груди становилась все сильнее и обширнее.

С наступлением сумерек похолодало. Пока совсем не стемнело, я вылез наружу, раскопал снег под нижними ветками разлапистой ели, сгреб

несколько кучек сухих иголок и обломков веточек и сложил их под крылом. Для этого мне потребовалось три вылазки, во время которых я задыхался и то и дело хватался за грудь. Эшли, щурясь, наблюдала за моей возней.

Дверца Гровера была единственным доступным нам железным листом, повисшим на одной петле. Весу в ней оказалось не больше десяти фунтов. Я оторвал ее, ударив ногой, положил под крыло, навалил сверху еловых иголок и веток. Проблема с костром в нашей ситуации заключалась в том, что огонь мог растопить нашу защитную стену, не говоря о том снеге, на котором мы располагались. Дверь служила щитом для тепла, а холодный воздух снаружи должен был обеспечить прочность нашей пещеры ночью. Стоило солнцу начать клониться к закату, как температура ощутимо упала.

Чтобы зажечь костер, нужна была искра. Можно было бы воспользоваться горелкой, но бутан следовало экономить. Тут я вспомнил про зажигалку Гровера. Пришлось разбросать снег, чтобы, запустив руку в карман его джинсов, вытянуть оттуда зажигалку. Ее щелчок напомнил мне о Дине Мартине и о Джоне Уэйне. Я крутанул колесико и увидел язычок пламени.

– Спасибо, Гровер.

Я покрутил зажигалку пальцами. За много лет она поцарапалась, углы сточились. Но на ребре еще можно было разобрать выгравированную надпись: «Фонарь, освещающий мне путь».

Я поджег веточку, дал ей разгореться и, дождавшись, чтобы огонь дополз почти до моих пальцев, подsunул ее под горку сухих иголок. Они мигом занялись. Я подбросил в огонь пустую коробочку от мюсли, добавил веток покрупнее. Костер разгорелся быстро.

Эшли смотрела, как превращается в пепел бумажная коробочка.

– Хорошие были мюсли...

Песик, почуяв тепло, переполз на край ее спального мешка и свернулся калачиком футах в четырех от пламени. Огонь улучшил наше настроение, совсем упавшее из-за голода и слишком слабой надежды отыскать пропитание.

Я полагал, что смог бы продержаться без еды неделю, была бы вода, но какой бы от меня, такого слабого, был толк? Много лет назад меня привел в ужас фильм «Живые»^[10]. Сейчас, глядя на Гровера, я боролся с еще более сильным приступом ужаса. О том, чтобы начать есть его, и речи быть не могло. Это означало – если, следуя правилу Эшли, не прятать голову в песок, то есть в снег, – что перед лицом голодной смерти у нас не осталось бы другого выхода, кроме пожирания собаки. Но проблема состояла в том, что ее хватило бы нам всего на один раз. Наверное, впервые

в жизни плюгавый размер джек-рассел-терьера стал его спасением. Будь он лабрадором или ротвейлером, я бы более серьезно подверг сомнению его выживание в сложившихся обстоятельствах.

Мы таращились на огонь, пока глаза не устали. Эшли нарушила молчание.

– Я все думаю, что бы подарить Винсу на свадьбу. Никакой фантазии! Что бы вы предложили?

Я подбросил в костер хворосту.

– Я подарил жене на первую годовщину свадьбы хижину в Скалистых горах, в Колорадо. Снегу там было по пояс. – Я выдавил смешок. – Мы еще выплачивали университетский кредит, гроша ломаного за душой не имели, поэтому приняли решение обойтись без подарков.

– Что, совсем ничего ей не подарили? – спросила она со смехом.

– Ограничился багровой орхидеей.

– И пошло: орхидеи, потом теплица...

Я кивнул.

– Мне нравится, как вы рассказываете про жену. Понятно, что вы вместе строите жизнь. По работе я встречаю людей, о которых этого не скажешь. Многие относятся к партнерам по браку как к соседям по комнате. Иногда их пути пересекаются, они делят рассрочку, может, заводят детей. Но каждый погружен в себя. То, как вы говорите о жене, очень впечатляет. Как вы познакомились?

Я потер глаза.

– Давайте завтра? Мы должны попробовать уснуть. – Я протянул руку. – Вот, возьмите.

Она подставила ладонь.

– Что это?

– Перкосет.

– ?

– Сочетание оксикотина и тайленола.

– Сколько у вас доз?

– Три.

– Почему бы и вам не принять?

– Мне не так больно, а у вас впереди еще завтра и послезавтра. Берите! Это поможет вам уснуть. Здесь, на высоте, в разреженном воздухе, одна таблетка действует как две.

– В каком смысле?

– Сильнее эффект.

– У меня пройдет головная боль?
– Может, и нет. Здесь все-таки высокогорье, а вы к тому же получили при падении сотрясение мозга.

– А у вас болит голова?

– Болит.

Она потерла себе плечи и затылок.

– У меня все затекло.

– Травма шеи, – объяснил я.

Она сглотнула и опять уставилась на Гровера. Он сидел, замерзший, в пяти футах от края ее спального мешка, почти полностью засыпанный снегом.

– Мы можем что-нибудь с ним сделать?

– Надо бы его похоронить, но я не смогу сдвинуть его с места. Мне самому-то сейчас сложно двигаться.

– У вас очень затрудненное дыхание.

– Отдыхайте. Я побуду тут, снаружи.

– Одна услуга...

– Конечно.

– Мне опять... надо.

– Никаких проблем.

В этот раз все получилось быстрее, мочи набралось много, ее цвет меня устроил. Я обложил ее ногу снегом, и Эшли сказала:

– Знаете, вы можете в любой момент прекратить это занятие. Мне очень холодно.

Я потрогал пальцы у нее на ноге, проверил пульс на лодыжке.

– Потерпите. Если я позволю вашей ноге перегреться, то кривая боли поползет вверх, и... – Я покачал головой. – Это вам ни к чему. Во всяком случае, не здесь. – Я убрал немного снега со здоровой стороны ее ноги, сделал полочку, на которой мог поместиться, и положил туда свой мешок. – Температура падает, нам лучше друг друга согревать, это позволит нам выспаться и дольше прожить.

– Сколько сейчас времени? – спросила она.

– Седьмой час.

Она растянулась, глядя вверх.

– Самое время идти к алтарю.

Я опустился рядом с ней на колени. Было холодно: пар шел изо рта.

– Это ваше первое замужество?

Она кивнула со слезами на глазах. Я предложил ей свой рукав, и она вытерла слезы. Я проверил швы у нее на голове и над глазом, потом

осторожно натянул ей на голову шапку. Глаза у нее запали, припухлость была уже не такой сильной, отечность лица тоже немного спала.

– Ничего, все у вас будет хорошо. Мы спустимся с этой горы, и вы выйдете замуж – разве что немного позже, чем планировали...

Она улыбнулась и закрыла глаза. Утешение, которое я ей предложил, было слишком слабым.

– Вам очень пойдет белый цвет.

– Откуда вы знаете?

– У меня тоже была небольшая свадьба.

– Как это «небольшая»?

– Я, Рейчел, ее родные.

– Действительно, небольшая.

– Но когда распахнулись двери и я увидел ее в белом платье до пола...

Эту картину жених никогда не забудет!

Она отвернулась.

– Простите. Я думал, это поможет...

Через час, когда ее дыхание стало более ровным и глубоким, я выполз из пещеры и достал из кармана диктофон. Солнце клонилось к закату, его огненный шар высекал из снежного моря серебряные искры, грозя с минуты на минуту спрятаться за гору на западе. Песик вышел за мной и теперь описывал вокруг меня круги. Он был такой легонький, что его выдерживал тонкий наст, но ему самому это не нравилось. После нескольких кругов пес задрал лапку под деревцем, закидал лужицу снегом, напустив на себя серьезный вид, как бычок, готовый к атаке, а потом уставился через плато на горные вершины. Это продолжалось считанные секунды, после чего он тряхнул головой, чихнул и вернулся к Эшли.

Я нажал на «запись».

Глава 8

Как медленно тянется время! На исходе уже третий день, если я не ошибаюсь. Мы живы, но сколько мы так протянем? Эшли держится – не знаю, надолго ли ее хватит. На ее месте, со всеми этими переломами, мучаясь от боли, я бы принял позу зародыша и молился, чтобы меня долбанули по голове или впрыснули лошадиную дозу морфия. А она ни разу не пожаловалась!

Хорошие новости? Я знаю, где мы находимся. Плохие? Дойти отсюда куда-нибудь было бы трудно даже на здоровых ногах, а на перебитых – почти невозможно. Я еще не сказал этого ей, но рано или поздно придется это сделать.

Понятия не имею, как нам отсюда выбраться. Можно смастерить носилки из обломков крыла, но далеко ли я их утащу? Надо найти место пониже и там либо дождаться помощи, либо момента, когда я сам смогу за ней отправиться. А еще нам нужна еда. Уже двое суток я не ел ничего, кроме мюсли.

Не говоря о собаке – не помню ее кличку... Знаю, она голодна – жует ветки. Все время дрожит. Снег ей не нравится, она ходит так, будто снег режет ей лапы.

Думаю, я огорчил Эшли. Я этого не хотел. Я пытался ее подбодрить. Разучился, наверное, практики маловато.

Кстати, о практике... Ты когда-нибудь пыталась сложить мили, которые мы пробежали вместе? Я – нет.

Когда мы бегали, ты обязательно спрашивала меня о своем шаге, а я делал вид, что действительно обращаю на это внимание, хотя на самом деле не мог отвести взгляд от твоих ног. Наверное, это не было секретом для тебя. Я предпочитал бежать за тобой.

Оглядываясь на нашу жизнь, на то, как мы начинали, я вспоминаю, что мы всегда занимались делами, которые нравились нам обоим. У нас не было времени бездельничать. И ничто не могло нас разлучить.

Когда ты получила водительские права, то приехала на пляж, постучала мне в окно в 4 часа утра, и мы вместе устроили пробежку по пляжу. Это были длительные пробежки, на 10–12 миль. Мы называли их LSD^[11]. Время не имело значения, у нас не было ни побед, ни поражений, ни секундомеров. Иногда вместо бега по пляжу я приезжал к тебе, и мы

устраивали пробежки по городским улицам: по Мейн-стрит, по Лэндинг, по Акоста, вокруг Фонтана и так далее. Если один из нас уставал, подворачивал ногу или нуждался в передышке, мы ехали в «Данкин Донатс», заказывали два кофе и просто колесили по городу с опущенным верхом.

Тогда, кажется, я учил тебя ездить на машине с механической коробкой передач и в процессе обучения чуть не вывихнул себе шею. Может, все было и не так плохо, но мою педаль сцепления ты здорово износила, да и шея долго ныла. Но я бы с радостью повторил эти уроки.

Вспоминается субботнее утро, когда мы брели по пляжу после долгого забега. Паренек-серфингист справа от нас оседлал волну, потом нос его доски нырнул, и он плюхнулся в воду. Его вынесло на берег прямо перед нами, потом выбросило то, что осталось от его доски. У него был рассечен лоб, все лицо в крови, вывих плеча, рвота и полная дезориентация. Я уложил его, он указал на свой дом, ты побежала за его родителями, а я сидел с ним и вправлял ему плечо. Когда ты вернулась, он уже смеялся и рассказывал, сколько будет стоить новая доска. Его родители поблагодарили нас и увели паренька домой, а ты повернулась ко мне, загородив ладонью глаза от солнца. Ты сказала – так, словно всю жизнь это знала:

«Когда-нибудь из тебя получится отличный врач».

«Что?..»

Ты постучала меня по груди.

«Я про тебя. Ты станешь хорошим врачом».

Я никогда об этом не думал. Если честно, я вообще ни о чем не думал, только о том, чтобы удрать из отцовского дома. Но стоило тебе это произнести, у меня в голове что-то щелкнуло.

«Откуда ты знаешь?»

«Ты так заботишься о людях... – Ты изобразила пальцами кавычки. – У тебя есть врачебный такт».

«Ты это о чем?»

Ты указала на удаляющегося паренька.

«Взгляни на него! Когда я уходила, его рвало, а теперь он смеется и мечтает о том, что купит новую доску. Ждет не дождется, когда снова залезет в воду. Это все ты, Бен. Твоя манера говорить с людьми их успокаивает».

«Вот как?»

«Уж мне-то лучше знать».

Впервые мне открылось твое умение разглядеть перспективу в самом

обыденном, незначительном, повседневном.

Во второй раз это произошло, когда я навестил тебя на работе. После занятий ты работала добровольцем в детской больнице, раздавала конфеты замученным лысым детям среди кислородных баллонов, инвалидных колясок, грязных простыней, среди вони и шума. Когда я тебя отыскал, ты была в резиновых перчатках, держала судно и шутила с девочкой, только что с него вставшей. Ты не переставала улыбаться, она тоже.

Я видел во всех палатах только болезнь и беду, а тебе открывалась надежда, даже там, где ее быть не могло.

Оглядевшись, я нашел тебя, и ты стала моим лучшим другом. Ты научила меня улыбаться, оживила мое сердце. Миля за милей ты вгрызалась в карьер по имени Бен, разглаживала шрамы, разбирала завалы, в которых гибла моя душа. Ты первой сложила меня из кусочков. Когда пришло время любить, ты научила меня ползать, ходить, бегать, а потом на пляже, под луной, борясь со встречным ветром, во время пятимильной пробежки, обернулась ко мне, оборвала путы, связывавшие мои крылья, и научила меня летать. Я перестал чують под собой землю.

Глядя на заснеженный пейзаж и видя, как передо мной громоздится невозможное, я вспоминаю.

Я вижу то, что есть. Ты видишь то, что может быть.

Мне надо внутрь. Холодает. Не хватает тебя.

Дважды за ночь я обкладывал ногу Эшли снегом. Она не просыпалась, только громко стонала и разговаривала во сне. Я уже несколько часов бодрствовал, когда она проснулась и вскрикнула, как от боли. Ее глаза едва приоткрывались.

— Как самочувствие?

— Как после аварии с участием грузовика, — хрипло ответила и повернулась на бок. На несколько минут ее скрутили рвотные спазмы. Ее рвало желчью — больше в желудке ничего не было. Наконец она легла, пытаясь отдышаться. Было видно, как ей больно.

Я вытер ей рот и дал попить, придерживая за нее кружку.

— Вы должны принять адвил. Только сомневаюсь, что ваш желудок этому обрадуется.

Она кивнула, не разжимая век. Я подбросил в костер хвороста и включил горелку. От запаха кофе она открыла глаза. Она была измучена, энергия иссякла.

– Давно вы не спите?

– Часа два. Я пытался оглядеться. Как мне ни нравится наша пещера, надо отсюда выбираться. Здесь нас никто не найдет. Сигнальный огонь и то не разжечь.

Она увидела причудливые предметы слева от меня и спросила:

– Ваша работа?

Я снял с задней стороны кресел обивку, вынул пружины, при помощи инструмента Гровера раскрутил проволоку и разогнул станины. В результате получилось нечто, отдаленно напоминавшее снегоступы. В длину они были больше, чем в ширину, передняя часть оказалась шире задней. Я обтянул рамы проволокой из кресел и закрепил ее леской. Получилось довольно прочно. Я приподнял свои изделия.

– Это снегоступы.

– Как скажете.

– По утрам, проводя плановые операции, и по вечерам, встречая «Скорую» или вертолет, я регулярно решаю задачи гораздо сложнее этой.

– Хвастаетесь?

– Нет, просто объясняю, что моя работа – хорошая подготовка к необычному и неожиданному.

Я дал ей один снегоступ, она покрутила его в руках и отдала мне.

– Мне больно даже думать о том, чтобы пошевелиться, но я готова попытаться. Будет полезно сменить обстановку.

Я налил ей кофе.

– Только осторожно. В нашем распоряжении еще два дня.

– Вы же никого не ждете? Seriously?

– Нет, никого.

Она кивнула и задышала полной грудью.

– Я покину вас на пару часов. Проведу рекогносцировку.

Я достал ракетницу из пластмассовой коробки, где Гровер держал свои принадлежности для рыбалки, зарядил ее и отдал Эшли.

– Если я вам понадобится, взведите затвор и нажмите на курок. Только следите, куда стреляете, иначе можно спалить себя и всю нашу берлогу. В крыле еще осталось горючее. Меня не будет почти весь день. Если я не вернусь к ночи, не беспокойтесь. Я возьму с собой спальный мешок, запасное одеяло, еще кое-что. Со мной ничего не случится. Здесь все зависит от метеоусловий. Они быстро меняются. В случае чего мне придется залечь и переждать пургу. Хочу найти пропитание и новое убежище или место, где его можно построить.

– Вы все это умеете?

– Кое-что умею. Чего не умею, тому научусь.

Я забрал лук Гровера из колчана в хвосте самолета, оттуда же взял один спиннинг, куртку и катушку.

– Вы умеете ловить рыбу на муху?

– Был однажды опыт...

– Ну и как?

– В смысле поймал ли я чего-нибудь? Ничего не поймал.

– Я боялась, что вы это скажете. – Она посмотрела на лук. – А эта штукавина?

– Из такой штукавины я стрелял.

– И даже попадали?

– Случалось.

– Думаете натягивать тетиву со сломанными ребрами?

– Не знаю, еще не пробовал.

– Перед уходом помогите мне кое с чем.

Речь шла о малой нужде. Потом я растопил для нее воды и укрыл ее.

– Дайте-как мне мой кейс. – Она достала сотовый телефон. – Так, шутки ради... – Она включила телефон, но холод успел его убить. Я пожал плечами.

– Попробуйте разложить пасьянс. Можете воспользоваться моим компьютером, хотя я удивлюсь, если он включится. А если включится, то проработает недолго.

– А книги у вас есть?

– Я не такой уж книголюб. Придется вам остаться наедине с вашими мыслями – и с собачкой. – Я почесал нашего песика за ухом. Он уже привык к нам и перестал лизать в губы Гровера. – Вы не вспомнили его кличку?

– Нет, – жалобно ответила она.

– И я. Предлагаю окрестить его Наполеоном.

– Почему?

– А вы к нему приглядитесь! Он – воплощение наполеоновского комплекса у животных, если такое только бывает! У него вид сердитого бульмастифа, которого запихнули в тело размером с буханку хлеба. С него хоть плакат рисуй: «Это не размер собаки в бою, а размер боя в собаке».

– Что бы сделать для него, чтобы он не отморозил лапки?

Я посмотрел на выпотрошенное кресло со сломанными шарнирами, открыл универсальный инструмент и снял четыре фута виниловой обивки. В спинке кресла обнаружился слой губки толщиной в полдюйма. Я сделал из губки подушечки с прорезями и привязал их к лапам Наполеона при

помощи лески. Он смотрел на меня как на сумасшедшего. Но когда дело было сделано, он понюхал свою «обувь», встал, прошелся по снегу, потом прижался ко мне и лизнул меня в лицо.

– Пожалуйста. Я тоже тебя люблю.

– Кажется, у вас появился друг, – с улыбкой произнесла Эшли.

– GPS! – Я протянул руку.

Она достала прибор из-под своего спального мешка, и я спрятал его во внутренний карман рюкзака. В довершение подготовки я расстегнул кармашек на рюкзаке, достал компас и повесил его себе на шею. Его мне подарила Рейчел несколько лет назад.

Увидев его, Эшли спросила:

– Что это?

Я положил компас на ладонь. Он был потертый, местами зеленая краска облупилась, обнажив алюминиевый корпус.

– Компас.

– Похоже, он побывал вместе с вами в куче передряг.

Я закинул рюкзак на спину, застегнул на куртке молнию, натянул перчатки, взял лук.

– Не забудьте: если я не вернусь до наступления темноты, это не значит, что я пропал. Я все равно приду – возможно, завтра утром. Встретимся за кофе. Договорились?

Она храбро кивнула. Я знал, что если она встретит ночь в одиночестве, то обязательно забеспокоится. Темнота, как водится, усугубляет тревогу. Так уж она, темнота, действует: оживляет страхи, которые в свете дня прячутся, но не исчезают.

– Не вечером, так утром, – повторил я. Она покивала, я достал пузырек с адвиллом.

– Принимайте по четыре штуки каждые шесть часов. И не забывайте поддерживать огонь.

Я вылез из берлоги, Наполеон выскочил за мной. Я нагнулся, чтобы застегнуть снегоступы, и он залез мне на спину.

– Мне нужно, чтобы ты остался здесь. Кто еще о ней позаботится? Ты все понял? Составишь ей компанию. Ей одиноко, это не лучший ее день. У нее уже должен был начаться медовый месяц.

– ...В каком-нибудь теплом местечке, – подхватила Эшли из берлоги, – где загорелый официант Хулио или Франсуа в белых холщовых штанах подносил бы мне один за другим украшенные зонтиками коктейли!

Я отвернулся и начал восхождение.

Глава 9

Выпускной класс, чемпионат штата. Ты наблюдала, как я ставил новый рекорд штата в беге на 400 метров, опрокинув 50-секундный барьер. Мы поставили новый рекорд штата в эстафете 4х400, я победил в забеге на 2 мили, всего несколько секунд не добрав до рекорда страны, и собирался побороться за рекорд в беге на дистанцию в милю. Этот забег поставили последним, чтобы привлечь максимальное внимание прессы. Кто-то пустил слух, что я способен пробежать милю за 4 минуты. Тренеры со всей страны окружили моего отца и хлопали его по спине. У меня набралось больше двадцати предложений стипендий в университетах первой категории. Полный комплект.

Но и отец собрал собственный комплект. Его излюбленной игрушкой был МВА^[12] по финансам. «Тебе оплатят пять лет учебы. Через два с половиной года ты станешь бакалавром, еще через два с половиной – магистром. Отучишься – и сам черт тебе не брат. С твоим напором ты бы мог возглавить мое агентство».

Я не желал иметь никакого дела ни с ним, ни с его рынками, ни с его агентством. Я знал, куда ему все это засунуть, но не говорил ему об этом.

А тебе сделали два предложения учебы в университетах 1-й категории, и, по правде говоря, я больше гордился тобой, чем собой.

Краем глаза я видел его физиономию. Жилку на его правом виске. Он был весь в поту. Несколько раз я пробежал на пляже милю за 4 минуты 4 секунды, но то на пляже, ранним утром, по песочку, иногда при попутном ветре. Он был уверен, что я могу ускориться до 3.58. На финише я был никакой, ноги как желе. Уложиться в 4.05 – и то хорошо. Ты висела на заборе, стискивая кулаки.

Выстрел стартового пистолета.

После первого круга мы еще бежали гурьбой, плотной группой. Парень с юга пытался меня отпихнуть. Я знал, что единственный мой шанс – оторваться от них. К третьему кругу я вырвался вперед. Организаторы предлагали мне регулятор темпа, но отец отказался. «Он сам справится», – заявил он тогда. Через три круга я набрал темп. Я уже знал, что приду первым.

Трибуны встали и заорали. Помню женщину, трящую для пущего шума кувшином с монетами. У отца было каменное лицо. Он был сделан из гранита, а гранит переживает молча. Впереди оставалось сто метров, и

я был близок к 3.58, может, даже к 3.57.

Я видел, как он смотрит на меня. В те секунды сбывалось все, ради чего я трудился. Ты надрывалась, что было мочи, подпрыгивала на высоту трех футов. Наблюдая за тобой и за ним, я понял, что, с каким бы временем я ни пришел, он все равно останется недоволен. Его не устроит даже национальный рекорд. Он в любом случае останется при мнении, что я недостаточно старался, что мог бы пробежать дистанцию еще быстрее.

Его физиономия – лишний барельеф на горе Рашмор^[13] – подействовала на меня странно: я стал замедлять бег. Я следил за часами: вот они показывают 3.53, вот 3.57. Мое официальное время будет 4.00.37. Стадион бесновался. Я показывал нечто, чего никогда не показывал ни один флоридский бегун. Четырехкратный чемпион штата на 12 дистанциях становился участником национального чемпионата; при среднем бале 4.0 я мог выбирать любой колледж.

Я остановился на дорожке. Меня облепили члены команды. Но мне было не до них: мне хотелось видеть только тебя. Вот и ты!

Отца я так и не увидел. Уверен, я мог бы пробежать дистанцию на 5 секунд быстрее. Он тоже это знал.

Вся команда рвалась отпраздновать победу. Отец восседал на табурете, разглядывая пустой хрустальный бокал. Рядом с ним стояла полупустая бутылка коричневого напитка. Он редко пил, считая это недостойной слабостью.

«Видали, мистер Пейн?!» – гордо воскликнула ты.

Он вскочил, наставил на меня палец, толкнул меня в грудь. В углу его рта собралась слюна, под глазом дергалась вена.

«Мне никто ни разу ничего не подарил, сукин ты сын...»

Он покачал головой, сжал кулак и двинул мне по лицу, сломав нос. У меня было ощущение, будто внутри моей физиономии лопнул пузырь с кровью. Я к тому времени вымахал на шесть футов два дюйма, обогнав его на пару дюймов, и знал, что если дам ему сдачи, то есть опасность, что уже не остановлюсь. Но, встав, обнаружил, что он занес руку над тобой. Судя по выражению его лица, он во всем обвинял именно тебя.

Я перехватил отцовскую руку, развернул его и швырнул в стеклянную дверь, разлетевшуюся на миллион осколков. Он лежал на спине и таращился на меня.

Ты отвезла меня в больницу, где мне починили нос, соскребли с лица и шеи кровь и разразились поздравлениями. Санитар сунул мне газету, вся первая страница которой была занята моей фотографией, и попросил

автограф.

В полночь мы прикатили в «Виллидж Инн», место, где круглосуточно подавали блинчики, и заказали порцию французских блинчиков и две вилки. Наше торжество. Потом я отвез тебя домой, нас приняла твоя мама, усадила за стол, и начался разговор. Сидя за столом, закутанная в купальный халат, ты касалась ногой моей ноги. Так бывало уже сотню раз, хоть на беговой дорожке, хоть в машине, но в этот раз почему-то все воспринималось по-особенному. Потому что ты это делала специально. К моей ноге прикасалась нога не бегуны Рейчел, а девушки Рейчел.

А это большая разница.

Я вернулся домой в час ночи. Прошло несколько часов, наступила священная минута – 4.55, но отец так и не появился. Он никогда больше меня не будил. Я лежал и прислушивался, ожидая шагов и размышляя, как быть. Кем быть. Так ничего и не придумав, я оделся и вышел прогуляться по пляжу, встретить восход, полюбоваться лучами солнца, освещавшими лодки ловцов креветок. Так я пробродил до обеда, а потом и до самого ужина. Уже на закате я прибrel к пристани в Мейпорте. За день я преодолел двадцать миль. Карабкаясь по камням, я добрался до края пристани. Если бы кто-то сказал, что это опасно, я бы не стал возражать.

И тут у меня за спиной раздался твой голос.

«От чего ты бежишь?»

«Как ты здесь оказалась?»

«Пришла пешком».

«Как ты меня нашла?»

«По следам».

«По-твоему, это безопасно?»

«Я знала, что буду не одна», – ответила ты с улыбкой и перелезла на соседний камень, разгоняя крабов. Выпрямившись, ты прильнула ко мне. Сняла темные очки – «Costa del Mar», мой подарок, и оказалось, что у тебя красные от слез глаза. Ты смотрела на воду, пряча руки в длинных рукавах синего свитера.

«Ничего, что мы прогуляли занятия?»

«Ничего. – Я убрал с твоей щеки слезинку. – Ты плачешь?»

Ты кивнула.

«Почему?»

Ты ударила кулачком по моей груди и прижалась ко мне.

«Потому что не хочу, чтобы это закончилось».

«Что «это»?»

Опять слезы в глазах. Одна слезинка повисла на подбородке. Я нежно вытер ее.

«Мы, дурачок. – Ты положила ладонь мне на грудь. – Наши ежедневные встречи».

«Вот ты о чем...»

Наверное, это и погнало меня за двадцать миль. Но даже на таком расстоянии я не находил простого ответа. Нас обоих ждало много боли.

Любовь старшеклассников – это одно, но выбор колледжа в зависимости от этой любви – это как раз то, от чего все нас с тобой предостерегали. Помнишь? Иногда я жалею, что мы тогда не прислушались к советам. Но в конечном итоге все равно прихожу к выводу, что мы не ошиблись. Я бы сделал это снова. Честно, сделал бы. Если бы можно было вернуться в прошлое, я бы сделал такой же выбор.

Хотя порой возникают сомнения...

Глава 10

Метелью намело три фута снегу. Если бы не мои снегоступы, я бы проваливался почти по пояс, да еще отморозил бы ноги. Они быстро бы окоченели. Я поймал себя на мысли: что бы ни случилось, главное, не потерять снегоступы. Я остановился, отмотал два отрезка веревки и привязал снегоступы к своим лодыжкам. Так серфингист привязывает себя к доске.

Нам следовало спуститься, однако сначала мне пришлось, наоборот, залезть еще выше, чтобы оценить обстановку. После этого я собирался включить GPS и произвести привязку к местности. Воздух был разреженный, камни покрылись скользким льдом, мне приходилось то и дело надевать снегоступы. Я оказался гораздо слабее, чем думал. Минуло время обеда, когда я завершил восхождение на небольшой хребет над плато. Место падения самолета осталось в тысяче футов подо мной. Увидеть окружающее пространство я смог только перед закатом.

Увиденное произвело удручающее впечатление. Я надеялся разглядеть какие-нибудь признаки цивилизации: огонек, дым из трубы, постройки, хоть что-то, куда можно было бы направиться. Сколько я ни поворачивался, впиваясь глазами в горизонт, правда не становилась менее неприглядной.

Повсюду, куда ни глянь, нас окружало безлюдье. Ни единого признака человеческого присутствия!

Только покрытые снегом пространства, кривые заостренные вершины на 60–70 миль в любую сторону. Найдите слово «заброшенный» в словаре – и вы поймете, что я испытал, стоя на вершине хребта. Я включил GPS и сориентировался, подтвердив то, что видели мои глаза. При помощи компаса я продублировал местоположение сторон света, определенных электронным прибором. Но кое-что меня удивило – количество озер и горных рек на экране. Их оказалось сотни, а то и тысячи. Зимой все они были скованы льдом, но я сохранил в памяти прибора несколько ближайших, чтобы внимательнее изучить их на следующий день.

В правом нижнем углу экрана я разглядел не то лесовозную дорогу, не то трассу снегохода, петлявшую и по ущелью между двумя горными вершинами. Я стал вглядываться в ту сторону, но не увидел ничего, кроме верхушек деревьев и острых скал. Нужно было поточнее определить направление при помощи GPS и компаса: ошибешься всего на один градус – и при таком расстоянии уйдешь в сторону на несколько миль. Я как раз

увеличивал масштаб, когда экран прибора мигнул и погас. Я постучал по нему, как будто это могло помочь, но что толку? Батарейки сели от холода. Я зажмурился, пытаюсь запомнить все увиденное на экране, чтобы через минуту добавить к чертежу, который набросал накануне. При всей отрывочности и приблизительности информации это было лучше, чем ничего.

Назад я повернул уже в темноте. Я так устал, что единственным желанием было повалиться и уснуть, но при мысли об Эшли, в тревоге ожидающей моего возвращения, я не мог не продолжить путь, как ни труден он был. Я намеренно подготовил ее к своему позднему возвращению, но знал, что сразу после захода солнца она начнет прислушиваться к каждому шороху. Каждая минута ожидания будет превращаться для нее в час. Так всегда бывает, когда кого-то ждешь. Минуты вырастают в часы, часы в дни, дни – в целые жизни.

Глава 11

Целую минуту я жил с мыслью, что тот наш разговор – про то, что я могу сильно задержаться, – стал последним. Чертова штуковина отказывалась включаться: ни зеленого, ни красного, вообще никакого огонька. Пять минут я тыкал во все кнопки, какие мог нащупать, теребил, переворачивал, менял местами батареек. Наконец засунул прибор под рубашку, чтобы согреть его своим собственным теплом.

Если он сдох, то... Прямо не знаю. Какой будет моя реакция? В футболе это зовется «навал», в беге – «удар об стену».

Помню, как звонил тренеру и просил посмотреть на твои показатели и результаты. Сначала он был непоколебим. «Разве это повлияет на твое решение о поступлении?»

«Могло бы повлиять...»

Я услышал шорох бумаг.

«Забавно! У меня на столе оказалась лишняя стипендия».

Как все просто!

Вспоминая колледж, я понимаю, что это были лучшие деньки. Отец исключил себя из уравнения, и мы получили свободу быть самими собой. Расту вместе. Вместе смеяться. Ты нашла свой ритм и стала той бегуньей, которой, я знал, могла быть. Я просто радовался своей причастности к этому.

Наш последний учебный год. Медицинский факультет на горизонте. Моя карьера бегуна подходит к концу. Медали висят на стене и пылятся в ящичке стола. Насколько я знаю, отец ни разу не приходил посмотреть на мои забеги. Но мое отношение к бегу изменилось. Он перестал быть моим, став нашим. Так мне нравилось гораздо больше.

Ты – лучший партнер по тренировкам в моей жизни.

А еще мы открыли для себя Скалистые горы, и они стали нашей отдушиной, нашей общей радостью.

Несколько дней тебя не было слышно. Я думал, ты занята, погружена в дела учебы, сдаешь экзамены или... Я не знал, что ты думаешь о нас. О тебе и обо мне. Милая, я не умею читать твои мысли. Не мог тогда, не могу и сейчас.

Мы приехали домой на весенние каникулы. Твои родители были рады твоему приезду. Мой отец переехал в Коннектикут, создавать новую компанию, но кондоминиум во Флориде сохранил, чтобы не менять

постоянного места жительства. Дом был полностью в моем распоряжении. Мы как раз закончили забег. Солнце клонилось к закату, дул ветерок, по твоим рукам струился пот, одна капля повисла на мочке уха.

Ты села, сняла кроссовки, подставила ноги волнам. Когда ты повернулась ко мне, я увидел между твоими глазами складку, на лбу у тебя трепетала жилка, на шее тоже. Ты вся подобралась.

«Что у тебя за проблема?»

Я огляделся.

«Не знал, что у меня проблема».

«Представь себе!»

«Милая, я...»

Ты отвернулась, уперлась локтями в колени, покачала головой.

«Что мне делать?»

Я попробовал подсесть к тебе, но ты меня оттолкнула.

«О чем ты говоришь?»

Ты заплакала.

«Я говорю о нас. – Ты ткнула меня в грудь. – О нас с тобой».

«Меня все устраивает. Я никуда не уезжаю».

«Вот именно. – Ты покачала головой. – Ну и тупица ты!»

«Рейчел... Может, ты объяснишь?»

Ты залилась слезами. Встала, уперла руки в бока, отступила назад.

«Я хочу замуж. За тебя. Хочу, чтобы ты стал моим... навсегда».

«Я хочу того же. Хочу быть с тобой».

Ты скрестила руки.

«Бен, ты должен попросить меня первым».

Только теперь до меня дошло.

«Вот, значит, в чем дело!»

Ты смахнула слезу и отвернулась.

«Милая...» – Я встал на колени и взял тебя за руку. Море лизало мне пятки.

Ты заулыбалась. У твоих ног суеились рыбки, к коже пристали крохотные ракушки. Ты давилась от смеха. Я пытался что-то сказать, но теперь слезы душили меня.

«Рейчел Хант...»

Ты с готовностью улыбнулась.

«Мне плохо без тебя. Там, где сердце – я и не знал об этом, – все время болит. Не знаю, каким я буду человеком, врачом, мужем, зато знаю, что редко произношу слова, которые тебе нужны. И еще я знаю, что люблю тебя. Люблю всем своим существом. Ты – раствор, который скрепляет

меня. Останься со мной навсегда. Будь моей женой. Пожалуйста...»

Ты обхватила меня руками, и мы упали. Все в песке, в пене, мокрые, мы начали целоваться. Слезы, соль, смех. Твой утвердительный кивок.

Славный был денек.

Хорошие воспоминания.

Глава 12

До самолета я добрел уже в полночь. Наполеон, услышав меня, высунул голову и снова спрятался. Температура опять сильно упала, так что мои штанины оледенели. Я продрог до костей. Я отломал несколько сухих веточек и отнес их в нору. Опять пошел снег. За весь день я помочился только один раз, да и то мало, что свидетельствовало об обезвоживании.

Эту проблему необходимо было устранить.

Проводив взглядом Наполеона, я увидел, что его обутые лапки оставляют на снегу едва заметные следы. Но параллельно его следам обнаружились цепочки других, более крупных. Я не слишком разбираюсь в следах, но тут же подумал о пуме. Следы тянулись из-за камней выше нас, вились вокруг сугроба и доходили до лаза, которым я только что пользовался. Еще я обратил внимание на ямку в снегу – похоже, что какое-то существо в ней сидело или лежало, дожидаясь чего-то. Неужели это была засада? Я быстро смекнул, что к чему. У трупов специфический запах, и мороз не может его скрыть. Раненые тоже пахнут, как и собачки.

Мне пришлось снять сырую одежду. Разведя огонь, я разделся, разложил вещи и в одном нижнем белье, дрожа крупной дрожью, залез в свой спальный мешок. Пальцы у меня застыли, словно их облили воском. Я набрал в горелку снега и включил ее.

Эшли с тревогой смотрела на меня. Скрючившись в спальном мешке, я не стал сдерживать дрожь, изо всех сил пытаюсь согреться.

– Эй! – окликнул я Эшли.

У нее были усталые глаза – она изрядно намучилась. Тяжело вздохнув, она поприветствовала меня в ответ.

– Принимали что-нибудь в последние часы?

Она отрицательно покачала головой. Я положил ей на язык перкосет, и она запила его остатком воды.

– У вас неважный вид, – тихо сказала она. – Почему бы и вам не принять адвил?

Я знал, что не вылезу наутро из мешка, если не приму сейчас лекарство.

– Два. – Я показал два пальца.

Она вытрясла мне на ладонь две таблетки, и я проглотил их.

– Что вы видели?

– В нескольких сотнях метрах отсюда расположен первоклассный травматологический центр. Я вызвал неотложку. Сейчас они подкатят сюда носилки. Я говорил с главврачом, он обещал предоставить вам отдельную палату. Они вас отмоют, согреют, накачают внутривенными инъекциями. Ах да, еще я поболтал с Винсом. Он будет ждать вас там.

– Все настолько плохо?

Я забился в мешок поглубже.

– Ничего, кроме снега, льда, камней и гор, насколько хватает взгляда.

– А GPS?

– Та же картина.

Она растянулась и резко выдохнула. Казалось, она весь день берегла воздух для этого момента. Я налил себе теплой воды и начал пить.

– Вы ничего не придумали?

– Внизу есть озера и речки. Уверен, все они замерзшие, но я хотел понять, можно ли спуститься туда завтра и наловить рыбы. Завтра будет уже пять дней после катастрофы и четыре дня без еды.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании.

– Как нога?

– Болит.

Я опять обложил ей ногу снегом. Опухоль спала, но нога выше колена была лиловой. Я включил фонарик и проверил ее швы и зрачки – на чувствительность. Зрачки реагировали медленно и быстро уставали. Значит, организм ослабел, высота тоже давала себя знать.

Я подбросил веток в огонь и пощупал пальцы ее ног. Они были холодными. Дело было плохо: замедлилось кровообращение. Постоянно прикладывая к ноге холод, я подвергал угрозе ступню и пальцы. Необходимо было восстанавливать кровообращение.

Я повернулся к ней, расстегнул свой мешок и, не двигая с места ее ногу, прижался к ее ступне грудью и животом, потом закутал нас обоих мешком.

Она сосредоточенно дышала, глядя вверх, на брезент и на ветви деревьев. Большие снежные хлопья заглушали все звуки.

– Вчера – или позавчера – у меня должен был быть сеанс педикюра.

– Сожалею об этом вместе с вами.

– Скажете хоть что-то утешительное?

Я накрыл ее ступню ладонью.

– Когда мы отсюда выберемся и вы окажетесь на теплой больничной койке, а не на ледяном ложе, – разве что не засудите меня за то, что я подверг вас опасности накануне вашей свадьбы, – я накрашу вам ногти на

ногах в любой цвет, какой только захотите.

– Забавно, что вы об этом говорите. Валяясь здесь после вашего ухода, я как раз обдумывала вступительное слово моего адвоката. «Леди и джентльмены, жюри присяжных...»

– И что получилось?

Она пожала плечами.

– На вашем месте я бы наняла очень успешного адвоката, хотя и тогда вам будет не на что надеяться.

– Все так плохо?

Она наклонила голову.

– Сейчас разберемся. Вы начали с добрых намерений, потом спасли мне жизнь. Я минимум дважды видела, как вы кашляете кровью, тем не менее вы занимаетесь моей ногой и вообще от меня не отходите.

– Видели?..

– Кровь на снегу трудно не заметить.

– Нам обоим полегчает, когда мы спустимся на пару тысяч футов.

Она взглянула на компас, висевший у меня на шее.

– Когда она вам это подарила?

– Головастые морские черепахи откладывают у нас на пляже яйца и оставляют в дюнах песчаные бугры. Много лет назад Рейчел вступила в «черепаховый патруль». Она бродила по дюнам с палкой и с рулеткой и отмечала дни в календаре. Ее удивляло, как черепахи откладывают яйца и при этом каким-то образом знают, где находится море. Я всегда хорошо определял направление. Почти всюду легко ориентируюсь. Этот компас она подарила мне однажды после патрулирования.

– Почему бы не воспользоваться прибором GPS, как Гровер?

– Проблема с этим прибором – разрядились батарейки и, возможно, внутрь попала холодная вода. Обычно в горах я прикрепляю прибор GPS на ремень, а компас вот так вешаю на шею.

– Можно задать глупый вопрос: откуда компас знает, куда показывать?

– Он всегда показывает в одном направлении – на магнитный север. Это позволяет определить остальные стороны света.

– Магнитный север?

Ее ноги начали теплеть.

– Вы не состояли в гёрлскаутах?

Она покачала головой.

– Я всегда слишком ценила свободу.

– Земля обладает магнетизмом. Источник магнитного притяжения расположен вблизи Северного полюса. Отсюда название «магнитный

север».

– И что дальше?

– Истинный север и магнитный север – разные вещи. В этих широтах это не очень важно. Но если воспользоваться компасом около Северного полюса, то можно тронуться умом. Я пользуюсь им обычно для «двухточечного» перемещения.

– Как это?

– Компас не может подсказать, где вы находитесь, только укажет направление, куда вы идете или откуда пришли. Правша вроде меня без компаса обязательно опишет круг, смещаясь вправо. Чтобы двигаться по прямой, вы выбираете направление и угол по компасу, например, 110 градусов, 270, 30 – сколько хотите. Затем определяете зрительный ориентир где-то впереди, на оси движения по компасу: дерево, вершину горы, озеро, куст... Добравшись до этого ориентира, выбираете другой, но в этот раз используя точкой отсчета ориентир позади вас и постоянно проверяя себя. Вот вам «две точки». Несложно, но требует терпения. И кое-какой практики.

– Этот компас поможет нам выбраться отсюда? – В ее тоне послышалось нечто новое – первый намек на страх.

– Поможет.

– Постарайтесь его не потерять.

– Не потеряю.

Я бодрствовал, пока не убедился, что Эшли заснула. Лекарство сделало свое дело. Не сумев уснуть, я вылез из спального мешка, натянул кальсоны и куртку, обулся и вылез наружу. Там, открыв компас, я подождал при лунном свете, пока его стрелка укажет на север.

Помнишь, как мы ликovali, когда получили предложение работать в Джексонвилле? Прямо до потолка прыгали. Назад на пляж, к океану! Запах соли! Вкус рассвета! Звуки заката! Мы возвращались домой, поближе к твоим родителям.

Но ты была организатором внеучебной деятельности в детской больнице и даже мысли не допускала, чтобы уехать, не дождавшись замены. Поэтому гнать грузовик с нашим скарбом из Денвера в Джексонвилл, от Скалистых гор до океанского пляжа, выпало мне одному. Все 1919 миль.

Я пообещал купить тебе кондоминиум, любой дом, какой пожелаешь, но ты сказала: пусть остается тот, который был у меня.

Ты повисла на дверце кабины, так, что заскрипели петли, болтая в

воздухе левой ногой и указывая в глубь кабины.

«Здесь для тебя подарок. Только, чур, не открывать, пока не отъедешь».

На полу, под пассажирским сиденьем, стояла картонная коробка. К ее крышке был прикручен клейкой лентой портативный серебристый магнитофон с запиской «нажми «воспроизведение»».

Я отъехал от дома, переключил автомат на «ход» и нажал воспроизведение. Раздался твой голос. Я буквально услышал, как ты улыбаешься.

«Привет, это я. Я подумала, что тебе не помешает компания. – Ты облизнула губы, как всегда делаешь, когда волнуешься или озорничаешь. – Такое предложение... Я беспокоюсь, как бы тебя не похитила у меня больница. Как бы мне не стать докторской вдовой с ложкой сливочного крема в одной руке и с дистанционным пультом в другой, листающей каталог клиники пластической хирургии. Я засунула в кабину эту штуку, чтобы быть с тобой даже в разлуке. Потому что скучаю по звуку твоего голоса, когда тебя нет рядом. И... И я хочу, чтобы ты скучал по моему голосу. Скучай по мне! Я попользуюсь магнитофоном денек-другой, расскажу тебе, о чем думаю, и отдам его тебе. Можем передавать его друг другу, как эстафетную палочку. И потом, надо же мне конкурировать со всеми хорошенькими медсестрами, которые будут вокруг тебя роиться! Придется сбивать их с тебя палкой. Или стетоскопом. Бен... – Тон твоего голоса сменился с серьезного на игривый. – Если тебе захочется услышать, как кто-то теряет голову, слабеет в коленках, краснеет, если тебе захочется поиграть во врача, просто нажми «воспроизведение». Идет?»

Я кивнул, глядя в зеркальце заднего вида. «Идет».

Ты засмеялась.

«В этой коробке – предметы, которые помогут тебе в пути. Первый у тебя в руках. Остальные помечены цифрами, не смей их доставать, пока я не скажу. Идет? Только честно. Если ты не согласен, я отключаюсь, больше ты меня не услышишь, понял?.. Хорошо. Рада, что мы все решили. Теперь ты можешь посмотреть предмет под номером два».

Я достал конвертик с CD-диском и вставил его в плеер.

«Наши песни».

Тебе было нетрудно делиться своими чувствами. Душа у тебя была нараспашку, а то, что было на душе, легко выговаривал язык. Твои родители посвятили жизнь тому, чтобы научить тебя этому, в отличие от моего отца, который всю жизнь меня запугивал, отучая высказывать

свои чувства. Он говорил, что выражать свои чувства – это слабость, которую надо искоренять. Облить ее бензином и бросить спичку! В итоге из меня получился неплохой хирург экстренной помощи. Я способен действовать, не испытывая чувств.

Целые сутки ты не убирала магнитофон ото рта, ведя меня по своему маршруту и сопровождая беседой каждый шаг. У тебя всегда был дар общения с детьми, поэтому первым делом мы отправились к тебе на работу, в детское отделение, и там ты провела меня по всем палатам, где каждого ребенка называла по имени, всех обнимала, совала плюшевого мишку, играла в видеоигры или в куклы. Ты без труда переходила на их уровень. Собственно, почти все, что я знаю о врачебном такте, – твоя наука. Они увидели магнитофон и спросили, зачем он тебе. Ты совала им магнитофон, и каждый обращался ко мне, звеня теперь у меня в кабине весельем и надеждой. Я мало что знал об их диагнозах и врачах, но подсказкой служили их голоса. То, как ты на них действуешь, можно было осязать. Как и то, как им будет тебя не хватать.

Мы побывали в продовольственном магазине и сделали покупки по твоему списку. В торговом центре купили туфли и подарок кому-то на день рождения. Сидя в кресле парикмахерской, ты слушала рассказ мастера-стилиста о проблеме запаха из подмышек у ее бойфренда. Когда мастер отлучилась, чтобы встретить очередную клиентку, ты прошептала в магнитофон: «Если она думает, что от ее парня пахнет, ей стоило бы пробежаться с тобой». Потом ты взяла меня на педикюр, где педикюрша сказала, что у тебя многовато мозолей из-за злоупотребления бегом. На дневном киносеансе ты, хрустя прямо мне в ухо попкорном, велела мне закрыть глаза, потому что на экране целуются. «Ладно, шучу. Ты целуешься лучше, чем он. Он грубиян. Спрашиваешь, откуда у меня такие познания? Ну... – Я слышал, как ты улыбаешься. – Разбираюсь, и все». После сеанса ты отправилась в туалет и перед дверью сказала: «Сюда тебе нельзя. Только для женщин».

Пока я катил по Алабаме, ты привела меня в наш любимый придорожный ресторан, где принялась чавкать у меня над ухом пирогом с лаймом и со сгущенным молоком, приговаривая: «Звучит вкусно, правда?» Потом ты сказала: «Загляни в коробку и достань большой пакет с надписью «Десерт»». Я подчинился. «Теперь открывай, только осторожно». Я приподнял крышку и обнаружил внутри кусок именно такого пирога с лаймом. «Ты уже решил, что я про тебя забыла?» Я свернул в зону отдыха, и мы полакомились пирогом вдвоем. Ты отвела меня в нашу комнату, и мы вместе улеглись. Внешний мир перестал

существовать. Ты лежала рядом и запускала пальцы мне в волосы, почесывала мне спину. «Теперь я усну рядом с тобой. Но ты смотри, не засыпай, пока не доедешь до нашего кондоминиума на море. Я обвиняю тебя руками. Какой ты тощий! Изволь набрать вес. Слишком много работаешь!»

На несколько минут ты притихла. Я знал, что ты рядом, потому что слышал твое дыхание. Потом ты зашептала: «Бен... где-то на долгом пути... где-то там, я отдала тебе свое сердце и не хочу, чтобы ты его мне возвращал. Никогда, слышишь?»

Я помимо воли закивал, а ты вдруг сказала: «Не смей кивать дороге перед тобой! Отвечай вслух!»

Я заулыбался.

«Я тебя слышу».

Снова снег. Эшли мучается от боли, на нее начинает влиять высота. Либо я спущу ее вниз, либо здесь, на высоте, она умрет. Знаю... но если хотя бы не попробую, то мы оба погибнем.

Гровер?

Его надо похоронить, только я не уверен, что у меня хватит для этого сил. Можно считать, что он уже похоронен. К тому же чуть выше, среди камней, затаилась угроза.

Мне необходимо отдохнуть.

Ветер усиливается. Когда он дует с юга, то свистит в фюзеляже, и получается звук, как в пивной бутылке. Или как прибывающий поезд, который никак не остановится.

Я все время таращусь на компас, ломая голову, как нам отсюда выбраться, но что поделать, если вокруг одни горы? Поди пойми, в какую сторону податься. Если ошибиться с углом, то... В общем, здесь все плохо. Хуже не придумаешь.

Я хочу рассказать людям, что Эшли пыталась попасть домой. Хочу, чтобы они это знали. Но очень может статься, что они об этом так и не узнают.

Глава 13

Я проснулся вместе с солнцем, слабый и больной. Перевернулся на другой бок, натянул на лицо спальный мешок – и снова проснулся, только теперь время близилось к обеду. Но, как ни пытался, встать так и не смог. Не припомню, когда умудрялся проспять целый день, – только сразу после катастрофы. Наверное, весь мой адреналин израсходован без остатка.

Эшли почти не шевелилась. Высота, голод, авиакатастрофа, боль – все это вместе обрушилось на нас всей тяжестью. Ближе к закату я наконец вылез из спального мешка и упал в снег. Все тело болело, я почти не мог двигаться.

Наш костер давно прогорел. Зато моя одежда высохла, поэтому я натянул ее на себя, через силу собрал рюкзак, снова развел костер, чтобы Эшли не замерзла, бросил две пригоршни снега в горелку, чтобы к ее пробуждению была теплая вода. На Гровера я старался не смотреть.

Нам нужна была пища.

Я взвалил на себя рюкзак, привязал к нему лук и вышел на свет как раз вместе с солнцем. Воздух был сухой и трескучий, при дыхании изо рта вылетали кристаллики льда. Следы у входа я припорошил снегом, чтобы при возвращении знать, навевывались ли в мое отсутствие гости. Потом привязал к ногам снегоступы, достал компас, дождался, пока успокоится стрелка, нацелился на могучий горный кряж на расстоянии около полумили и поплелся туда. Поскольку я находится не на вершине, то у меня не было полного обзора местности, поэтому компас был совершенно незаменим.

На протяжении трех часов я определял ориентиры и пробивался сквозь снег. Он был сухим и мерзлым, а не липким и сырым, но мне все равно приходилось то и дело останавливаться и подтягивать на коленях гетры. Первое озеро меня разочаровало, пришлось начать обходить его по периметру. По пути я наткнулся на вытекавший из озера ручей. Поверхность озера была покрыта льдом, но ручей был живой, вода в нем прозрачная, чистая, почти сладкая на вкус. Было холодно, я решил попить, чтобы сбить температуру тела. К тому же я двигался, а значит, был обязан пить. Моча у меня стала почти прозрачной – хороший признак.

Примерно через милю ручей резко отклонился влево. В месте поворота, под нависшей скалой, образовался глубокий омут с заснеженными берегами. Я не слишком доверял своему умению рыбачить. Мои руки окоченели, да и опыта у меня было маловато. Чего ради рыба

клюнет на мушку, отлично зная, что зимой мушки дохнут на лету? Рыба не так глупа.

У Гровера была припасена склянка с фальшивыми лососевыми икринками, похожими на красные и оранжевые горошины. Я подцепил одну на крючок, закрепил крючок на леске и забросил «икринку» в воду.

Прошло двадцать минут – и ни одной поклевки. Я смотал леску и отправился на поиски омота покрупнее. Найдя его на расстоянии мили, я проделал все то же самое – с тем же результатом. Только в этот раз я разглядел в бурлящем потоке мельтешащие тени. Много теней. Я знал, что это рыба, но не понимал, почему нет клева.

Поэтому этот процесс и называется ужением, а не ловлей.

Спустя полчаса, окончательно превратившись в сосульку, я опять смотал леску и потащился по снегу дальше. Я устал, замерз, смертельно проголодался. В этот раз, подбираясь к другому ручью, мне пришлось сначала лезть вверх, потом спускаться. На высокогорье, да еще с такой болью в ребрах, любой подъем требовал почти невозможного усилия, недопустимого расхода калорий. Наконец я спустился к незнакомому ручью. Он оказался шире первого примерно вдвое, но мельче, хотя объем воды внушал надежду.

Черные тени появились снова, и в приличном количестве.

Я раскидал снег и улегся ничком, как снежный ангел, исходящий слюной при виде горной форели. В этот раз я дополнил наживку подведенной под нее сетью Гровера. Беда была в том, что приходилось опускать кисть руки в обжигающе холодную воду. Это сопровождалось нечеловеческой болью и быстрым онемением.

Тени исчезли, но быстро вернулись и подплыли ближе, стали пробовать «икринку». Может, дело было в слишком холодной воде, но рыбешки показались мне вялыми. Я медленно вытаскивал сеть и насчитал в ней семь форелей размером с палец. Я вывалил их в снег в нескольких футах от берега и стал греть замершие руки в карманах пуховой куртки. Потом срубил топориком ветку, прицепил сеть на нее и, погрузив в воду «икринку» и сеть, поймал еще пару рыбешек.

Я съел все, кроме голов.

После этого я вернулся на берег и продолжил «рыбачить». Это занятие я несколько раз за час чередовал с пожиранием части улова. Когда моя тень на снегу удлинилась, я сосчитал свой улов. 47 рыбешек, хватит на двоих на пару дней. Я собрал рыбу и побрел обратно по собственным следам. Благодаря слежавшемуся снегу и похолоданию, создавшему наст, я вернулся быстрее. По пути я достал из колчана стрелу, вставил ее в лук,

сделал глубокий вдох и стал натягивать тетиву. Сначала она сопротивлялась, потом натянулась до самого моего лица. Я испытывал острую боль в ребрах, зато сумел добиться максимального натяжения. Я выпустил стрелу в ствол елочки толщиной в мой кулак на расстоянии двадцати ярдов и промахнулся на два дюйма. Стрела утонула в снегу справа от мишени. Я рылся в снегу несколько минут, прежде чем откопал стрелу, вонзившуюся в мерзлую землю. Выяснилось, что быстро натянуть тетиву мне не под силу, но в принципе стрелять из лука я могу. В дерево я не попал, но промахнулся не очень сильно. Учитывая расстояние, результат был не так уж плох.

На наше плато я поднялся уже после полуночи. Было, как ни странно, довольно светло. Последние полмили я преодолел не спеша, готовый среагировать на любое движение. По пути я так ничего и не увидел, но вход в нашу пещеру поведал совсем другую историю. Лунный свет исключал ошибку. Следы находились совсем рядом, с круглым углублением между двумя строчками следов – зверь явно полз животом на снегу. Скорее всего, он еще находился здесь, когда я приближался. Я почти не сомневался, что сейчас он притаился в какой-то сотне футов от меня.

Эшли была совсем слаба, у нее болели глаза. Классическая горная болезнь, помноженная на контузию и на голод. Я собрал еще хвороста, развел огонь, выпотрошил шесть форелей и нанизал их на длинную гладкую ветку, продырявив рыбешек посередине, как кебаб. Жаря рыбу, я варил кофе. Кофеин позволит переварить и усвоить питательные вещества, не говоря о подавлении голода. Она медленно пила и ела; я подносил кружку к ее губам, чистил рыбу от чешуи и давал по кусочкам, дожидаясь, пока она прожует. Так она съела 14 рыбешек и выпила две кружки кофе, прежде чем показать кивком, что пора прекратить трапезу.

Наполеон все это время сидел спокойно и занимался своим туалетом. Я положил перед ним шесть рыбешек и скомандовал: «Ешь!» Он вскочил, понюхал угощение, повилял хвостом и все сожрал, не побрезговав даже головами.

Я дал Эшли последнюю капсулу перкосета, обложил снегом и приподнял ей ногу, проверил кровообращение. Она уснула еще до того, как я сообразил, что после моего возвращения мы с ней не обменялись и парой слов. Несколько часов после этого я поддерживал огонь, заставлял себя есть, смотрел, как у Эшли розовеет лицо, и прислушивался к ее углубляющемуся дыханию. Почти все это время я сидел, прижимая к своему животу ее ступню. Когда я наконец вышел в темноту, в заросли

слева от меня метнулась длинная тень. Наполеон, вышедший вместе со мной, ошетинился. Он тоже почуял опасность.

Глава 14

Сегодня тоже наловил рыбы, похожей на крупных сардин, только без горчичного соуса и не в алюминиевой банке. Хвастаться нечем, но, по крайней мере, мы живы. Я также тренировался в стрельбе из лука. В случае крайней необходимости я бы попал в цель. Главное, чтобы до мишени было не больше 20–25 ярдов. Знаю, мало к какой дичи удалось бы подкрасться на такое маленькое расстояние, но стрелять все же лучше, чем просто прыгать и махать руками.

Эшли спит себе. Я дал ей остаток перкосета, чтобы она заснула. Это поможет пополнить энергобаланс. А мне пора разработать план. Знаю, правило гласит: никогда не покидай место катастрофы, но нам все же необходимо спуститься вниз. Даже если бы в сотне футов над нами появился вертолет, я не уверен, что нас заметили бы. За пять дней навалило четыре фута снега. Нас почти похоронило под снежной пеленой.

Кстати, на эту тему... Завтра я займусь Гровером. Оттащу его туда, откуда он сможет видеть восход и закат, считать по ночам звезды. Подальше от нас. Смастерю подобие носилок, которые пригодятся и потом, чтобы тащить Эшли.

Помнишь хижину в горах? Наши дневные походы, ночные костры. Снег, липнущий к окнам, ветер, не позволяющий открыть дверь и завывающий в дымоходе?

Наш медовый месяц.

Вторая ночь... Мы поужинали и пересели к камину. Наши стипендии были так малы, а стоимость жизни так высока, что мы еле сводили концы с концами. За хижину мы заплатили, исчерпав весь лимит на кредитной карте. Мы купили бутылку дешевого каберне. На тебе был только халатик... и мой пот.

Кажется, я помню, что мы договорились о свадьбе без подарков. Подарки будут потом, когда мы сможем это себе позволить. Хотя я, конечно, не слишком в это верил. Ты опустила руку с кровати и сунула мне шкатулку. Безупречная обертка, увенчанная красным бантом, образцовые уголки. Ты широко распахнула глаза и сказала:

«Тебе это совершенно необходимо».

Отблески огня в камине танцевали на твоей коже. На левом предплечье синела вена.

«Разве мы не договорились, что не будем дарить подарки?»

«Это не свадебный подарок, – возразила ты. – Это то, что тебе требуется, если мы намерены прожить в браке семьдесят лет».

«Семьдесят лет?»

Ты утвердительно кивнула.

«Ты уверена, что будешь меня любить, когда я состарюсь, покроюсь морщинами и стану глухим, как пень?»

«Как бы не сильнее, чем сейчас».

Ты закинула правую ногу на левую, халатик распахнулся, и обнажилось твое великолепное бедро.

«А ты будешь меня любить, когда моя грудь отвиснет до пупка?»

Вот тебе на: я тобой люблюсь, а ты думаешь об отвислой груди! Ты думаешь об отвислой груди? Невероятно, что ты такое выговорила!

Я уставился на сосновые стропила, тряхнул головой, сдержал улыбку.

«Не знаю. Трудная задачка! Ты же бегунья, у тебя нечему отвисать».

Ты шлепнула меня по руке.

«Возьми эти слова назад!»

Я расхохотался.

«В детстве я видел что-то в этом роде в «Нэшнл Джиогрэфик». Мне не понравилось! С тех пор мне как-то не хочется заглядывать в порножурналы».

Ты ткнула меня пальцем и повысила голос:

«Бен Пейн! – Ты соблазнительно выгнулась. – Что за опасные шутки?»

«Ладно, если у тебя начнет отвисать грудь, мы подумаем, как это исправить».

«Уверяю тебя, исправления понадобятся гораздо раньше. Открывай!»

Помнится, глядя на твой распахивающийся халат, я думал о том, как тебе со мной комфортно. О твоей улыбке, усталых глазах, поте над ушами, горящих щеках. Об огне в камине, о смехе, о красоте. О тебе с ног до головы. Помню, как на мгновение зажмурился и выжег твой образ на внутренней поверхности своих век, чтобы вечно носить его с собой.

Рейчел, ты осталась для меня эталоном. Ты недосягаема.

«Ты живешь так, словно существует Североамериканское восточное время и время Бена. Время Бена вечно отстают: то на пятнадцать минут, то на целых полтора часа. Мой подарок поможет решить эту небольшую проблему».

Твоя правда. Прости мне мои опоздания.

Я распаковал шкатулку и извлек на свет электронные наручные часы.

Ты показала на циферблат.

«Как видишь, тут нет стрелок, ты всегда сможешь узнать время с точностью до секунды. Чтобы тебе помочь, я переставила время на полчаса вперед».

«Тебе не приходило в голову, что все остальные всегда все делают раньше времени?»

«Попытка засчитана, но... – Ты покачала головой. – Нет». Ты прижалась ко мне, пристроилась спиной к моей груди, положила голову мне на руку. Мы болтали, смеялись, пока уголь в камине не подернулся белым пеплом, пока оконные стекла не облепило снегом.

Где-то через полчаса, прежде чем задремать, ты прошептала: «Я поставила будильник».

«Зачем?»

Ты теснее прижалась ко мне, не позволив двинуть рукой, и мы уснули вместе.

Когда зазвучал будильник, я спал без задних ног. Вздрогнув, я попытался сосредоточиться. 3.33 ночи. Я нащупал на запястье часы и стал жать по очереди на все кнопки, чтобы отключить сигнал. Мне не хотелось будить тебя. Лунный свет озарял нас обоих, отбрасывал на стену наши тени, подсвечивал кончики твоих волос. В конце концов мне пришлось засунуть часы под подушку – другого способа справиться с ними я не придумал. Сигнал повторялся целую минуту. Ты засмеялась и накрылась с головой. В комнате было холодно, огонь в камине погас, изо рта шел пар. Я опустил ноги на пол. Я был совершенно голый и весь в мурашках от озноба.

Ты натянула одеяло под подбородок, внимательно посмотрела на меня и улыбнулась усталыми глазами.

«Тебе холодно?» – спросила ты.

Я был смущен и растерян.

«Очень смешно...»

Я раздул огонь, подбросил в камин три полена, снова залез под одеяло – если я ничего не путаю, это была синтетика, выглядевшая как медвежья шкура. Ты закинула на меня ногу, прижалась грудью к моей груди. Мне сразу стало тепло. Ты стала меня баюкать.

«Зачем ты поставила будильник на такой ранний час?» – спросил я.

Ты поерзала, придвинулась ближе ко мне. У тебя замерзли ноги. Ты прижалась губами к моему уху.

«Чтобы напомнить?»

«О чем?»

«Что без меня ты бы совсем замерз».

Гораздо позже забрезжил рассвет в голубой короне, по морю тьмы побежали алые полосы. Ты сняла мою ладонь со своей груди и нажала кнопку на часах. Между нами вспыхнул зеленый огонек, и ты прошептала: «Когда будешь нажимать здесь и видеть этот свет, думай о нас. Обо мне». Ты прижалась к моему плечу головой, глядя вверх, и опять положила мою ладонь себе на грудь. Ты очутилась у меня под ладонью. Ты ничего не скрывала. Внутри билось твое сердце. «О нас, обо мне, об этом...» – закончила ты.

Глава 15

Меня разбудило рычание Наполеона – очень низкое, такого я еще не слышал. Его тон подсказал, что он не шутит. Я открыл глаза и увидел ледяные кристаллики собственного дыхания. Эшли лежала тихо, но ее дыхание снова стало тяжелым. Песик стоял между нами, глядя на выход из берлоги. Лунный свет наполнял наше убежище тенями. Он был таким ярким, что фонарь был ни к чему. Наполеон, опустив голову, сделал два шажка к выходу. Оттуда на нас смотрели снизу вверх два глаза, похожие на кусочки красного стекла. Позади глаз, в тени, что-то покачивалось, как флаг. Или как дымок от костра. Я привстал, опершись о локоть, и протер глаза. Наполеон зарычал громче, еще более грозно. Я погладил его по спинке и сказал: «Успокойся».

Видимо, он меня не понял, потому что в следующую секунду бросился, как снаряд из пушки, на существо, которое таранилось на нас. Образовался живой клубок, раздался визг, похожий на кошачий. Мгновение – и Наполеон, привставший на задние лапки, остался один, надсадно лая.

Я подполз к нему, взял на руки и отнес в глубь берлоги.

– Полегче, малыш. Полегче, она убежала.

Песик дрожал, я нащупал у него на плече влагу.

Эшли включила фонарь. Моя ладонь была красной и липкой, на снегу остались красные пятна.

Я быстро нашел рану на собачьей спине. Она оказалась глубокой.

Я вооружился иглой и нитью. Пока я зашивал рану, Эшли держала собаку, чтобы она не дергалась. Песику не нравилось, что я колю его иглой, но я сумел наложить четыре шва, и место было удачное, туда ему было не добраться зубами. Он все же попытался, кружась вокруг своей оси, но быстро оставил это бесполезное занятие, еще раз посмотрел на выход из берлоги и лизнул меня в лицо.

– Да, ты молодец. Прости, что я хотел тебя съесть...

Эшли откашлялась.

– Что это было?

– Пума.

– Она вернется?

– Думаю, да.

– Чего ей надо?

– Нас.

Она закрыла глаза и долго молчала.

Остаток ночи мы спали урывками. Наполеон свернулся калачиком поверх моего спального мешка, но не сводил глаз с выхода из берлоги. Я почесал ему голову, и он быстро уснул. Я поставил рядом со своим изголовьем лук со стрелой и прижался затылком к хвосту самолета.

Уснул я только тогда, когда взошло солнце.

Проснувшись, я застал Эшли лежащей на боку. Она смотрела влево. В руке она сжимала ракетницу.

Наполеон смотрел в ту же сторону.

Откуда-то снизу доносился хруст снега. Я вылез из спального мешка, схватил лук и вставил в него стрелу. Устройство современных спортивных луков кажется сложным, но на самом деле в нем легко разобраться. Выпускное устройство действует как курок. Оно заменяет ваши пальцы. Раз за разом происходит одно и то же: вы натягиваете стрелу, наводите ее на цель, нажимаете «курок» – и стрела летит в цель. У Гровера был хороший лук фирмы «Мэттьюс». Он подбирал его под свое тяговое усилие, длиннее моего, но я справлялся с задачей.

Я недолго крался: среди камней прыгала белоснежная лисица. Ничего красивее я в жизни не видывал. Я затаил дыхание, натянул тетиву, прицелился в лису и выпустил стрелу. Она пролетела выше моей мишени дюйма на два.

Лиса мигом исчезла из виду.

Эшли спросила шепотом, стискивая зубы и вцепившись в ракетницу так, что побелели костяшки пальцев:

– Ну как?
– Промазал. Подобрался слишком близко.
– Как можно промахнуться, подобравшись слишком близко? Я думала, вы умеете пользоваться этим оружием.

Я покачал головой.

– Перелет...

– В кого стреляли-то?

– Во что-то вроде лисы.

Дела обстояли хуже некуда.

Глава 16

Странно это – жить в доме, нашпигованном тяжелыми, дурными воспоминаниями. Но ты только качала головой и улыбалась. «Дай мне полгола, и я все перепланирую, перекрашу, заново обставляю... У тебя появятся новые воспоминания. И потом... – ты упирала руки в бока. – Все оплачено! Берег океана! Мечта!»

Мы с тобой передвигали стены, все заново перекрашивали, переклеивали, обивали. Мы переделали почти все. Дом преобразился, стал совсем другим. Отец любил задраенные жалюзи, темные тона, слабое освещение, не привечал гостей. Его жилище смахивало на пещеру. А тебе подавай голубизну, мягкие тона, распахнутые окна, поднятые жалюзи, скользящие стеклянные двери с прорезями, пропускающими звуки волна за волной.

Сколько ночей мы засыпали под колыбельную океанских волн?

Помнишь ту ночь, когда случилась страшная авария? Я работал допоздна, потому что два «кадиллака», набитые людьми, попали под тягач. У нас в приемном покое был анилаг. Моя смена кончалась в 4 часа дня, но за пять минут до конца прибыла первая «Скорая», и обещали, что будут и другие. Я не уходил, пока не привел всех пострадавших в стабильное состояние – тех, по крайней мере, кого было возможно. Я страшно вымотался, думал только о том, что такое жизнь и как она коротка. О том, что все мы ходим на волосок от обочины, где пожарный будет вырезать нас из кучи металлолома. Это был как раз один из тех моментов, когда я точно знал, что жизнь совершенно не гарантирована. Что напрасно я считаю ее чем-то само собой разумеющимся, напрасно пробуждаюсь утром с уверенностью в завтрашнем дне.

Он может не наступить.

Была еще ночь, часа, наверное, три. Океан сердился, предчувствуя шторм. Лил дождь, ветер время от времени швырялся песком. Мешанина из стихий, неразбериха волн, оглушительный шум. Любой идиот мог предсказать, что за таким штормом последует нешуточный откат.

В общем, я стоял у окна, сражаясь с мыслями о недолговечности жизни, доказательства которой наблюдал на берегу. Подошла ты – шелковый халат, усталые глаза...

«Ты в порядке?» – спросила ты.

Я рассказал тебе об аварии, о своих мыслях. Ты подлезла мне под

плечо, обхватила меня руками. Шли минуты. В небе вспыхивали зигзаги молний.

«У тебя передо мной должок. Пришло время расплатиться».

Странный способ завести разговор, когда я делюсь своими сокровенными мыслями. Это меня немного рассердило, и мой голос, наверное, выдал раздражение.

«Что?..»

Признаюсь, я все-таки немного болван. Мне до сих пор стыдно.

Не знаю, как давно ты порывалась это сказать, сколько времени я не мог уловить сигналы. Оглядываясь назад, понимаю, что ты месяцами осыпала меня стрелами, но я был слишком погружен в свою работу, чтобы поймать хотя бы одну. Но ты запаслась терпением. Я же все время твердил: «Дай только закончить медицинский факультет...»

Наверное, теперь ты решила, что пора поднажать. Сделала шаг в сторону, развязала на халате пояс, дала халату сползти на пол и пошла в нашу комнату. В двери ты обернулась. Свеча в спальне освещала половину твоего лица.

– Хочу зачать ребенка. Прямо сейчас.

Помню, как ты исчезла в теплом свете свечи, как по твоей пояснице скользнула тень. Помню, как снова посмотрел в окно и покачал головой при виде болвана, глядевшего на меня оттуда. Помню, как пришел в нашу спальню, опустился на колени перед нашим ложем и попросил у тебя прощения. Помню, как ты улыбнулась, кивнула и потянула меня к себе. Помню, как немного погодя ты лежала на мне, прижимаясь животом и грудью и поливая меня слезами. Усталая улыбка, дрожащие руки. Помню момент своего прозрения. Ты открыла мне то, что может открыть только любовь. Что отдала мне всю себя – самозабвенно, до доньшка.

Этот дар меня потряс. Его величие тронуло меня до той глубины, где слова не выживают. Где все бессильно. Где нет тайн. Где есть только ты и я, только все то, что зовется нами.

Еще я помню, что зарыдал тогда, как ребенок.

Вот когда я узнал, впервые узнал, что такое любовь. Не то, какое чувство она мне дарит, не то, какие надежды я на нее возлагаю, а что такое она сама, какой она может быть, когда я не встаю у нее на пути.

Все это показала мне ты. Все это всегда было рядом, но та ночь, те люди, мое чувство утраты, потери, горе и радость – все сплелось тогда воедино, и... Я жил с желанием любить, но с невозможностью проявить это чувство из-за боли, которую в себе носил. Боли из-за отца, из-за отсутствия матери, из-за того, что, сколько я ни бегу, желанной

скорости мне не развить. И никогда не оправдать надежд.

Но там... той ночью... в тот момент я впервые вырвался на свободу. Впервые сделал глубокий вдох, наполнивший меня до краев. Всю жизнь я бултыхался среди волн, они швыряли и переворачивали меня, как тряпичную куклу, я безнадежно пытался вынырнуть, кричал, ловил ртом воздух, но невидимая рука тащила меня вниз, в пузырящуюся пену. А ты в одно мгновение раздвинула волны, подняла меня над поверхностью, заполнила пустоту.

Глава 17

Я попытался сдвинуть Гровера с места, но он совершенно одеревенел, замерз в сидячем положении, только голова немного моталась. Рука вцепилась в рычаг, глаза были закрыты.

Эшли отвернулась.

Я отломал кусок от крыла, положил на него Гровера и вытащил наружу, дотянул по снегу до валуна, усыпанного следами пумы. Раскидал снег, посадил его на камни, уперев спиной в валун.

На обратном пути я сосчитал шаги. Их набралось восемнадцать.

Я вставил в лук стрелу, прицелился в сугроб в нескольких футах от Гровера и выстрелил. В этот раз перелета не было. Расстояние было достаточным, чтобы полет стрелы выровнялся, но не чрезмерным, так что я не промахнулся.

Наполеон носился между Гровером и мной, заметно прихрамывая, его круги были далеки от совершенства. Когда он посмотрел на меня, я сказал:

– Не переживай, я не дам его в обиду.

Наполеон вернулся в нашу разваливающуюся конуру. Это место никуда не годилось, его нужно было скорее покинуть, но у меня было две проблемы. Первая: я стремительно терял силы. Завтра я еще больше ослабею, не говоря о послезавтрашнем дне. Вторая: часть последипломной больничной подготовки я провел на Западном побережье, где пумы водятся в большом количестве, так что насмотрелся, что они способны натворить с застигнутыми врасплох людьми. Я не собирался несколько дней подряд то и дело озираться через плечо.

Я заполз внутрь.

Эшли лежала с мокрым лицом. Она сильно сдала.

– Чем вы заняты?

– Охотой.

– Используете Гровера как приманку?

– Да.

Она молча посмотрела на меня.

– Если все получится так, как я задумал, с ним ничего не случится.

– Необязательно напоминать очевидное, но после нашей встречи в Солт-Лейк ничего не получается так, как вы задумываете.

Она была права, мне нечего было ответить, поэтому я только кивнул. Я знал одно: нельзя просто сидеть в пещере и ждать возвращения зверя.

Участие Гровера давало какие-то шансы – возможно, не мне, но и не хищному зверю.

Если выйдет по-моему, то Гровер все равно ничего не узнает и хуже ему не будет. А если нет – что ж, он и так уже мертв, и я похороню его до того, как Эшли увидит, что произошло.

До конца дня мы почти не разговаривали. То же самое ночью. И на следующий день. К наступлению второй ночи я прободрствовал двое суток кряду и был уже, что называется, на последнем издыхании. Как и Эшли.

Мороз усилился. Точно я определить не мог, но по ощущениям температура упала ниже 16 по Цельсию. Натянуло туч, которые заслонили луну, без ее света я не мог толком прицелиться.

В полночь пошел снег. Меня клонило в сон, я то задремывал, то просыпался. Гровера завалило снегом. Судя по слою, покрывшему его, нападало дюйма три.

Видимо, я крепко заснул, потому что, очнувшись, дернулся. Рядом со мной лежал Наполеон, не сводивший глаз с Гровера.

Рядом с Гровером находилось что-то крупное, длиной футов в шесть. Я нашарил почти негнувшимися руками лук и попытался найти прицел. В темноте это оказалось невозможно. Хоть бы проблеск света!

Я стал натягивать тетиву, зная, что в моем распоряжении не больше пары секунд. Руки затекли, в груди было такое ощущение, будто меня проткнули копьем. Я кашлянул и почувствовал привкус крови. Меня одолевала слабость. Мне был нужен свет. У меня тряслись руки.

Что-то коснулось моей ноги, потом раздался щелчок, и из пещеры вылетела оранжевая ракета. Описав в небе дугу, она повисла футах в ста над нами. Свет хлынул вниз, во все стороны легли тени. Огромная кошка положила на грудь Гроверу обе лапы. Их можно было принять за танцующую пару. Пума задрала голову, выгнув шею. Я нашел прицел, навел его ей на плечо и спустил курок.

Стрелы я не увидел.

Бросив лук, я повалился на спину, держась за бок и пытаюсь судорожно вздохнуть. Снова кашель, привкус крови во рту. Плевок в снег.

Эшли лежала справа от меня, таращась в темноту.

– Убежала.

– Я попал? – Я корчился, массируя себе грудную клетку. У меня свело спину, дыхание стало еще стесненнее.

– Не знаю. Она бросилась прочь.

В темноте моя рука нашла ее руку.

Мы молча лежали, едва дыша. Я слишком устал, чтобы отнести ее

обратно в спальный мешок, поэтому просто прижал ее к себе, закутал собственным мешком, крепко обнял. Уже через несколько минут ее голова склонилась набок, пульс замедлился.

Нас разбудил рассвет. Наполеон улегся между нами. Я вылез из спального мешка и разобрался, что совершила ночью Эшли: следы на снегу ничего не могли скрыть.

Я должен был осмотреть ее ногу. Приподняв мешок, я провел по ней ладонью. Кожа потемнела, опухоль вернулась. За десять дней на ноге отросли волосы. Пульс на лодыжке был хороший. Но меня беспокоила опухоль. Кожа натянулась. Вскочив ночью, она усугубила свое положение. Я не исключал приступа боли, но перкосет у нас кончился.

Я приподнял ее голову, положил ей на язык две таблетки адвила, и она их проглотила.

Потом я пристроил ее голову на своем спальном мешке, оделся, обулся, вставил в лук стрелу и добрался до Гровера. Он завалился на бок – видимо, дикая кошка толкнула его при бегстве. Можно было подумать, что он спит на боку. По снегу уходил вверх непрерывный кровавый след.

С момента ранения пумы прошло несколько часов. Это было очень хорошо или очень плохо. Если пума получила смертельное ранение, то за эти часы успела издохнуть, а если ранение было легким, то за это время она могла снова набраться сил и рассвирепеть.

Я оглянулся на Наполеона и остановил его жестом ладони.

– Останься. Позаботься об Эшли.

Песик послушно забрался к ней в спальный мешок, оставив снаружи один свой нос. Я выдыхал густые клубы пара, от мороза застыло лицо. Мне было больно от холода.

Я полез на скалы, чтобы пройти по кровавому следу. Он становился все уже – плохой признак. Узкая полоска крови свидетельствует о неопасном ранении и предвещает встречу с опасным зверем. Ярдов через сто вместо полоски крови на снегу остались только редкие капли. Я остановился, чтобы поразмыслить. Порыв ветра пронзил меня насквозь, швырнул снежной пылью мне в лицо.

На широком скальном выступе капле крови стало больше, потом она залила снег сплошной полосой. Через несколько сотен ярдов я набрел на целую лужу крови – видимо, здесь зверь останавливался. Вот это уже было хорошим признаком. Я разрыл ногой снег и убедился, что он пропитан кровью на глубину нескольких дюймов.

Хорошо – во всяком случае, для нас.

Я прошел по кровавому следу еще пару сотен ярдов, виляя между камней. След вел меня к приземистым деревцам. Сначала я увидел хвост – черный кончик на снегу, торчавший из-под нижних веток дерева. Я набрал в легкие холодного воздуха и медленно направился к дикой кошке с луком наготове. В восьми футах от нее я навел прицел на ее голову, немного опустил лук, чтобы компенсировать расстояние, и выпустил стрелу. Она пронзила пуме шею, снаружи осталось только оперение. Животное даже дернуться не успело.

Я вынул стрелу, убрал ее в колчан и сел на камень, разглядывая убитого зверя. Он оказался невелик, футов пять от головы до крестца, весом в сотню фунтов. Я приподнял его лапу.

Пусть пума и была небольшой, но ее когтистая лапа изорвала бы меня в клочья. Я проверил зубы. Они были сточены, поэтому их обладательнице и пришлось искать легкую добычу.

Я знал, что Эшли уже беспокоится.

Я вернулся по своим следам. Она мучилась от боли, вся дрожала, не исключался болевой шок. Я разделся до белья, расстегнул спальный мешок Эшли, заправил свой мешок в ее, залез в него, прижал ее к своей груди, крепко обнял. Прошел час, прежде чем она перестала дрожать.

Когда она наконец уснула, я вылез, закутал ее в оба спальных мешка, развел хороший костер, подбросил в него хворосту и вернулся к пуме. Я снял с нее шкуру и выпотрошил. Получилась туша весом в полсотни фунтов, в том числе фунтов пятнадцать съедобного мяса. Я протащил тушу по снегу, срезал несколько зеленых побегов, сделал из них каркас вокруг костра и стал укладывать на него куски мяса.

Эшли разбудил запах. Она приподняла голову, понюхала воздух и хрипло прошептала:

– Дайте чуть-чуть...

Я отрезал кусочек, побросал его из ладони в ладонь, как горячую картофелину, подул и поднес к ее рту.

Она медленно прожевала и проглотила мясо. Через несколько минут она приподняла голову, и я подоткнул под нее угол спального мешка. Ее запавшие глаза были окружены тенями. Я отрезал еще кусочек мяса и держал у ее рта, пока она понемногу откусывала. Жевала она, откинув голову.

– Мне приснился ужасный сон, вы не поверите...

– А вдруг?

– Мне приснилось, что мой рейс из Солт-Лейк отменили, и тут незнакомец, приятный мужчина, простоватый на вид, но все равно ничего,

приглашает меня улететь с ним на чартере в Денвер. Я соглашаюсь, но где-то над бескрайним лесом у пилота случается сердечный приступ, и самолет падает. Я ломаю ногу. Проходит неделя, а все наше пропитание – это горсть мюсли, кофейная гуцца и пума, пытавшаяся нас сожрать.

– Простоватый? Приятный? «Приятными» мы называли в старших классах девочек с невзрачной внешностью, но с красивой душой.

– Такие врачи, как вы, мне еще не попадались. – Она медленно жевала. – Самое странное в этом сне – мое согласие лететь в чартере с незнакомым человеком. Даже с двумя. О чем я думала? – Она покачала головой. – Моя система принятия решений требует пересмотра.

– Сообщите мне о результатах, – сказал я со смехом.

При свете дня я осмотрел ее ногу. Она отвернулась, и это было к лучшему: картина совсем не вдохновляла.

– Вам повезло, что обошлось без нового перелома. Края кости еле держатся вместе – а вы позволяете себе баловство с ракетницей! Смещения, кажется, не произошло, но опухоль опять налицо, и какая!

Кожа у нее была землисто-бледная и на вид липкая. Я привычно обложил ей ногу снегом, поправил шину, чтобы помочь кровообращению, потом прижал ступню к своему животу, чтобы согреть.

До конца дня мы ели зажаренное на огне мясо пумы и цедили теплую водичку. Я то и дело подкладывал ей на ногу и под колено снег и следил, сколько жидкости она потребляет, сколько выделяет. Она пролежала неподвижно уже целых десять дней, вдыхая вдвое меньше кислорода, чем привыкла. Я опасался атрофии и инфекции, поскольку не был уверен, что ее организм способен справиться с этими опасностями.

Когда мой организм усвоил белок, я стал растирать ей правую, здоровую ногу, чтобы восстановить в ней ток крови. Я растягивал ногу, но так, чтобы не беспокоить сломанную ногу. Здесь требовалось соблюсти тонкий баланс. День напролет я отрезал от туши пумы длинные полоски мяса, нанизывал их на зеленые веточки и подвешивал над огнем. Несколько раз я собирал хворост для костра, отходя от пещеры все дальше. К ночи я срезал с туши и изжарил все мясо. Его оказалось немного, и не лучшего качества, но все же это немного утолило голод и стало для нас источником белка и энергии. Что не менее важно, теперь я не должен был каждый день рыскать в поисках пропитания.

У Эшли немного порозовело лицо и щеки. Важнее было то, что ее глаза стали влажными и почти здоровыми.

Когда до заката оставалось еще два часа, я, выглянув из пещеры, стал разглядывать лежащего на боку Гровера. Он смахивал на сброшенную с

пьедестала статую. Я нацепил свои снегоступы.

– Я буду здесь, рядом.

Эшли кивнула. Когда я проходил мимо нее, она поймала меня за полу и потянула к себе. Внимательно на меня посмотрев, она прикоснулась губами к моему лбу. Губы были теплые, влажные, дрожащие.

– Спасибо.

Я кивнул. Находясь с ней лицом к лицу, я увидел, как она осунулась, щеки не просто впали, а провалились. Конечно, неделя озноба, длительный болевой шок, голод кого угодно сделают похожим на труп.

– Не знаю, как вам удалось совершить вчера этот подвиг. Где вы черпаете силы? – Я смущенно отвернулся. – Что-то похожее я видел всего раз в жизни. – Я положил ладонь ей на лоб, проверяя температуру. – Завтра утром мы уйдем отсюда. Не знаю куда, но уйдем обязательно.

Она выпустила мою руку и улыбнулась.

– Первым рейсом?

– Конечно. И первым классом.

Я выполз наружу. Мой желудок был полон, впервые за десять дней я не испытывал ни голода, ни холода. Я огляделся и поскреб себе голову. Что за странность? Я давно этого не замечал. Как будто что-то незаметно выросло у меня за спиной. Я почесал подбородок, и тут до меня дошло.

Я улыбался!

Глава 18

Помнишь черепах? Интересно, как они там. Где они сейчас? Далеко ли уплыли? Добрались ли до Австралии? Особенно твой маленький приятель.

Ты постукала меня по плечу и спросила: «Что это за звук?» Похоже, мы нашли самку, только-только начавшую строить гнездо. Мы забрались на дюну, легли и стали наблюдать, как она роет яму. Она была здоровенная и долго рыла песок. А потом принялась откладывать яйца. Пребывая при этом в трансе. Она отложила их добрую сотню. Закончив, она засыпала яму, подползла к кромке воды и исчезла в черной бездне.

Мы скатились с дюны и устали на холм. Такого большого холма мы еще не видывали. Мы осторожно воткнули треугольником столбики, обвязали их розовой лентой, а потом ты заставила меня нарезать флажки, чтобы любой празднующий за милю увидел, что это место надо обойти.

Самолеты высоко в небе – и те разглядели бы это черепашее гнездо.

Ты стала считать дни. Прямо как ребенок при приближении Рождества. Отмечала дни на календаре. Я взял недельный отпуск, и на пятьдесят пятый день мы разбили на пляже лагерь.

«Откуда им знать, что вылупиться надо на шестидесятый день? Вдруг они вылупятся раньше срока?»

Мы расстлали на дюне одеяло, ты крепила себе на лоб фонарик и становилась похожа на заблудившегося шахтера. При моей попытке залезть к тебе в спальный мешок ты застегнула молнию доверху и погрозила мне пальцем.

«Только не сейчас! Вдруг они начнут вылупиться?»

Милая, когда ты на чем-то сосредоточиваешься, от тебя взгляд не оторвешь.

Мы лежали, глядя на нашу розовую изгородь, озаренную луной. С юго-запада дул прохладный ветерок, и океан походил больше на мирное озеро, чем на бурную стихию. Наконец наступил 59-й день. Ты спала себе, застегнувшись в спальном мешке. Я тронул тебя за плечо, и мы, осторожно глядя через край своей дюны, стали свидетелями того, как первый малыш, стряхнув со спинки песок, берет курс на воду. Прошло совсем немного времени – и весь пляж уже кишел черепашками.

Ты была в восторге, пыталась их сосчитать, указывая на каждую,

как будто знала всех по именам. Помню, как ты спросила, качая головой: «Откуда они знают, куда ползти? Как им удастся не заблудиться?»

«Это благодаря внутреннему компасу. Он подсказывает им, в какой стороне вода».

И тут появился твой приятель. Он тоже выбрался из песка, но, в отличие от своих ста семнадцати братьев и сестер, устремился не в ту сторону: вверх по склону дюны, прямо к нам. Преодолея несколько футов и скатился вниз, зарылся в песок. На твоём лбу появились морщинки: ты наблюдала, как он роет себе могилу.

«Он движется не туда. Так он никогда не попадет в воду».

Ты съехала с дюны, схватила черепашонка и понесла к воде. Там ты положила его на мокрый песок, он встал на лапки, и его смыло первой волной. Ты ласково подтолкнула его ладонью.

«Плыви, малыш! До самой Австралии!»

Мы любовались отблеском луны на его панцире, превращавшем его в плавучий черный алмаз. От ветра тебе залепило волосами лицо. Ты улыбалась. Мы долго стояли молча, провожая взглядом нашу уплывающую драгоценность. Черепашонок оказался хорошим пловцом.

После этого ты увидела плакат. Ты обернулась, посмотрела на дюну, на которой мы раньше прятались, на дубки и на проволочную изгородь за ней. На самом высоком месте, так, чтобы видели все проезжающие по шоссе A1A, красовался плакат «Продается».

«Чье это?» – спросила ты.

«Понятия не имею».

«Сколько они просят, как ты думаешь?»

«Думаю, немало. Участок продается давно».

«Странная конфигурация! Попробуй, поставь здесь дом. Участок под постройку с гулькин нос, вокруг охраняемые дюны. Сотня футов границы участка идет вдоль шоссе, восемьсот футов – по дюнам. Получается сплюснутый треугольник».

«Да еще парк штата с обеих сторон! – подхватил я. – Наверное, есть ограничения на тип постройки, которую здесь можно возвести, на площадь фундамента и так далее. Тот, кто покупает участок за миллион, хочет иметь право строить все, что пожелает».

Ты указала на песок.

– «Тут еще с десяток гнезд. Вон сколько розовой ленты! Почему бы эту землю не выкупить штату?»

«Дороговато», – сказал я, пожимая плечами.

«Давай мы купим?»

«Что?!»

Ты стала карабкаться на дюну, озираясь на ходу.

«Большой дом нам ни к чему. Поставили бы его вот здесь... Пляжный домик у самого океана! Сделали бы большие окна, чтобы наблюдать ночами за черепашьими гнездами».

Я показал на пляж.

«Милая, у нас тут и так отличный кондоминиум. Мы можем приходить сюда, когда захотим».

«Так-то оно так, но хозяину участка может не понравиться, что у него во дворе роются черепахи. А нам понравится. Участок надо купить нам».

Прошла неделя. Я снова втянулся в работу. Придя домой и бросив на диван свои вещи, я увидел, что стеклянная дверь отодвинута. Я вышел. Ты стояла на берегу. Солнце уже село. Это было мое любимое время, когда перед наступлением темноты в воздухе разливается прохладная голубизна. Ветер трепал твой белый саронг. Ты помахала мне рукой. Ты была очень загорелой, от глаз к ушам тянулись белые полосы от дужек темных очков.

Я натянул шорты и побежал к тебе. Ты улыбалась, в руках у тебя была коробочка в обертке. Ты отдала ее мне. Ветерок разлохматил твои волосы, щекотал ими щеки и губы. Когда я начал тебя целовать, ты убрала волосы пальцем.

Я открыл коробочку. «Это чтобы ты мог отыскать дорогу ко мне», – было написано там. В коробочке лежал линзовый компас. «Прочти надпись на обратной стороне», – подсказала ты. Я перевернул компас. Там было выгравировано: «Мой истинный север». Ты повесила компас мне на шею и прошептала:

«Без тебя я бы потерялась».

«У меня тоже есть кое-что для тебя».

Ты убрала руки за спину и смешно закрутилась вокруг себя.

«Что?»

Я протянул тебе папку. Ты открыла ее, стала листать страницы. Можно было подумать, что я подsunул тебе китайскую грамоту. Ты прищурилась.

«Что это, милый?»

«Вот это – геодезическая съемка. А это – купчая на землю».

«Какую землю? У нас нет...» – Ты запнулась, уставилась в бумаги, зачем-то перевернула папку вверх ногами, оглянулась на пляж.

«Ты же не...»

«Это только предложение. Его не обязательно примут. Я их запутываю».

Ты схватила меня за руку.

«Житель Понте-Ведро Бич? – Ты расхохоталась и крикнула: – Не верю, что ты на это пошел!»

«Мы не знаем, примут ли они предложение. Слишком много обязательств и ограничений. Здесь можно строить далеко не все. Вокруг государственный парк, так что...»

«Но маленький домик построить можно?»

«Мы еще не собственники».

«Но сможем ими стать. И тогда построим домик со стеклянной стеной, чтобы любоваться через нее рассветами и лунным светом».

«Сколько это стоит?»

«Немало. И сразу начинать строить нельзя. Придется подождать несколько лет».

«Я потерплю».

Мне понравилось дарить тебе участок земли.

Глава 19

Гровер заслуживал приличных похорон. Я осмотрел местность и остановился на скале как раз над ним. С нее открывался вид на много миль вокруг. Он любил высоту, ему бы понравилось. Я разбросал снег, вернулся к самолету и отодрал кусок от хвоста, чтобы использовать его как лопату. Вырыл яму – это было, скорее, отбрасывание грунта от себя, чем рытье, учитывая, что земля промерзла. Потом опять спустился, взвалил Гровера себе на плечо, притащил к могиле и опустил в нее. Осталось собрать камни размером с мячик.

Я вывернул его карманы и попытался снять обручальное кольцо, но не тут-то было. Отцепил его карманные часы и спрятал вместе со всем остальным в кармане своей куртки. Расшнуровал ботинки, убрал шнурки в карман, стянул с него шерстяные носки, забрал ремень и джинсовую куртку.

Я собирал камни под холодным закатным солнцем – сначала темно-оранжевым, потом алым. Закончив, я выпрямился и отошел. Место было что надо. Поднялся ветер. Видимо, это вообще было ветреное место. Что ж, это только к лучшему: пусть ему кажется, что он летит.

Я стащил с головы шерстяную шапочку.

– Гровер... Прости, что втянул тебя в это. Наверное, если бы я не нанял тебя для этого полета, то ты был бы сейчас дома, с женой. Теперь ты, небось, проходишь ангельскую тренировку. Будь хорошим ангелом! Скоро у тебя отрастут крылья. Надеюсь, тебя приставят к жене. Ты ей нужен. Если и когда мы отсюда выберемся, я ее навещу. Расскажу, что случилось. Отдам ей твои вещи. – Я потерял в руках шапку. – Не знаю, может, попросить у тебя прощения? – Я попытался засмеяться. – Но если уж совсем начистоту, это ты забросил нас в эту глушь.

Ветер рванул с удвоенной силой.

– Если только Богу не нужны два новых трупа, погода должна измениться. Нам нужны безоблачное небо и теплая погода. Я не знаю, куда идти, так что и в этом нам бы пригодилась помощь свыше. Ты уж замолви там за нас словечко.

Мир, закутанный в белый саван, простирался миль на сорок в одну сторону и миль на шестьдесят в другую.

– Эшли пора нарядиться в белое платье, пройти к алтарю и обвенчаться. Она молода, вся жизнь впереди. Она заслуживает

подвенечного платья.

Дневной свет померк, безоблачное небо похолодело, превратилось в серый потолок, на котором начинали мерцать звезды. В вышине, в 40 тысячах футах, летел на юго-восток авиалайнер, оставляя за собой длинный белый след.

– Если у тебя такое чувство юмора, то мне, признаться, уже давно не смешно.

На один белый след в небе наложился другой.

– Кстати, если пропаду я, значит, пропадем мы вдвоем. Нам ничего не стоит сгинуть. Дела обстоят все хуже. Нас чуть было не растерзала дикая кошка. Ты должен быть в курсе, ты же танцевал с ней танец. Тут ведь такая штука: моя смерть – это и ее смерть. Не говоря уже о твоей псине – не помню ее имени...

Спасаясь от особенно злого порыва ветра, я застегнул на куртке молнию.

– Я не корчу из себя невесть что. Не за себя прошу. Жалко эту девушку со сломанной ногой. Как бы ее воля не подкачала. Она воображает, что не показывает виду, но я все замечаю. Она крепкая, но такие передряги любого согнут в бараний рог. – Я огляделся. – Суровые здесь места. Любого лишат надежды. – По моему лицу скатилась непрошенная слеза. Мои руки были в трещинах и в порезах, губы тряслись. Я покачал головой. – Мы с тобой так и не договорили, но вот что я тебе скажу... Жить с разбитым сердцем – все равно что жить полумертвым, а это не то же самое, что быть наполовину живым. Полумертвый и есть полумертвый. Это не жизнь.

Вокруг нас громоздились горы – зубчатые, холодные, немилосердные, отбрасывающие длинные тени. Гровер лежал у моих ног, заваленный камнями и льдом.

– Когда сердце разбивается, то осколкам уже не срастись. Это не как отвалившийся хвост ящерицы, а как разлетевшийся на несчетные осколки витраж: собрать его невозможно. Во всяком случае, прежним ему уже не стать. Сколько ни собирай осколки, бывшего витража не получится, будет только куча битого цветного стекла. Разбитые сердца не заживают. Это не срабатывает. Возможно, я рассказываю тебе о вещах, о которых ты и так все знаешь. А возможно, что нет. Я знаю одно: когда половина отмирает, болит все. Боль ты получаешь вдвойне, а все остальное – только наполовину. Можно потратить весь остаток жизни на составление прежнего витража, но это бесполезный труд. Осколки нечем скрепить.

Я натянул шапку, но тут же опять сдернул.

– Это все, что я хотел сказать. – Я взял компас, стрелка которого сначала заметалась, а потом замерла. – Мне надо понять, в какую сторону идти.

Два самолета, летевшие перекрещивающимися курсами, исчезли. Я запрокинул голову, не в силах оторвать взгляд от двух белых полос в небе. Их пересечение образовало стрелу, указывавшую на юго-восток. 125–130 градусов. Я кивнул.

– Раз нет другого выхода, сойдет и этот.

Я прибрел в нашу снежную пещеру и натянул на ноги Эшли носки Гровера, связанные из шерсти средней толщины. Она с подозрением посмотрела на меня.

– Откуда у вас это?

– Из универмага «Уолмарт».

– Приятно слышать. Я думала, вы признаетесь, что сняли их с ног Гровера. Для меня это был бы перебор.

Она задремала. Около полуночи она открыла глаза. Я как раз пялился на компас. Точки из трития на шкале светили зеленым неоном.

– Как вы узнаете, в какую сторону идти?

– Никак.

– Что, если вы выберете неверное направление?

– Об этом никогда не узнает никто, кроме вас, меня и Наполеона.

Она закрыла глаза и натянула на плечи спальный мешок.

– Не торопитесь. Не ошибитесь с выбором.

– Спасибо за полезный совет.

– Не заставляйте меня распространяться насчет того, что сейчас было бы полезнее всего.

– Тоже верно.

Глава 20

Вот-вот рассветет. Через несколько минут мы выступаем. Во всяком случае, мы попробуем это сделать. Неизвестно, далеко ли мы уйдем, но торчать здесь – верная гибель.

Я собрал и сложил все, что мог. Эшли будет больно при любом сотрясении. Я бы предпочел ее не тормозить, но оставлять ее здесь нельзя. Не знаю, далеко ли ушел бы один, но уверен, что, вернувшись, нашел бы ее мертвой. Надежда долго поддерживает жизнь. Боюсь, что без меня надежда ее оставит. Чем дольше я буду рядом с ней, тем дольше она протянет.

Гровер обрел покой в хорошем месте. Оттуда он может любоваться восходом и закатом. Думаю, ему понравится. Я попытался произнести над его могилой подобающие слова. Он заслуживает лучшего, но ты лучше всех остальных знаешь, что я лишен дара красноречия. Я дал ему слово, что навещу его жену, если мы спасемся. Думаю, Бог не подкачает и причислит его к ангелам. Ангел из него получится что надо. Он любит летать и сможет оберегать свою жену. Ей понадобится его забота.

Большую часть ночи я провел, не отрывая взгляд от компаса. Знаю, тебе можно не напоминать, насколько важно правильно взять направление. Впереди много миль безлюдной глуши. До ближайшего городка миль шестьдесят, но это по прямой, а сколько наберется, если карабкаться на горы и спускаться вниз, да еще таща раненую? Вряд ли я это осилю.

Другое дело, если я увижу издали дымок или различу в темноте свет. Тогда я мог бы оставить Эшли и привести подмогу. Но всякий раз, начиная думать об этом, я вспоминаю, как мы с тобой смотрели «Английского пациента»^[14]. Ты очень переживала, тыкала пальцем в экран телевизора и твердила: «Не оставляй ее, не оставляй, иначе пожалеешь!» Ты оказалась права: за это заплатились оба. Прелюбоддеяние тоже, конечно, не пошло впрок. Но оставить девушку – это всегда чревато.

Пора двигаться. Солнце уже вошло. Впереди длинный день. Поговорим вечером. Надеюсь.

Глава 21

Я тронул Эшли за плечо. Она заскрипела зубами.

– Готовы?

Она кивнула и села.

– Кофе есть?

Я дал ей кружку с жидкостью, больше похожей на жидкий чай.

– Ничего не поделаешь, это все, что осталось.

– День уже плохой, а ведь мы еще не начинали.

– А вы думайте об этом так: каждый шаг, уводящий вас отсюда, приближает вас к капучино в «Старбаксе».

Она облизнула губы.

– Мне нравятся ваши дурацкие шутки.

Я присел рядом с ней. Мы проделали туалетную процедуру, потом я ее одел. Она застегнула молнию на своей куртке.

– Одобряю персональное обслуживание, но, признаться, жду не дождусь дня, когда смогу справляться сама.

Я опорожнил бутылку, служившую ей «уткой».

– Я тоже.

Она сложила руки.

– Знаете, не считите за наглость, но все было в порядке, пока я ограничивалась малой нуждой. Но это скоро изменится.

– Мы это уже проходили.

– Неужели?!

– Причем дважды: сначала когда я вправлял вам ногу, потом – когда вы лежали без чувств.

– Это многое объясняет... – смущенно пролепетала она.

– В смысле?

– У меня целую неделю не возникало позывов.

– Я уже объяснил почему.

– Предлагаю вернуться к моему первому вопросу.

– Не беспокойтесь, положитесь на меня. Что-нибудь придумаем.

– Вы уж меня извините, но понятно, по-моему, почему это не выходит из моей головы!

– Расскажу вам одну историю. Я учился на первом курсе медицинского факультета. Ну, и менял в больнице судна в ночную смену. Восемь месяцев подряд. Мне приходилось тяжело, я все время ныл. Но когда я не вытерпел и

пожаловался на это Рейчел, она ответила, что раз грязная работа не по мне, то мне лучше поискать другую профессию. Людям, мол, нужен врач, который не боится испачкать себе руки, который будет им сострадать и считаться с их достоинством. Эта отповедь легла в основу моего «врачебного такта». Я научился ставить на первое место нужды людей, а не свои желания и предпочтения, глядя на них с вершины башни из слоновой кости. Рейчел разрушила мою башню. Заставила меня спуститься в траншею, где не пахнет розами и где царит людское страдание. Можете беситься, мучиться от неудобства, даже краснеть, но деваться вам некуда. Лучшего варианта у вас нет, альтернативы тоже, поэтому вашим врачом останусь я. Остается повторить вам то же самое, что я услышал от своей жены, когда попытался возразить.

Она подняла брови, ожидая продолжения.

– Преодолейте себя.

– Мне нравится эта женщина. Очень нравится. – Она поджала губы и смерила меня взглядом, обдумывая свои следующие слова. – Вы завоевывали призы, грамоты? Типа «врач года» или что-то в этом роде?

– Что-то в этом роде, – буркнул я, склонив голову набок.

– Нет, серьезно, я в хороших руках?

– Вы у меня в руках. Лучшая ваша опора – чувство юмора. Это достоинство на вес золота.

– С чего это вдруг? Разве шутки приблизят мое спасение?

– Не исключено. – Я затыкнул на рюкзаке пряжку. – Как-то ночью – может, уже под утро – вертолет доставил к нам в приемный покой парня с пулей в шее. Вышел человек за мороженым для беременной жены – в плохой момент и не вовремя. В лавке, куда он направился, как раз совершалось ограбление, и у грабителей что-то пошло не так. Его доставили к нам прямо в домашних тапочках. Открыли дверцу, вывезли его из вертолета – а у него из сонной артерии хлещет кровь... – Я дотронулся до ее шеи. – Таким фонтанчиком... Он потерял много крови, но был еще в сознании, говорил. Я зажал дырку пальцем, и мы побежали в операционную. Мы опережали старуху с косой на пару минут, но она уже дышала нам в затылок. «У вас нет аллергии?» – спросил я его. Он дотронулся до своей шеи и ответил: «Есть, на пули». И я подумал: «Этот выживет».

Вокруг него страшный хаос, а он хватается меня за руку и продолжает: «Док, оперируйте меня как живого, а не как мертвого». Выпускает мою руку, потом вспоминает еще что-то. «Меня зовут Роджер, а вас?»

Он выжил. Через две недели его жена родила. Они нашли меня,

позвали к себе в палату и дали поддержать своего младенца. Они называли его в мою честь. – Я покосился на Эшли. – Если верить учебникам, то папаша должен был без вариантов сыграть в ящик. Он остался в живых вопреки всякой логике. По-моему, это как-то связано с чувством юмора на генетическом уровне, ну, и с сильным желанием увидеть своего отпрыска.

Я погладил ее по лицу. Она уже кривила рот в улыбке.

– Вы тоже этим наделены. Берегите свое чувство юмора.

Она схватила меня за руку и потянула к себе.

– Я задам вам еще один вопрос. – Это было произнесено со всей серьезностью. – Мне нужен честный ответ.

– Хорошо.

– Обещаете сказать правду?

– Обещаю.

– Мы сможем отсюда выбраться?

– Честно? – Она кивнула. – Понятия не имею.

Она откинула голову.

– Уф... Хоть так. Я думала, что услышу что-то в этом роде, но надеялась, что вы произнесете это другим тоном, который не предвещал бы вообще ничего хорошего. Про направление, в котором мы двинемся, я спрашивать не буду – уверена, вы его уже определили, правильно?

– Правильно.

– Seriously?

– Нет.

Она сузила глаза и постучала в грудь сначала себя, потом меня.

– Нам надо налаживать коммуникацию.

– Она и так налажена.

Она покачала головой.

– Я пытаю вас не для того, чтобы получать честные ответы. Мне нужно наглое вранье. Скажите мне, что нам надо протащиться всего милью, – и пусть впереди будет путь в сотню миль.

Я засмеялся.

– Знаете, если вы перестанете болтать, то мы можем трогаться. Тут, за бугром, нас ждет вертолет.

– Он доставил кофе из «Старбакса»?

– Не только. Еще апельсиновый сок, сэндвичи с яйцом и колбасой, кексы, малиновые плюшки, дюжину пончиков с глазурью.

Она похлопала меня по спине.

– Вы быстро учитесь.

В идеале надо было бы соорудить сани или что-то в этом роде, скользящее по снегу, чтобы Эшли не умерла от тряски. Но возникла проблема: сани хороши на плоской поверхности, которой, как мне подсказывало зрение, мы не должны были встретить в пути. Мне предстояло перемещаться под такими углами, что сани мне было не удержать. Если бы я сам потерял равновесие на слишком крутом склоне или если бы меня утащил вниз вес Эшли, то сани могли бы уехать так далеко, что я бы их больше не нашел... Куда это годится – пережить авиакатастрофу только для того, чтобы умереть на самодельных носилках?

Поэтому я сделал выбор в пользу гибрида саней и носилок. Нечто, на чем она могла бы разместиться спиной ко мне; мое приспособление должно было скользить позади меня на редких плоских участках, а при необходимости я мог бы вешать его у себя за спиной и нести, лучше контролируя ситуацию.

Начал я с оторванного крыла самолета. Поверхность его была пластмассовая, а не стальная, и на ощупь напоминала ткань, и, что еще важнее, она была гладкой. Внутри крыло было металлическим, а так как его оторвало от фюзеляжа, то горючее из баков вытекло. Плохо, что крыло было по краям закруглено. Мне пришлось вырезать в нем лунку размером с Эшли, а дно укрепить стойками от другого крыла.

Я сам удивился, до чего все оказалось просто.

Но встал следующий вопрос: выдержит ли материал покрытия волочение по камням, льду и прочим поверхностям на протяжении многих миль? Ни за что!

Отсюда следовал вывод: необходимо было укрепить днище. Это увеличивало трение, но иначе крыло быстро продырявилось бы. Где взять железный лист? Искал я недолго. Поддон мотора представлял собой листовой металл. Одна его сторона сильно пострадала от удара, зато другая, что называется, отделалась царапинами. Я был очень благодарен механику, который закрепил поддон легко откручиваемыми болтами. Я снял поддон, привязал его под крыло примерно в том месте, где предстояло сидеть Эшли, и залюбовался своим изделием. Оно могло сработать. То есть просто было обьязано!

Я набил рюкзак всем, без чего нельзя было обойтись, в том числе жареным мясом – увы, оно даже отдаленно не походило на филе миньон! – и привязал все это добро поперек крыла так, чтобы оно служило Эшли подпоркой для ног.

Я дал ей четыре таблетки адвила, напоил водой. Цедя воду, она слушала мои объяснения.

– Я не знаю точно, в какую сторону идти, зато уверен, что на северо-западе, позади нас, высокие горы, и мы с вами не горные бараны, чтобы по ним скакать. Вон там, – я показал рукой, – плато понижается в юго-западную сторону. Туда же стекают местные речки. Все просто: нам надо вниз, и, на наше счастье, это единственный путь туда. Я впереди, вы сзади. Я ни на минуту не выпущу вас из рук. На плоскости я буду тянуть вас с помощью ремня и лямок рюкзака. Вопросы?

Она жевала мясо, покачивая головой. Я осмотрел и закутал ее ногу, застегнул спальный мешок, натянул ей на уши шапку.

– Впервые ваша нога оказалась ниже сердца. За день она отекает. Лучшее средство от этого – лед на ночь. Вам будет... немного некомфортно. – Она согласно кивнула. – Но более всего будет прямо сейчас, когда вы будете покидать наше убежище.

Она стиснула зубы. Я подхватил ее под мышки и потянул к носилкам, передвигая на несколько дюймов за один раз. Спальный мешок легко скользил по снегу и льду, но когда возникло препятствие в виде камешка или корешка, получился рывок, и от боли в ноге она заорала во всю глотку и поспешно отвернулась. Ее вывернуло наизнанку: все, что она съела, включая таблетки, очутилось на снегу. Я вытер ее рот и потный лоб.

– Простите.

Она молча кивнула. Я слышал, как скрежещут ее зубы.

Я дотянул ее до крыла, поместил на него вместе со спальным мешком и вернулся за Наполеоном, устроившим мне радостную встречу. Я взял его и посадил рядом с ней. Эшли обняла собачонку, но глаз не открыла. Она была вся в испарине.

Я подложил ей под голову рюкзак Гровера, закрепил рядом с ней лук и удочки. Получился сильный перегруз, но я исходил из того, что лучше иметь, но не нуждаться, чем нуждаться, но не иметь, даже если это означало лишний вес. Правда, я не взял с собой оба наши ноутбука, мобильные телефоны, свои и ее рабочие бумаги, сочтя все это бесполезным грузом.

Напоследок я еще раз обшарил нашу стоянку и соорудил веревочную связку между собой и Эшли. Если все остальное улетит в пропасть, она останется привязанной ко мне. Правда, в случае падения вниз я увлеку ее за собой...

Я прощался взглядом с нашим пристанищем, с могилой Гровера на скале, с выцветшим следом крови раненой пумы среди камней. Потом посмотрел вниз, туда, куда мы держали путь. Определил направление по компасу – знал, что по мере спуска, в зарослях, обзор будет становиться все

хуже. Наконец застегнул куртку, впрягся в свое изделие, сделал шаг, другой, третий... Футов через двадцать я спросил:

– Вы в порядке?

Через секунду она ответила «да». То, что ответ не сопровождался дробью зубов, сказал мне больше, чем содержание самого слова.

Я не знал, сколько миль нам надо преодолеть, десять или сто, но первые двадцать футов были так же важны, как все предстоявшее расстояние.

Ну, почти так же.

Глава 22

Первый час мы больше помалкивали. Снегу было почти все время по колено, местами и больше. Пару раз я проваливался по грудь и долго выбирался. Эшли это не тревожило, а меня лишало сил. Мое продвижение глубокий снег затруднял в два-три раза, зато ее он избавлял от толчков. Я сосредоточился на дыхании, на том, как я тяну свою поклажу, и не торопился. Боль в боку усилилась.

Мы ползли вниз с нашего плато, к речке, в которой я ловил форель. По пути нам встретились хвойные заросли. Ветви облепило мерзлым снегом. Заденешь такую – и получишь тяжелый заряд снега в спину.

Где-то через час, когда позади осталась примерно миля, она сказала:

– Простите, док, но мы еле тащимся. Не хотите поднажать?

Я рухнул в снег рядом с ней, тяжело дыша. Моя грудь судорожно вздымалась и опадала в разреженном воздухе, ноги отваливались. Посмотрев на меня, она хлопнула меня по лбу.

– Дать вам бодрящего напитка?

– Сделайте одолжение!

– Знаете, о чем я думаю?

– Лучше не знать, – ответил я, чувствуя, как по спине у меня бегут струйки пота.

– О том, что сейчас в самый раз пришелся бы чизбургер. – Я кивнул. – Двойной. С двойным сыром.

– Ясное дело.

– С помидорами. Только чтоб вкусные! С лучком. Ну, и кетчуп, горчица, майонез.

Сверху падали белые ватные хлопья. Очередной авиалайнер чертил в небе полосу на высоте 30 тысяч футов.

– Пусть бы добавили огурчиков.

– И две порции картошки, – подхватил я.

– Я бы, кажется, слопала сейчас дважды по столько.

Я показал на небо.

– Это жестоко: мы видим их как на ладони, а они нас нет.

– Почему бы не развести большой костер?

– Думаете, это поможет?

– Вряд ли. Но нам стало бы легче. – Потом она перевела взгляд в ту сторону, куда мы тащились. – Ладно, впрягайтесь. – Она постучала по

крылу. – Эта штукавина сама по себе не ездит. Что-то я не вижу места для батареек.

– Вот и я час назад это понял. – Я поднялся и немного прошел вперед. – Сделаете мне одолжение?

– Лучше не рискуйте.

Я дал ей чистую бутылку.

– Нам нужно много питья. В пути набейте бутылку снегом и засуньте к себе в мешок, чтобы растопить снег своим теплом. К чему нам есть холодный снег? Не возражаете?

Она взяла бутылку, открыла крышку.

– Можно задать вам вопрос?

Было градусов двадцать мороза, но у меня тем не менее взмок от пота лоб. Я стянул с себя куртку, чтобы она не промокла, и потащил «сани» раздетым. Все равно я обливался потом. На ходу это было не опасно, но плохо при остановках, потому что не было возможности обсохнуть и согреться. Приходилось сразу раскладывать костер и сушиться, и только после этого помогать Эшли.

– Валяйте.

– Что это была за голосовая почта?

– Какая голосовая почта?

– Которую вы слушали при взлете.

Я откусил от нижней губы засохшую корочку.

– Мы разошлись во мнениях.

– О чем?

– Разошлись, и все.

– Не хотите говорить? – Я пожал плечами. Она усмехнулась. – Она права?

Я, не глядя, кивнул.

– Да.

– Это радует.

– Не понял.

– Когда мужчина признает, что его жена права в чем-то важном.

– Я не всегда был таким.

– Пока вы разглагольствовали, у меня созрел новый вопрос. Вы говорили что-нибудь обо мне в свой диктофон?

– Только в медицинском смысле.

Она протянула руку.

– Дайте его сюда.

Я улыбнулся и отказался.

– Значит, говорили. – Она приподняла одну бровь.

– То, что я записываю на диктофон, не имеет к вам никакого отношения.

– Значит, сознаетесь? Говорили обо мне?

– Как врач, ставящий диагноз пациенту.

– Никаких личных суждений? Никакого шепота у меня за спиной?

Существовал единственный способ ее убедить. Я отмотал запись назад, нажал «воспроизведение», максимально увеличил громкость и сунул ей диктофон. В морозном воздухе зазвучала моя последняя запись для Рейчел. Эшли навострила уши.

Когда запись закончилась, она аккуратно взяла диктофон двумя пальцами и отдала мне.

– Вы не солгали.

Я засунул диктофон в карман, поближе к сердцу.

Она долго смотрела на меня, борясь с желанием задать вертевшийся на кончике языка вопрос. Я знал, что рано или поздно он прозвучит. В конце концов она не вытерпела.

– Почему всякий раз, когда я вспоминаю про диктофон, вы будто воды в рот набираете? – Бровь привычно взлетает на лоб. – Вы чего-то недоговариваете?

Я сделал глубокий вдох, но воздуха все равно не хватило.

– Молчание не засчитывается за ответ.

Новый вдох.

– Мы с Рейчел... расстались.

– Что вы сделали?

– Поссорились. Получилась крупная ссора, и теперь мы заняты решением... пары вопросов. Диктофон – полезное подспорье.

Она с сомнением посмотрела на меня.

– По ее голосу не скажешь, что она хочет расстаться.

– Вы о чем?

– О голосовой почте.

– Все непросто...

– Мы тонем в снегу уже одиннадцать дней, вы вправляете мне ногу, зашиваете мне голову, даже вытираете мне задницу – и только сейчас изволите признаться, что расстались с женой?

– Я действовал как ваш врач.

– Как насчет остальных девяносто девяти процентов времени, когда вы действовали как мой друг?

– Я не думал, что это так важно.

Она протянула руку.

– Давайте сюда.

– Что?

Она подставила ладонь.

– Кладите.

– Хотите сломать, выбросить, сделать так, чтобы он перестал работать?

– Нет.

– Вы вернете его мне?

– Верну.

– В рабочем состоянии?

– В рабочем.

Я отдал ей диктофон. Она покрутила его в руках и включила запись.

– Рейчел, это Эшли Нокс. Я – та идиотка, которая согласилась сесть с ним в самолет. У вашего мужа масса чудесных качеств, и врач он что надо, но когда речь заходит о вас, он становится ужасно скрытным. Ох уж эти мужчины с их стоическим нежеланием выставлять напоказ свои чувства! – Она покачала головой. – Почему не взять и не сказать обо всем прямо? Тоже мне, ядерная физика! Долго нам ждать, пока они справятся с собой, откроют рот и облегчат душу? В общем, мне не терпится с вами встретиться – если, конечно, он меня отсюда вытащит. А пока я продолжу его обрабатывать. По-моему, вы хорошо придумали с диктофоном. Пожалуй, подарю такой Винсу, когда вернусь домой. Но... – Она улыбнулась мне. – Не хочется вас огорчать, но Бену, похоже, хоть кол на голове теши. Таких косноязычных типов, как он, я еще не встречала.

Она уже была готова выключить диктофон, но спохватилась и продолжила:

– Хотя это, конечно, простительно, когда мужчина честен, да еще умеет варить кофе.

Я убрал диктофон в карман и встал. У меня затекло все тело. Мороз сковал мокрую одежду, и я чувствовал себя как рыцарь в ледяных доспехах. Мы слишком засиделись.

Она подняла на меня глаза.

– Простите, что подвергла сомнению ваши слова. Если хотите, можете стереть то, что я наболтала.

Я покачал головой.

– Нет. Я уже все рассказал ей про вас, так что... Ваш голос будет очень кстати. – Я подошел к своим «саням», впрягся и начал тянуть.

– Где она теперь живет?

– Там же, на пляже.
– Далеко?
– В двух милях. Я построил ей дом.
– Вы разошлись с ней, но строите ей дом?
– Не совсем так. Дети...
– Так у вас есть дети?
– Двое.
– У вас двое детей, и вы только теперь в этом признаетесь? – Я пожал плечами. – Сколько им лет?
– Четыре. Они близнецы.
– Как их зовут?
– Майкл и Ханна.
– Хорошие имена.
– Хорошие дети.
– Догадываюсь, что вы с ними света белого не видите.
– Я не... Я нечасто их вижу.
Она нахмурилась.
– Ну и натворили вы дел! – Я не ответил. – По моим наблюдениям, виноват обычно мужчина. Весь ваш мозг располагается ниже пояса.
– Вы заблуждаетесь.
Опять я ее не убедил.
– Она с кем-то встречается?
– Нет.
– Совсем заморочили мне голову... Тогда почему вы расстались?
Мне хотелось прекратить этот разговор.
– Так и будете изображать немого? – Я упорно не отвечал, и она переменила тон. – Что, если...
Я ничего другого не ждал.
– Не понял?
– Что, если мы не выберемся? Что тогда?
– Вы хотите спросить, какой во всем этом толк? – Себя самого я спрашивал, зачем я вообще участвую в этом разговоре.
– Примерно...
Я обернулся и подошел к Эшли. Снегу было почти по пояс. Небо из голубого стало серым и мглистым, тяжелые тучи грозили новым снегопадом.
Я положил руку себе на грудь.
– Я прооперировал тысячи людей. Многие были в тяжелом состоянии, гораздо хуже нашего. И ни разу у меня не возникало мысли: они не

выкарабкаются, ничего не поможет. Врачи по определению – одни из величайших оптимистов на свете. Нам иначе нельзя. Можете себе представить врача-пессимиста? Вот вы спрашиваете: «Доктор, вы думаете, я поправлюсь?» Что было бы, если я в ответ сказал: «Вряд ли»? Я недолго протянул бы в медицине, никто не стал бы обращаться ко мне за помощью.

Даже в самых безвыходных ситуациях нам приходится искать выход. Каждый день мы играем в шахматы. Наш противник – зло. Чаще всего мы выигрываем. Хотя бывает, что и нет. – Я сделал широкий жест. – И все это ради одного слова. – Я дотронулся до диктофона. – Надежда! Она теплится в нас. Она – наше горячее.

Я отвернулся. По щеке сползла одинокая слеза.

– Я проиграю это для Рейчел, – сказал я тихо. – Чтобы прозвучал ваш голос.

Эшли кивнула, закрыла глаза и откинула голову. Я вернулся к «саням» и потащил ее дальше.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – раздалось сзади.

– Я знаю.

Погода здесь непрерывно меняется. Внезапно могут собратся тучи и разразиться снегом или ледяным дождем. Днем можно замерзнуть, но с наступлением темноты обнаружить, что у тебя обожжено лицо и губы. Лицо горит от ветра, все ноги в волдырях.

При наличии воды человек в принципе может обходиться без еды три недели. Но здесь, на высоте, мы сжигаем вдвое больше калорий, просто дыша и дрожа. Я уж не говорю об усилии, затрачиваемом на то, чтобы волочить тяжелые сани по снегу глубиной в 4 фута... Это суровый и безжалостный край, прекрасный, но непреклонный. То обжигающий холод, то палящее солнце, то опять мороз.

Прошло пять минут – и опустились тучи, горы затянуло туманом. Вскоре началась метель. Ветер хлестал мне колючим снегом в лицо, мешал двигаться. В такую вьюгу нам грозила гибель. Спрятаться было негде. Вглядываясь в белое марево, я принял тяжелое решение – возвращаться назад.

Обратный путь был уныл. Терпеть не могу отдавать выигрыш, но лучше сдаться и остаться в живых, чем упереться – и умереть. Через четыре часа мы приползли к остаткам самолета. Я еле держался на ногах. Первым делом я позаботился об Эшли. Ее лицо было перекошено от боли. Она не произносила ни слова. Я заставлял себя бодрствовать до тех пор, пока она не провалилась в сон.

Через четыре часа я очнулся, весь дрожа. Я так и остался в промокшей одежде – роковая ошибка. Спальный мешок предназначен для удерживания температуры внутри – неважно, высокой или низкой. Я замерз и вымок, то и другое ухудшает изолирующую способность мешка; иначе это называется «уровнем теплосопrotивления». Я разделся, повесил одежду на стойку крыла, развел огонь и снова залез в мешок. На то, чтобы согреться, у меня ушел почти час. Это означало, что я не сплю, а трачу энергию, которой у меня и так было в обрез. Надо же было так сглупить! Ошибки вроде этой могут оказаться смертельными.

Глава 23

На Эшли случившееся накануне не произвело сильного впечатления.

– Какие приключения намечены на сегодня?

Услышав вопрос, я не сразу вспомнил, где нахожусь. Я был как с похмелья, потерял ориентацию.

– Что такое?..

– Вы собираетесь дрыхнуть весь день? Я не хотела вас будить, зная, что вы устали, но мне надо в туалет, а это совсем не простое дело...

Я рывком сел.

– Простите. Надо было меня растолкать.

– Вы так крепко спали, что я попыталась обойтись без вашей помощи, но не хватило рук, да и мочить мешок не захотелось...

Я, кивая, протер глаза.

– Все правильно.

– Какое сегодня число?

Я посмотрел на часы и ничего не увидел. Нажал кнопку подсветки – тот же результат. Нажал еще раз, сильнее. Опять ничего. Я потряс часы, поднес к свету.

По всему стеклу разбежалась сетка глубоких трещин, под ним собрался конденсат.

– Не знаю.

– Вы сильно огорчены? – спросила она, указывая на часы.

– Их подарила мне Рейчел. Много лет назад.

– Простите. – Минуту она молчала, потом тихо спросила: – Сколько дней мы здесь?

Наполеон тем временем принялся лизать мне ухо.

– Кажется, двенадцать.

Она кивнула, мысленно производя подсчет.

– Флоренция... Думаю, сейчас мы были бы во Флоренции. Мы заказали номер для новобрачных в отеле на реке Арно, напротив моста Понте Веккьо. В рекламном проспекте написано, что из его окон видны огни площади Дуомо... Мне всегда хотелось это увидеть.

Я сел и ощутил колючий холод. Совсем забыл, что среди ночи разделся. Она уставилась на фиолетовый кровоподтек у меня на боку.

– Как вы себя чувствуете?

– Терпимо.

Теперь ее внимание привлек ключ на цепочке, которую я носил на запястье.

– Зачем это вам здесь? Что здесь отпирать?

– Какая вы любопытная!

– Я думала, вы избавляетесь от лишнего веса... – Она пожала плечами. – От чего этот ключ?

– От дома Рейчел.

– От дома, который вы ей построили, а сами в нем не живете, и где живут дети, с которыми вы редко видитесь?

– Мои де... Сегодня нам лучше заняться собой.

– Я делюсь своим впечатлением.

Я натянул рубаху и стал натягивать на себя остальные вещи, холодные и сырые. При этом я мог оглядеть себя. То еще зрелище!

– Вы исхудали.

– Дает о себе знать диета для похудения, на которую я сел после авиакатастрофы.

Она расхохоталась. Ее смех оказался заразительным. Неплохое начало дня!

Я осмотрел ногу Эшли, помог ей с гигиеническими процедурами и начал растапливать в горелке снег. Я не знал, сколько в ней осталось горючего. У бачка не было шкалы, но горелка задумывалась как переносной предмет, поэтому запас не мог быть бесконечным. Я потряс горелку, и плеск остатков горючего меня не порадовал. На уровне моря вода в горелке закипала за минуту пятнадцать секунд. Здесь на это уходило втрое-вчетверо больше времени и, соответственно, гораздо больше горючего. Газ в зажигалке Гровера почти испарился. «Зиппо» – крутая марка, напоминающая о Джеймсе Дине и о Брюсе Уиллисе в «Крепком орешке»^[15], но эти зажигалки приходится заправлять чуть ли не каждую неделю. Это, конечно, небольшой резерв сжиженного газа, но и он не вечен. У меня были с собой спички, но все закончились. Как добывать огонь? Разве что трением... Надо будет поискать подходящие сучки.

Настал полдень. При низкой облачности и упавшей температуре на снегу образовался наст, способный удержать вес человека. В своих снегоступах я бы реже проваливался и тратил меньше энергии. Теоретически это ускорило бы наше движение.

Я обулся, прицепил снегоступы, натянул куртку. Один рукав порвался на локте, из дыры торчали перышки. Мои руки были в плачевном состоянии. Пришлось оторвать лоскуты от джинсовой куртки Гровера и обмотать себе ладони.

Мы все собрали накануне и теперь подготовились к походу довольно быстро. Я загрузил «сани», заставил Эшли сжевать несколько кусков мяса и выпить воды, а затем потянул ее в мешке к выходу, помня об опасной кочке по пути. Температура снаружи упала еще ниже. Оглядев наши «сани» и вспомнив вчерашние события, я понял, что мне нужна сбруя, которая освобождала бы мне руки и позволяла тянуть, используя усилие ног и груди, но так, чтобы в случае падения я остался бы в связке с санями. Я вернулся в берлогу и при помощи инструмента Гровера отрезал от его кресла ремни. Надев их крест-накрест себе на грудь и прикрепив к саням, я получил возможность тянуть свою поклажу со свободными руками. Легко отстегиваемая пряжка позволяла быстро освободиться от этой сбруи в случае, если я поскользнусь и возникнет опасность утянуть Эшли за собой в пропасть.

Она, с сомнением наклонив голову, наблюдала за моей возней. Ее рот был набит мясом, и она никак не решалась его проглотить. Я снял куртку, взял со снега Наполеона и засунул то и другое к ней в спальный мешок. Если бы я остался в куртке, то, потянув сани, опять в считанные минуты взмок бы и превратил в ничто свой уровень теплосопротивления. Теперь Эшли согреет и сохранит сухой мою куртку, чтобы на остановке я смог ее надеть и не замерзнуть. Это было важнейшее решение. Я впрягся уже по-настоящему и начал тянуть.

За час мы преодолели метров пятьсот и спустились метров на сто. Через каждые три шага я несколько секунд отдыхал. Продвижение было до обидного медленным, но все же это был прогресс.

Эшли по-прежнему скептически относилась к этой затее.

– Нет, серьезно... – Она отхлебнула воды. – На сколько, думаете, вас хватит?

Хорошая новость состояла в том, что она весь день ела и пила в медленном ритме, помогавшем пищеварению.

– Понятия не имею, – пропыхтел я, косясь на нее.

– Это невозможно. У вас не получится. – Она показала куском мяса на небо. – Посмотрите вокруг. Мы в центре УНМ.

– УНМ?

– Удаленное неизвестное место. У черта на куличиках.

Я остановился с мокрым от пота лицом, тяжело дыша.

– Эшли? – Она не ответила. – Эшли!

Она с вызовом сложила руки на груди.

– Мы не можем оставаться на высокогорье. Здесь нам грозит смерть. И бросить вас я не могу. Без меня мы умрете. Вот мы и стараемся спастись.

Она больше не сдерживала свое отчаяние.

– Двенадцать дней! – крикнула она. – Двенадцать чертовых дней – и ни единой души! На сколько мы отползли? Не больше чем на милю. В таком темпе мы не спустимся вниз до самого Рождества.

– Они не знают, где искать.

– Так какой у вас план? Как вы видите наше спасение?

За нее говорил страх, а не логика. Разговором ее было не пронять.

– Шаг за шагом.

– Сколько вы, по-вашему, продержитесь?

– Сколько потребуется.

– А если нет?

– Я смогу.

– Откуда вы знаете?

– Разве у меня есть выбор?

Она закрыла глаза, прижала к себе Наполеона и уставилась в небо. Я достал компас, определил угол в 125 градусов, принял за ориентир скальную гряду в отдалении и снова двинулся вперед, осторожно переставляя ноги. Выпавший вечером снег полностью засыпал наши вчерашние следы. Ничто не указывало на то, что мы уже покидали место катастрофы.

Мы провели в молчании несколько часов.

Я двигался вниз среди зарослей. Снег был тяжелый, вокруг громоздились сугробы. Под нами было 10–14 футов снега, а значит, ветви деревьев, от которых мне приходилось увертываться, летом находились бы высоко у нас над головой. Еловые ветви принимают на себя много снега, хотя без сопротивления расстанутся с ним при малейшем прикосновении и норовят превратить тебя в сугроб. Я то и дело стряхивал снег с шеи и с плеч. Я не спешил, экономил дыхание и силы, предоставляя себе отдых перед каждым следующим шагом. Если мне становилось жарко, я еще больше замедлялся и старался отдышаться. В результате мы двигались со скоростью улитки. Почти за шесть часов я вряд ли преодолел расстояние чуть больше одной мили.

Когда начало темнеть, я остановился.

Я был весь мокрый, хоть выжимай, и совершенно выдохся, но знал, что если немедленно не начну готовиться к добыванию огня трением, то горько об этом пожалею. Эшли я устроил под елью, спиной к скале. На землю под широкими еловыми лапами почти не нападало снега, и она была покрыта толстым слоем сухих иголок. Недавно здесь грызла шишку белка. Я снял потную рубашку, повесил ее на ветку, собрал несколько пригоршней

иголок и сучков и развел рядом с Эшли небольшой костер. Насчет горелки я не ошибся. Когда я попробовал ее зажечь, она ответила икающим звуком. Горючего в ней оставалось от силы на один день. Я собрал еще хвороста, сложил его горкой рядом с Эшли и сказал:

– Следите за огнем, не давайте ему гаснуть. Я не уйду далеко, если что, можете меня окликнуть.

– Что вы будете делать?

– Лук.

Она посмотрела на лук Гровера, привязанный к ее саням.

– Я думала, лук у нас есть.

– Мне нужен не такой.

Я бродил вокруг. Мне нужны были две палки. Одна, длиной фута в три, должна была быть слегка изогнутой. К ней я собирался привязать шнурок или веревку. Из второй палки я должен был вырезать шпенек размером с ручку молотка или немного покороче. На поиски того и другого у меня ушло полчаса.

Я лазил под деревьями, оглохший от хруста снега под снегоступами. Ходьба превращалась в мучение. Отойдя на некоторое расстояние, я затаил дыхание. Правильнее сказать, я позволил себе исподтишка подглядывать за Эшли. Она сидела, подкладывая в костер щепочки. Огонь озарял ее лицо. Даже теперь она была красива, отрицать это было невозможно.

Я ни на мгновение не забывал о сложности нашего положения. Мне предстояло совершить невозможное. Но раньше я не смотрел на происходящее ее глазами. Ее спальник. То, как она поддерживает огонь и гладит Наполеона. Она зависела от меня буквально во всем: в еде, в движении, в воде, в отпращивании естественных потребностей. Сама, без меня, она могла только спать. Если бы я попал на целых двенадцать дней в такую зависимость от другого человека, то вел бы себя куда более несносным образом.

Врачи привыкли докапываться до сути проблем, обрушиваться на них сверху, наподобие Зевса, приводить все в порядок и устраняться до наступления последствий. Вся грязная работа взваливается на медсестер и санитаров. Эшли требовался врач и «врач». Быть одним из них было легко, вторым – трудно, и я не знал, как этому помочь. Я знал только, что хочу этого.

Я вернулся к костру, залез в свой спальник, сжевал немного мяса, заставил себя выпить воды. Горелка уже выходила из строя, но я все еще мог воспользоваться ее верхней частью, подобием кофейной чашки. Все-таки это был алюминий, выдерживавший нагревание. Я положил туда снега

и поставил на угли.

Следующий час мы посвятили еде. За едой я возился со своим новым луком. Хороня Гровера, я вытащил из его ботинок шнурки и спрятал их в карман. Теперь они должны были пригодиться. Я взял один из них, завязал на одном краю узелок, продел его в прорезь на одном конце лука, туго натянул и продел в прорезь на другом конце, закрепил, намотав несколько петель и завязав узел – не слишком туго, чтобы при вкручивании шпенька сохранилось достаточное натяжение шнура для его вращения. При правильном расчете для появления огня бывает достаточно нескольких натяжений лука. Я сделал шпенок длиной в десять дюймов, заострил его с обоих концов – с одного конца пошире для усиления трения – и посередине пропилил бороздку для шнура.

Закончив, я отложил свое изделие, допил воду и впервые за долгое время поднял глаза.

Эшли смотрела на меня в упор.

– При желании вы можете быть напряженным, – сказала она.

– У меня ощущение, что завтра нам это пригодится.

Она скрестила руки.

– Мне нужна подсказка. Что вы думаете? Где мы находимся? И так далее.

– Кажется, мы ушли от места катастрофы где-то на милю. Завтра утром я заберусь вот на тот отрог и погляжу, что там, на другом плато в той стороне. Мы продолжим двигаться в том же направлении, пока будет получаться. Мяса нам хватит еще на несколько дней. Наше спасение – в движении. Я помогу вам избежать обезвоживания. Ешьте сколько хотите и предупреждайте, когда я начну вас раздражать. – Я пожал плечами. – Я прошу за это прощения задним числом и на будущее. Например, сегодня я обошелся с вами грубовато.

Она глубоко вздохнула.

– А вы не сердитесь на меня за грубость сегодня утром.

Я покачал головой.

– Вам не позавидуешь: вы почти ничего не можете делать без моей помощи. Тут бы и ангел вышел из себя.

Я подложил в костер хвороста, подполз поближе, чтобы быть в тепле, но не загореться, и закрыл глаза. Мне ничего не стоило уснуть, но, подумав об Эшли, я через силу открыл глаза. Она пристально смотрела на меня.

– Вам что-нибудь нужно?

Она покачала головой и попробовала улыбнуться.

– Вы уверены?

– Нет.

Через несколько секунд она уснула.

Глава 24

Трудно было проснуться, зная, что наступил тринадцатый день нашей эпопеи. Я все-таки стряхнул с себя сон и оделся еще до рассвета. Костер прогорел, но осталось несколько углей. Я подложил хвороста и за несколько минут раздул огонь. Подбросив еще веток, я погладил Наполеона и стал подниматься в гору, чтобы осмотреть окрестности.

Я не спешил и постарался рассмотреть каждый скальный зубчик, каждую складку гор. Похоже ли хоть что-нибудь вдали на дело человеческих рук?

Ответ получился категорически отрицательным. Все казалось девственным. Истинный рай любителя природы! Я тоже любил природу, но не до такой же степени, чтобы сгинуть по ее милости!

Я достал компас, подождал, пока стрелка остановится, и посмотрел вверх нее на дальние горы. Чтобы их достигнуть, мы должны были двигаться целый день, а то и два, по лесу, по глубоким снегам. Это само по себе непросто, а главное, в пути ничего не стоит потерять направление. Без компаса нечего и думать о подобной затее. В чаще я расстался бы с чувством перспективы и направления и с самой жизнью.

Взятый азимут должен был провести нас по ущелью и позволить спуститься вниз. Глядя на горы, я вспомнил, что можно сохранять шансы на выживание, лишившись почти всего. Но только не компаса. Я привязал к нему нейлоновый шнурок и повесил себе на шею.

Когда я вернулся, Эшли сидела и смотрела на огонь. Прежде чем я успел сказать «доброе утро», она спросила, переводя на меня взгляд:

– Откуда вы узнали, что хотите жениться на своей жене? Как вы догадались?

– Доброе утро.

– И вам. Главное, дайте мне знать, когда оно будет добрым.

– Как я погляжу, вам полегчало.

Я присел рядом с Эшли, расстегнул молнию, отогнул край спального мешка и осмотрел ее ногу. С виду она осталась прежней – уже неплохая новость. Плохая состояла в отсутствии улучшения.

– Сегодня в обеденное время мы опять приложим лед, хорошо?

– Как скажете, док.

Я начал складывать свой спальный мешок.

– Мне хотелось проводить с ней все время, каждую секунду. Смеяться

вместе с ней, плакать, стареть, держать ее за руку, прикасаться к ее коленям под столом за завтраком. Мы встречались уже два года, поэтому мне хотелось секса. И побольше.

Она засмеялась.

– По этой части вы сохраняли активность, пока не разошлись?

– Главный секрет брака – это что любовь только укрепляется. Ты избавляешься – по крайней мере, так было со мной, – от необходимости что-то доказывать. Мы, мужчины, учимся, как это должно быть, из фильмов. А на самом деле все происходит почти или совсем не так. Дело не в том, чтобы брать, а в том, чтобы делиться. В кино не очень-то получается это показать. На экране видишь только жар и пот. Тоже важно, кто же спорит; но то, что все сводится к этому, – миф.

Конечно, у многих костер тухнет, но существует много пар, проживших в браке тридцать, сорок лет и знающих о супружеской любви гораздо больше, чем мы догадываемся. Мы думаем, что молоды и обладаем монополией на страсть. – Я покачал головой. – Не уверен... Некоторые могут посрамить доктора Филадельфии. Например, Гровер.

– Как насчет ситуации, когда один хочет, а другой нет?

Я хмыкнул.

– Рейчел называла это «любовью из жалости». В девяносто девяти процентах случаев она жалела меня, а не наоборот.

– Любовь из жалости?

– Типа «что-то мне не спится, не поможешь?».

– До расставания она вам помогала?

– Иногда. Не всегда.

– Что вы делали в таких случаях?

– Глотал снотворное.

– Кажется, я лезу не в свое дело.

– Так и есть.

– Каково это – разойтись?

Я глубоко вздохнул.

– Ничего хорошего.

– Давно вы врозь?

– Достаточно долго, чтобы стать постоянным покупателем тайленола. – Я прикреплял наши вещи к саням. – Послушайте, я должен вас поставить. Напирать на сломанную ногу вам нельзя, поэтому не торопитесь. Вам нужно учиться становиться на здоровую ногу, чтобы восстановить кровообращение.

Она протянула руки. Я расстегнул ее спальный мешок, она зацепилась

за меня здоровой ногой, и я медленно поднял ее. Она зашаталась, уткнулась головой мне в плечо, но потом выпрямилась.

– Приятное ощущение... Чувствуешь себя почти человеком.

– Как больная нога?

– Слабая. Боль не острая, а тупая, пока не напрягаешь мышцы в месте перелома.

Я поправил завязки на ее шине. Она уперлась руками мне в плечи, поддерживая равновесие. Я удержал ее за бедра.

– Потерпите несколько минут. Для вашего сердца полезно изменение артериального давления. При нагрузке оно вынуждено активнее разгонять по телу кровь.

Она смотрела на верхушки деревьев и улыбалась.

– Ноги замерзли!

– Нечего разгуливать в носках и в нижнем белье!

– Когда мы были школьницами, мы так танцевали с тем, с кем «ходили».

– Давненько я не слышал термина «ходить с кем-то».

– Если все было серьезно, я клала руки ему на плечи, он брал меня за бедра и даже обнимал, если взрослые смотрели в другую сторону. Грубияны тискали девчонок, хватали их за попу, засовывали руки в задние карманы их джинсов. Отец не позволял мне с такими встречаться.

– Молодец!

– Винс терпеть не может танцевать.

– Я тоже небольшой любитель этого дела.

– Почему?

– У меня нет чувства ритма.

– Ладно, хватит с меня. Опустите.

Я положил ее в спальный мешок и застегнул молнию.

– Ну-ка, – сказала она. – Покажите, на что вы способны.

– Хотите, чтобы я вам сплясал? – Она кивнула. – Вы с ума сошли?

Она покрутила указательным пальцем у земли.

– Валяйте! Я жду.

– Вы не понимаете: я неуклюж, как оловянный солдатик. Мне недоступен даже «танец белого человека».

– Это что еще за невидаль?

– Это когда черные насмеются над белыми, которые совсем не умеют танцевать. Проблема в том, что передразнивать людей без чувства ритма нельзя, когда у тебя самого его нет. У меня его нет.

– Я жду! – сурово повторила она.

– Когда я просил у отца денег на уик-энд, он привычно отвечал, даже не оборачиваясь ко мне: «Держи карман шире!» Надеюсь, я вас не обидел.

– Ну и отношения у вас были!

– Да уж...

– Так я не поняла, вы будете танцевать или нет?

Я постарался скопировать Джона Траволту, танцующего под хит «Би Джиз» «Staying Alive»^[16], потом повилял бедрами, изобразил поломойку, пекаря, жонглирующего пиццей, исполнил парочку па из танцевальной композиции «Виллидж Пипл» «YMSA»^[17], притворился Майклом Джексон с его «лунной походкой» и шляпой набекрень. Она чуть из спального мешка не вывалилась от хохота и надолго лишилась дара речи.

– Довольно, прекратите! – Она замахала руками. – Так и описаться недолго!

Смех оказался полезной штукой. Как я ни тосковал по сотовому телефону, по вертолету, который положил бы конец нашей снежной эпопее, и по операционной, где можно было бы починить ей ногу, смех и в самом деле оказал целебное воздействие. Наполеон смотрел на нас, как на психов. Особенно его разочаровал я.

Эшли бессильно откинулась, икая от хохота. Я застегнул на куртке молнию.

– Рейчел настояла, чтобы мы брали уроки.

– Какие уроки?

– Всяческого свинга, танго, венского вальса, джиттербага, фокстрота, даже группового танца.

– И вы все это умеете?

Я кивнул.

– Рейчел говорила, что из-за бега у меня напряженные мышцы-сгибатели, отсюда проблемы с ритмом. Пришлось заняться танцами. Это продлилось целый год. Никогда мы так не веселились!

– Значит, на самом деле вы умеете танцевать?

– С ней.

– Если мне повезет, то на свадьбе я заставлю Винса станцевать со мной хотя бы разок.

– Выяснилось, что мне нравится танцевать с женой. Для этого мне пришлось освоить азы, научиться вести партнершу... – Я усмехнулся. – Когда она не сопротивлялась, получалось неплохо. Я даже забывал про смущение, уже не волновался, и эти занятия мне даже нравились. Конечно, после этого она на каждой вечеринке, где мы бывали вместе, хотела со

мной танцевать.

– Вы не сопротивлялись?

– Нет. Я называл это «танцы из жалости». В 99 процентов случаев я жалел ее. Супруги должны друг другу уступать.

– Когда мы отсюда выберемся, вы обязательно должны потолковать с Винсом.

– Попробую. – Я отдал ей свою куртку, которую она запихала в мешок, и впрягся в сбрую. – Вперед, мы зря палим дневной свет!

– Где-то я это уже слышала... – Она прищелкнула пальцами. – Откуда это?

– Джон Уэйн, «Ковбои»^[18].

Она закуталась в спальный мешок.

– С каждым днем с вами становится все интереснее!

– Поверьте, я уже вытащил из своей шляпы почти всех кроликов.

– Сомневаюсь.

Я нацепил снегоступы и потянул сани по насту. Стоило мне сделать пару шагов, как она меня окликнула.

– Можно мне еще разок посмотреть, как вы танцуете?

Пришлось опять повихлять бедрами, вымыть пол, подбросить пиццу и несколько раз проартикулировать «ҮМСА». Она зашлась от смеха, дрыгая здоровой ногой.

После этого мы опять потащились по зарослям, вдыхая запах хвои. В горах раздавался ее хохот.

Глава 25

К середине дня, после полутора миль пути, я совершенно обессилел. Замерзла левая нога – плохой признак; последние полмили мы поднимались, и поводья впивались мне в плечи, отчего немели пальцы. Хорошо хоть, что мне пока что не предстояло оперировать пациентов.

Мы устроили часовой привал у ручья с обледенелыми, занесенными снегом берегами. Я затащил Эшли под дерево, стянул с себя и повесил на ветку для просушки рубаху. Лучше ей было задеревенеть от мороза, потому что при такой температуре проще скалывать лед, чем выжимать пот.

Под огромными еловыми ветвями почти не было снега. У того, кто там сидел, создавалось впечатление, что он залез в большой таз. Устроив Эшли, я отогнул ветку, чтобы было больше света, потом залез в свой спальный мешок, согрелся и на часок прикорнул. Проснувшись, оделся, пожевал мяса и снова вернулся к роли тягловой скотины. Вытаскивая Эшли из «таза» под елью, я начерпал в обувь снега и потопал ногами. Ноги оказались мокрыми. Влага означала холод, а холод был опасен, особенно для пальцев. С этим надо было быть особенно осторожным.

Во второй половине дня выглянуло солнце и немного согрело склон, разрыхлив снег. Через каждые два-три шага я падал, тонул в снегу, выбирался, снова пытался идти, падал опять... И так на протяжении двух часов.

К наступлению темноты мы преодолели примерно две с половиной мили. От места падения самолета нас уже отделяли три с половиной – четыре мили. Теперь я иногда делал минутный перерыв между двумя шагами, но и этого было недостаточно. Горы затянуло облаками, быстро стемнело, и движение поневоле пришлось прекратить. Я замерз, весь взмок, но сил для того, чтобы развести костер, у меня не было. Внутренний голос подсказывал, что долго я так не вытяну. Следующий день нужно было отдохнуть.

Эшли тоже устала, потому что весь день крепко держалась за сани, чтобы не упасть.

Я разбил лагерь под скалой, в подобии мелкой пещеры. Она неплохо защищала от ветра и снега и при этом позволяла любоваться бесподобным видом. Я усадил Эшли спиной к стене, чтобы и она оценила панораму. Она широко распахнула глаза.

– Ух ты! Никогда не видела ничего подобного!

– Я тоже, – ответил я еле слышно и сел. Сил у меня не было. – Ничего, если я не буду разводить огонь?

Она кивнула. Я снял с себя мокрую одежду и попытался развесить ее на камнях. Даже в этот трескучий мороз мое белье было насквозь мокрым. Я натянул единственные имевшиеся у меня трусы, залез в мешок и только тогда вспомнил про обувь. Левую ногу необходимо было высушить, иначе завтра мне пришлось бы плохо.

Я опять вылез, набрал несколько горстей сухих хвойных иголок и веточек и построил вигвам высотой в один фут. Внутрь я напихал иголок и веточек с иголками. Я знал, что должен развести огонь с первого раза.

Я достал зажигалку Гровера, зачем-то потер ее между ладонями, засунул руку с зажигалкой в свой мини-вигвам и щелкнул. Искра проскочила, но огонь не загорелся. Я потряс зажигалку.

– Ну, еще разок!

Новая попытка, и снова ничего.

– Последний раз!

Я щелкнул, появился язычок пламени, огонек лизнул иголки – и сразу потух. Он прожил не более секунды. Но иголки успели загореться – это чрезвычайно горючий материал. Если вы видели загоревшуюся рождественскую елку, то знаете, о чем я говорю. Я подложил в огонь две щепочки, осторожно дунул. Пламя росло, я его подкармливал, увеличивая толщину подкладываемых веток. Теперь в нем занялось бы даже толстое полено.

Как ни подкашивались у меня ноги, я набрал достаточно дров, чтобы поддерживать огонь несколько часов, обложил костер камнями, а сзади оставил отверстие, чтобы жар выходил в одном направлении. Свои ботинки я поставил сушиться у ручья, между двумя камнями, – здесь кожа не должна была испортиться от тепла. Сбросив куртку, я залез в спальный мешок и уже через считанные секунды крепко спал.

Моя последняя мысль была про то, что зажигалке Гровера настал конец. Она отдала нам свое последнее пламя. Условия существования неуклонно ухудшались. Сырая одежда, промокшие ноги, мозоли – и упадок сил. У нас еще оставалось мясо пумы, но при таком темпе его поедания голод грозил нам уже через два дня.

И не только нам, но и бедняге Наполеону. Если его не кормить, мы бы протянули на мясе не два, а три дня.

Проблема заключалась в том, что кормить собаку мне было нечем. Болтать в иных обстоятельствах – например, в тепле своего кабинета или операционной, – о том, чтобы съесть Наполеона во избежание голодной

смерти, я бы еще мог. Но как ни плохо нам приходилось теперь, о таком исходе невозможно было даже помыслить. Стоило мне на него посмотреть, как он принимался лизать мне лицо и вилять хвостом. При каждом порыве ветра он вскакивал и рычал на ветер. Такое бесстрашие заслуживало поощрения.

Другой на моем месте давно бы пустил его на бифштексы, но только не я. Я утешал себя мыслью, что бифштексы, наверное, получились бы жесткими, как старая подошва. Но, честно говоря, глядя на него, я видел Гровера. Скорее всего, это и спасало Наполеона.

Через 6–7 часов, когда по серым и белым горам перед нами заскользил первый проблеск зари, я, разжав глаза, вздрогнул от неожиданного звука – сухого потрескивания огня. От страха я рывком сел. Неужели я устроил лесной пожар?

Оказалось, что это Эшли поддерживает костер, причем уже не первый час. Моя одежда высохла и, как ни странно, лежала аккуратно сложенная на камне в нескольких футах от меня. Эшли помещивала угли длинной веткой – откуда она ее взяла? Земля вокруг саней была чистой – она прибралась. Все ветки, до которых она смогла дотянуться, были отправлены в огонь. Теперь она подбрасывала туда остаток собранного мной хвороста, что объясняло разбудивший меня веселый треск. Она перевернула мои высохшие ботинки. Носки тоже высохли. Я стоял, протирая глаза. Труссы едва держались на мне – теперь они были мне велики на пару размеров.

– Привет! – Она махнула веткой с дымящимся кончиком. – Придется вам перейти на другой размер, прежний вам велик. Между прочим, в следующий раз покупайте такие, у которых застегивается ширинка. Или вы – торговец хот-догами?

Я исправил оплошность, еще раз протер глаза и улегся.

– Мне кофе, булочку с корицей, яичницу из шести яиц средней степени готовности, бекон, картофельные оладьи, снова кофе, апельсиновый сок, пирог с лаймом, яблочный, нет, лучше персиковый коблер.

– Со мной поделитесь?

Я сел.

– Вы не выспались?

– Не получилось. Вы так устали, что разговаривали во сне. Ваша одежда была совсем мокрой. Я мало на что способна, но хотя бы это... – она обвела рукой стоянку, – вполне в моих силах.

– Спасибо. Я серьезно. – Я оделся, с наслаждением натянул сухие ботинки и схватил топорик. – Я быстро.

Через полчаса я вернулся с полной охапкой дров. Я слышал, что в

первобытных африканских племенах женщины посвящают от трех до десяти часов в день поиску воды и дров. Только теперь я понял, почему у них на это уходит так много времени.

Я подбросил в костер дров, растопил немного снега, разогрел мясо и накормил Эшли и Наполеона. Она, медленно жуя, показала пальцем на собаку.

– У него выпирают ребра.

– Еще бы! Представляю, как ему хочется отсюда смыться!

– Мне тоже, – ответила она наполовину шутливо, наполовину всерьез.

Мы немного посидели молча, наслаждаясь теплом от костра.

– Как ваша нога?

Она пожала плечами.

Я опустился на колени, расстегнул ее спальный мешок и провел ладонью по ее бедру. Припухлость спала, фиолетовый отек локализовался. То и другое было хорошими признаками. Я стал разглядывать швы на ее лице, а она, не отрываясь, смотрела на меня.

– Придется удалить швы, пока на них не выросла кожа.

Она не возражала. Я достал свой швейцарский армейский нож, разрезал все швы и стал вытягивать леску – болезненная и неприятная процедура. Эшли подставила ладонь, чтобы я складывал на нее удаленные нити. При этом она морщилась, но не издала ни единого звука.

Когда я закончил, она сложила руки и спросила:

– Как я выгляжу?

– Ничего такого, чего не смог бы поправить пластический хирург.

– Так плохо?

– Дома понадобится неоспорин или масло с витамином Е. Эти препараты помогают рубцам рассасываться.

– Масло с витамином Е?

– Оно самое. Когда Рейчел вынашивала наших близнецов, я мазал им ее живот, чтобы растяжек не было.

– Представляю, как они по вам скупают.

– Это я по ним скупаю.

Она торопливо сменила тему.

– Не знаю, успели ли вы об этом подумать, но каков наш план?

– Убежище и еда. – Я машинально посмотрел на часы, забыв, что они остановились. – Здесь у нас что-то вроде плато. Оно тянется еще на милю, а потом, насколько я помню, обрывается. Хотелось бы добраться туда к вечеру. Внизу должно что-то быть. Скорее всего, там источник воды: озеро, речка. Если мы сможем провести там несколько дней, я бы попытался

раздобыть еды.

Она посмотрела на луки и колчан.

– Вам хватит шести стрел?

– У меня нет выбора. – Я потер себе грудь. – Ребра немного успокоились, но если начать натягивать эту штуковину, они опять заболят. Растяжка у Гровера была шире моей, поэтому мне трудно и больно.

– Какая еще растяжка?

– Лук подбирается под стрелка. Это как обувь. Можно носить не свой размер, но это неудобно. – Посмотрев на черные тучи, оседлавшие вершины напротив нас, я сказал: – Похоже, сегодня пойдет снег, причем сильный. Хорошо бы выйти из этих зарослей до снегопада.

– Не возражаю, – ответила она.

Мы быстро собрались – мы уже научились не терять ни секунды, – и я впрягся в свою упряжь, не дав себе времени на размышления. Я сделал в своих снегоступах всего несколько шагов, как вдруг у меня за спиной раздался голос:

– Бен?

Я остановился и, глядя перед собой, отозвался:

– Что?

– Бен... – повторила она тихо. Меня насторожил ее тон. Я обернулся и подошел к саням, путаясь в упряжи.

Она смотрела на меня из спального мешка. Шрам под ее глазом должен был зажить, но пока что он был красный, и его нужно было обработать мазью-антибиотиком. Она схватила меня за руку. С моих ладоней свисали грязные полосы джинсовой ткани от куртки Гровера. В перчатках зияли многочисленные дыры, правый указательный палец торчал наружу. Она снова замотала мне ладонь.

– Вы в порядке?

Она подразумевала не только мои ноги и желудок.

Я рухнул на колени и тяжело вздохнул.

– В порядке, пока не думаю ни о чем, кроме своего следующего шага.

Шажок – отдых, шажок – отдых. С мыслями то же самое.

Она кивнула и приготовилась к болезненным прыжкам на санях.

Снег не заставил себя ждать: не прошло и часа, как он повалил огромными хлопьями. На преодоление мили по лесной чаще ушло больше трех часов. Наконец мы вышли на крутой уступ, под которым тянулась долина. Вернее, мне пришлось довольствоваться догадкой, что там долина, потому что в снегопад трудно было что-либо разглядеть.

Мы остановились под обвисшими от тяжелого снега еловыми ветвями, и я достал свой рисунок этой местности. От места падения самолета мы отошли, по моим прикидкам, миль на восемь и приблизились к долине. Я знал, что мы прошли по азимуту 125 градусов, но в пути виляли, обходя скалы, уступы, небольшие вершины, поваленные деревья, поэтому отклонились от первоначального азимута мили на две-три. Этого следовало ожидать, я ничего не мог с этим поделать. Двигаться в диких местах по прямой практически невозможно, однако придерживаться выбранного направления все-таки вполне вероятно. Увы, прямая линия и направление – разные вещи. Идешь в каком-то направлении, но приходишь неведомо куда.

Люди много экспериментируют с чтением компаса, и те, кто относится к этому серьезно и занимается ориентированием, умеют преодолевать эти отклонения, вызванные условиями, и возвращаться на прямую линию, то есть прибывать в заранее намеченную точку. Но мне такое было не под силу.

Мы начали движение под определенным углом – 125 градусов, но быстро уперлись в возвышенность, которую были вынуждены огибать. За ней я продолжил движение, сдвинувшись с первоначальной линии на целую милю. Это похоже на движение по координатной сетке. Сначала идешь по прямой, потом сворачиваешь вправо, проходишь три квадрата, возвращаешься влево и движешься в первоначальном направлении, но уже в трех квадратах от желаемой линии. Мы уже ушли довольно далеко от места падения, но прошли расстояние раза в два длиннее из-за смещений, вызванных условиями на местности.

Судя по моему наброску, нам оставалось тащиться еще 15–20 миль до линии, которую я опознал на экране GPS как лесовозную дорогу или туристическую тропу. При наших черепаших темпах это означало еще две недели пути. Как ни велико было мое желание поднажать, нам было необходимо убежище, где можно было бы переждать, пока я не добуду еды. Без нее мы не продержались бы и нескольких дней. А потом усталость уже не позволила бы мне охотиться.

Я срубил топориком несколько еловых лап, под которыми мы прятались, и получился выход на подветренную сторону. Эти лапы я свалил на наветренной стороне в качестве заслона. Срубив несколько ветвей соседнего дерева, я поставил их вертикально и присыпал снегом основания. Их верхние кончики я прикрепил к стволу «нашего» дерева, потом соорудил из других ветвей подобие крыши. Не прошло и часа, как у нас появилось довольно сносное убежище.

– Неплохо! – одобрила мои усилия Эшли.

– Жить здесь я бы не хотел, но на крайний случай сойдет.

Теперь мне нужно было добыть огонь. Этой процедуры я очень боялся. Я собрал сучки, иголки, не побрезговал даже нитками из собственных носков. Потом натянул лук и стал медленно крутить шпенек над поддоном. Прodelав дыру и бороздку, я удвоил старания. На этой высоте потребовалось несколько минут, чтобы древесина задымилась. Еще через пять минут дыма стало много, и я обрадовался, что сделал уголек. Отложив лук и шпенек, я взял поддон с угольком и начал его раздувать, пока он не ожил и не заалел. Я дунул еще – и переусердствовал: уголек рассыпался в золу.

Пришлось все начинать сначала.

В этот раз я натягивал лук 8–9 минут, чтобы насыпалось достаточно трухи. Любой, кто когда-либо этим занимался, подтвердит, что 8–9 минут – это долго. У опытных людей на разжигание уходит не больше двух минут. Мне сильно не доставало опыта.

Я опять отложил лук, взял поддон, легонько подул. Заклубился дымок. Я подул еще, мой уголек заалел. Тогда я аккуратно положил его в свою кучку из веточек, иголок и ниток от носок, пытаясь не рассыпать золу, которая только с виду казалась угольком. Теперь мне оставалось только дуть.

Наконец появился язычок пламени. Его я раздул так, что оно выросло и охватило мой шалашик из веточек и сухих иголок.

У нас снова был огонь!

Эшли лежала и качала головой.

– Вы перещеголяли самого Робинзона Крузо! У меня на глазах вы добыли огонь без спичек и зажигалки. Откуда у вас эти навыки?

– Во время резидентуры в Денвере...

– Это когда вы учились резать людей?

– Этому я научился еще на трупах, но совершенству нет предела. – Я улыбнулся от нахлынувших воспоминаний. – Мы с Рейчел все больше времени проводили в горах. Хотите, считайте это недорогим развлечением. В конце концов, ей взбрело в голову, чтобы мы не брали в очередной поход ничего для разведения костра: ни спичек, ни заправки для зажигалки, ни керосина, ни походной печки. И, конечно, никакой горелки! Она предложила действовать старым проверенным способом. Не согреемся – что ж, значит, замерзнем. Я накупил книг, проштудировал их, изучил рисунки, потренировался. Даже проконсультировался с местным командиром отряда бойскаутов. Мы отправились в горы, когда я уже представлял, что к чему. В общем, я научился добывать огонь почти что из

ничего.

– Напомните мне поблагодарить ее и за это при встрече. А где вы научились так кривить рот?

– Вы это о чем?

– Когда вы сосредоточены, вы корчите вот такую гримасу... – Она наморщила половину лица. Впечатление было такое, словно сквозь ее правую бровь и щеку продели нитку и приподняли уголок губы дюйма на три. – Примерно вот так.

– Наверное, вам сейчас очень больно? – участливо спросил ее я.

– Не знаю. Что, кажется, что мне больно?

– Очень.

– Нет. А у вас получается глупый вид.

– Спасибо. Я припомню вам это, когда вам опять потребуется помощь.

– Медсестры смеются над вами?

Я наморщил правую половину своего лица.

– Им под маской ничего не видно.

Она легла и закрыла глаза. В тишине я сообразил, что привык к звуку ее голоса. Впервые тишина заставила меня задуматься, не скучаю ли я, когда она умолкает.

Поскольку наше убежище было сделано из зеленых хвойных веток, мы наслаждались чистым, свежим ароматом.

– Самый экологический дом, в котором мне доводилось проживать!

– Зелень во всей красе! – согласилась она.

Нам было тепло и удобно, ветки наверху служили прочной крышей, при этом отлично пропускали дым. День клонился к закату, но оставалась еще пара часов светлого времени суток, поэтому я натянул куртку, нацепил снегоступы и вооружился луком.

– Пойду поброжу.

– Надолго?

– На часок. – Я посмотрел на Наполеона. – Я скоро. Составь ей компанию.

Он описал круг и залез в спальный мешок к Эшли.

Опасность таких шалашей, как наш, заключалась в том, что их строители залезают внутрь, наслаждаются комфортом, разводят костер – а потом все сооружение вспыхивает и обрушивается им на головы. Эшли со своей ногой не успела бы выбраться наружу.

Я погрозил ей пальцем.

– Следите за костром, не позволяйте ему слишком разгораться, иначе

наша рождественская елочка запылает ярким пламенем вместе с вами, потому что вы вряд ли из-под нее выползете. Вы здесь плотно забаррикадированы. Следите, чтобы у вас под рукой был снег. Если костер вспыхнет, закидайте его снегом. Он не погаснет, а пламя собьется. Договорились?

Он кивнула, слепила снежок и швырнула в меня.

Я залез на небольшую гряду. Ее подветренная сторона была защищена от ветра, поэтому здесь было меньше снега. Торчали пучки сухой травы и обледеневшие камни, напоминавшие жвачку или птичий помет на тротуаре.

Мне по-прежнему было трудно дышать, а это свидетельствовало о том, что мы еще не спустились ниже 10 тысяч футов. Воздух был разреженный – за две недели я так и не сумел к этому привыкнуть и ловил себя на том, что глубоко дышу, даже когда сижу. Видимо, так реагируют на высокогорье люди, привыкшие жить на уровне моря.

Снегопад прекратился, тучи развеяло. Небо было серое, но высокое. Я увидел всю раскинувшуюся под нами долину площадью 10–15 квадратных миль. Гряда, на которую я забрался, имела форму полумесяца. Между деревьями появились похожие на морщины замерзшие водные потоки. Долина была, за исключением немногих бугорков, почти плоской. Понятие «плоская» в применении к ней считалось бы относительным, но, спустившись туда, мы вздохнули бы с облегчением.

В паре сотен ярдов от нашего убежища я нашел небольшой выступ, сел, застегнул на куртке молнию, чтобы спастись от ветра, и стал внимательно изучать пейзаж. Сложив руки биноклем, чтобы сфокусировать зрение, я рассматривал каждый квадратный ярд, спрашивая себя, похоже ли то, что я вижу, на плод человеческого труда. Я занимался этим, пока не окоченел. К тому же начало темнеть.

При последнем проблеске дня я заметил что-то бурое, похожее на ствол дерева, но с той разницей, что оно, находясь у верхушек деревьев, располагалось горизонтально. Я прищурился. Разобрать, что это, было очень нелегко, но постараться стоило. Я открыл компас, снял показание в 97 градусов и переместил пластмассовый маркер на ту же отметку. Лучше было перестраховаться.

В сумерках я повернул назад, к стоянке. Впереди, ярдах в двадцати, мелькнуло что-то белое. Я вставил в лук стрелу и замер в ожидании. Так я прождал пять минут – и дождался: прыжок, еще, еще! Кролик: большие уши и лапы, скачет себе под деревьями.

Я прицелился, выдохнул и выпустил стрелу. Одновременно с началом полета стрелы кролик подпрыгнул дюймов на шесть, и моя стрела зарылась

в снег, даже не коснувшись его.

Я долго искал стрелу, но от копания в снегу мои потрескавшиеся руки нестерпимо заболели, и я решил отложить поиск до завтра.

Вернувшись, я застал костер в хорошем состоянии – дрова весело потрескивали, было тепло. Эшли ухитрилась вскипятить воды и разогреть остатки нашего мяса. Через день оно явно закончится. Посмотрев на мой лук и сосчитав оставшиеся стрелы, она спросила, что произошло.

– Я промахнулся.

– А если бы не промахнулись?

– Тогда у нас на ужин был бы кролик.

– Давайте в следующий раз я буду держать мишень, когда вы стреляете.

– Если вы сможете ее поймать, я согласен. – Заметив ее улыбку, я спросил: – Вы не возражаете против прогулки?

Она подняла брови.

– Серьезно?

– Вполне. Если вы на меня обопретесь, то мы дохромаем до гряды. Мне нужны ваши глаза.

– Вы что-то увидели?

– Может, да, а может, и нет. Трудно сказать. Не хочу рисковать, пока мы оба на это не посмотрим.

– Чем мы рискуем?

– Я думал, что мы спускаемся, но то, что я увидел, наводит на мысль, что мы еще несколько миль будем двигаться по плато. Два-три дня на смену направления, еще три-четыре – чтобы наверстать упущенное. Всего семь дней, если я не ошибся.

Излишне было говорить, что положение у нас хуже некуда. Лишняя неделя нас доконает. Возможно, мы и недели не протянем.

– Что там?

– Не пойму. Похоже на дерево, только лежит оно горизонтально на уровне верхушек других деревьев. Горизонтальный штрих в море вертикалей.

– А мне не повредит эта прогулка?

– Нет. И на санях туда ни за что не добраться. Мы пойдем медленно. Шажок – остановка, шажок – остановка.

– Я вам доверяю. Думаете, это нужно?

– Дело не в доверии. Просто четыре глаза надежнее двух.

– Когда вы хотите идти?

– На рассвете. Восходящее солнце – это как раз то, что нам нужно.

Как ни рискованно было тащить туда Эшли, необходимо было разобраться, куда нам идти дальше. От места падения самолета мы брели наугад. Но теперь, когда мы забрались слишком далеко, чтобы возвращаться обратно, решение следовало принимать вместе. Я ведь понимал, куда мы можем забрести за неделю: вопрос о направлении превращался в вопрос жизни и смерти.

А еще я знал, что нам нужен прорыв.

Мы залезли в свои спальные мешки и стали смотреть на костер, освещавший снизу еловые ветки. Впервые мне стало так жарко, что я был вынужден расстегнуть молнию на спальном мешке. Заглушив голод, я первым делом занялся ногой Эшли. Опухоль спадала, было заметно, как в месте перелома образовывается рубец. Хорошие признаки!

Я сел напротив нее, положил себе на колени ее здоровую ногу и стал массировать свод стопы, лодыжку, подколенное сухожилие и сухожилия по бокам подколенной ямки, чтобы улучшить кровообращение.

– Вы что, учились массажу? – удивленно спросила она.

– Вы пролежали две недели. Надо ускорить кровоток. Если вы попытаетесь встать прямо сейчас, то результат будет незавидный.

– Правда?

Я ткнул большим пальцем в ее правую ягодицу. Она застонала от боли, потом отдышалась, и мышцы расправились. Одно дело – каким человек кажется со стороны, и совсем другое – каким он оказывается, стоит только лишь до него дотронуться. Эшли была связкой мышц – длинных, сухих, гибких. Вероятно, это и спасло ей жизнь. Обычный человек при таком падении не выжил бы.

Я взялся за ее левую ногу, стараясь быть осторожным. Необходимо было размять мышцы стопы и лодыжки, улучшить кровообращение.

– Не хотелось бы вас злить, чтобы вы, поправившись, не надавали мне пинков. Вы – одна сплошная мышца.

– Когда валяешься, начинаешь об этом забывать.

– Ничего, вспомните. Несколько недель – и вы будете как новенькая.

– Ваша жена – хорошая бегунья?

– Когда я впервые увидел ее в школе, то решил, что это текущая вода, а не человек. Представьте, как ходит водяной человек... Она буквально текла по беговой дорожке, почти не касаясь земли.

Когда я принялся за ее лодыжку, она поморщилась.

– Когда мы вернемся, вы обязательно должны обучить этому Винса. –

Она запрокинула голову, затаила дыхание. Придя в себя, Эшли спросила: – Серьезно, где вы этому научились?

– Мы с Рейчел продолжали бегать, пока учились на медицинском факультете. Я был ее тренером, она моим. Ей это было необходимо, потому что она унаследовала у матери особенность строения ног.

– Какую именно?

Я потрогал ее ногу рядом с большим пальцем.

– Бурсит.

– Вы массируете женщинам стопы, чтобы избавить их от бурсита?

Я нажал ей на свод стопы, заставив поджать пальцы.

– Вам трудно в это поверить?

Она покачала головой.

– Вот это, я понимаю, любовь!

– Винс не массирует вам ноги?

– Нет, даже если я выдам ему резиновые перчатки.

– Надо будет с ним потолковать.

Она щелкнула пальцами.

– Отличная мысль! Раз вы составляете список тем, не упустите свой фокус с добыванием огня.

– Нет уж, – сказал я с улыбкой.

– Почему?

Я надел ей на ногу носок и засунул ногу в спальный мешок.

– Потому что я бы начал с другого.

– С чего?

– С приобретения спутникового телефона.

Не знаю, что было лучше: свет костра или ее смех.

Глава 26

Согревшись у костра, я лежал без сна, провожая насмешливым взглядом очередной авиалайнер, пролетающий над нами на высоте 30 тысяч футов. Эшли спала, негромко посапывая. Легкий ветерок шевелил ветви нашего шалаша и заставлял подмигивать бесчисленные звезды в небесах. Мне не давало покоя решение, которое предстояло принять завтра. Действительно ли я что-то разглядел или после двух недель мучений начал принимать желаемое за действительное?

Неожиданный звук заставил меня прислушаться. Мне почудился хруст снега. Я уже представлял двоих людей, остановившихся под нашим деревом: они вздыхали и кряхтели. Гости, видимо, были довольно грузными, иначе откуда взялся этот хруст? Я потянулся к Эшли, но она перехватила мою руку.

Я вылез из спального мешка, схватил лук и стрелу и засел между Эшли и «дверью». Рука Эшли лежала у меня на затылке, из моего рта вырывались облачка пара. Снова подморозило, и я весь покрылся мурашками. Менее чем в пяти футах от нас расхаживало, фыркая, неведомое существо. Потом я услышал стук.

Оленьи рога!

Поняв, что олень чешет рога о дерево, я облегченно перевел дух. Эшли поняла, что опасность миновала, и убрала руку. Существо еще пофыркало, издало звук, похожий на тяжелый вздох, и усакало.

Я положил лук и залез в спальный мешок.

– Бен? – нарушила тишину Эшли.

– Что?

– Вы сможете уснуть?

– Легко.

Я придвинулся поближе к ней. Из ее мешка виднелись только глаза и губы. Она уже спала. Я долго бодрствовал, наблюдая за паром, поднимавшимся из моего рта, и вспоминая почему-то песенку «Что делает рыжего рыжим» из диснеевского «Питера Пэна». Кажется, я даже спел ее шепотом. Вот что делает с человеком высота в сочетании с голодом!

Через некоторое время я опять проснулся. На моем лице лежали волосы. Человеческие волосы, пахнувшие женщиной и щекотавшие мне нос. К щекам они прикасались как нежнейший шелк. Первым моим побуждением было отодвинуться, чтобы не нарушать личное пространство

Эшли.

Но я не шелохнулся.

Я остался лежать, жадно вдыхая ее аромат. Медленные вдохи, длинные тихие выдохи. Я вспоминал, как пахнет женщина.

Мне понравилось!

Эшли повернула голову и прижалась лбом к моему лбу, дыша мне в лицо. Я медленно вдохнул, потом, стараясь ее не будить, еще. И еще. Так продолжалось довольно долго.

Постепенно я уснул, полный чувства своей вины – и вожделения.

Когда я проснулся, было темно. Луна забралась высоко и сияла из всех сил, ее свет проникал сквозь ветки над моей головой и отбрасывал на снег игольчатую тень. Костер прогорел, но угли еще не потухли. Я подул на них, заставив заалеть, добавил хвороста, и через считанные секунды огонь запылал снова.

Эшли зашевелилась. От огня на ее лицо ложились длинные узкие тени. Она сильно исхудала, сбросила все двадцать фунтов, вокруг запавших глаз залегли черные круги, белки глаз были в красных прожилках, изо рта плохо пахло – организм пожирал себя изнутри.

Мой вел себя не лучше.

Я оделся, помог одеться ей, закутал и потащил к выходу. Тянуть сани можно было только ярдов сто, потом начинался крутой подъем, и там мне пришлось поставить ее на ноги. Она обхватила меня за шею. Я переставил ее вправо, чтобы сломанная нога была между нами.

Она случайно оперлась на сломанную ногу и застонала.

– Неприятное ощущение...

– Хотите присесть или вернуться?

Она покачала головой.

– Нет, идем дальше.

Мы никуда не торопились: шажок за шажком, как я и обещал. Увязавшийся за нами Наполеон прыгал по нашим следам, радуясь прогулке.

Эшли держалась правой рукой за мою шею и крепко переплела свои пальцы с моими. Мы двигались шаг в шаг. Расстояние, которое я преодолел накануне за двадцать минут, теперь мы осилили только лишь за час. Зато мы добрались до места без происшествий. Я усадил ее на обрыве, предложив обозреть окрестности площадью в 60–70 квадратных миль.

– При иных обстоятельствах я оценила бы эту красоту, – заявила она.

Я положил компас себе на колено, подождал, пока остановится

стрелка, и указал вверх зеленого пространства на горную грядку вдали.

– Видите бурый штрих? Такой плоский, горизонтальный, выше кончиков елей? Вон там, слева от заснеженного хребта?

Наполеон запрыгнул мне на руки и тоже уставился на долину.

Эшли напрягла зрение.

– Тут все заснеженное...

Я подождал, пока она обведет взглядом весь горизонт. Мы оба пытались разглядеть какую-то соринку на расстоянии 8 – 10 миль – чем не иголка в стоге сена?

– Теперь видите?

– Да... – Она немного помолчала. – Как вы вообще умудрились это разглядеть?

– Сам не пойму.

– Настоящий подвиг!

– На этот подвиг у меня ушло десять минут. На солнце эта штука должна засиять. Если это сделано людьми, то оно отразит солнечный свет и тем самым докажет свое неестественное происхождение.

Мы стали ждать, стараясь не смотреть в ту сторону, чтобы наша затея не лишилась смысла. Если много раз повторить одно и то же слово, то останется только звук, утративший смысл. Вот и здесь было то же самое.

Солнечный свет скользнул по горному склону, гоня перед собой тень, и заглянул в долину. Наконец-то мы увидели, что она собой представляет: пространство, ограниченное с трех сторон крутыми зубчатыми горами, посередине которого разлилось хвойное море, исчерченное ручьями и усеянное замерзшими озерцами. Многие деревья высохли, тысячи, лишившись коры и выбеленные солнцем, высились как одинокие часовые. Упавшие великаны лежали под самыми разными углами, создавая первозданный хаос библейских пропорций.

– Как называется игра, в которой вы берете пучок соломинок, ставите их торчком, а потом позволяете упасть, как им вздумается?

– Бирюльки.

– Вот-вот! – Я обвел рукой зеленое море внизу. – Похоже, Создатель затеял здесь игру в гигантские бирюльки, но уже в самом начале отвлекся.

Она засмеялась.

Прежде чем солнце засияло вовсю и блеск снега лишил нас всякой возможности что-либо разглядеть, бурый предмет засверкал. Или замерцал. Одновременно замерцало нечто, расположенное ниже него.

– Видите? – спросил я, не поворачивая головы.

– Ну да... Только я не уверена, что это: бликующий лед или снег или

что-то другое.

– А вы приглядитесь. Видите вон ту прогалину?

– Вижу.

– Вдруг это замерзшее озеро?

– Ну и что?

– А то, что я бы, например, решив построить домик в горах или еще что-то, чтобы забраться подальше от людей, выбрал бы местечко на берегу озера.

– Понимаю.

Солнце сияло все ярче, блеск снега слепил глаза и уже ничего не позволял разглядеть.

– Ну что скажете?

Я показал пальцем, каким путем мы пришли. Идя дальше по этому маршруту, мы бы спустились, промахнувшись мимо долины, которой сейчас любовались.

– Там нам было бы теплее, легче дышалось бы. Но я не знаю, куда это нас приведет и сколько времени нам туда идти. – Я описал рукой дугу, ткнув пальцем в отдаленный предмет, привлечший наше внимание. – Там, среди этих «бирюлек», снегу по уши, там густая чаща, замерзшие ручьи под снегом, куда я могу провалиться. Если эта штукавина не оправдает наших надежд, то мы потеряем лишнее время и силы, когда потащимся потом вон к тому перевалу, с которого, как кажется, можно будет спуститься ниже...

– Ничего себе дилемма... – пробормотала Эшли. Я кивнул. – Сколько у нас осталось еды?

– Если экономить?

– Да.

– Примерно на день. Или на полтора, если поголодать.

– Сколько времени вы сможете протянуть без еды?

– Дышать я смогу еще неделю, но полностью лишусь сил. А если при этом тянуть сани... – Я пожал плечами. – Даже не знаю.

– По-моему, если не пополнить запас еды, то мы еще сумеем пересечь долину и добраться до этой нашей неясной цели. Там нам придется свернуться калачиками и надолго уснуть.

– Вам нравится такой исход?

– А вы можете предложить что-то лучше?

– Не могу.

– Что, если вы оставите меня здесь и отправитесь на разведку в одиночестве?

– Я уже думал об этом. Конечно, так я добрался бы туда гораздо быстрее, но нет гарантии, что это будет безопасно и что я смогу к вам вернуться. Если я упаду, поранюсь, пойду на корм пуме, то вы останетесь в неведении, и мы оба умрем поодиночке, не найдя ответ ни на один вопрос. Я не хочу так рисковать.

– А если я хочу?

– Не вам решать.

– Почему это?

– Потому что идти туда и обратно пришлось бы мне, а не вам.

– А если бы я вас попросила?

– Я бы отказался.

– Почему?

– Представим, что я прихожу туда и, стоя на той гряде, вижу дом, дорогу или еще что-то и решаю, идти ли мне дальше. Это значит принять решение оставить вас одну еще на несколько дней. К тому времени, когда я нашел бы помощь и вернулся, вы бы уже испустили дух.

– Зато вы спаслись бы.

Я покачал головой.

– На такой риск я пойти не могу.

– Я думала, мы с вами заодно.

– Мы заодно, именно поэтому я не уйду отсюда без вас. – Я выразительно посмотрел на нее. – Эшли, здесь все серьезно, все игры побоку. Мы идем вместе либо в одну сторону, либо в другую. Либо – либо, никаких «может быть» и «что, если».

Она закрыла глаза, чтобы сдержать слезы.

– Это продолжается уже пятнадцать дней, – заговорила она, не глядя на меня. – В каком-то смысле мы просто оттягиваем неизбежное. Если это так и если без меня вы можете зайти гораздо дальше, то вы обязаны попытаться. Выживание одного из двоих – это лучше, чем смерть обоих.

– Тут вы ошибаетесь. Я этого не сделаю.

– А если я с вами не пойду? Если стану сопротивляться?

– Тогда я просто-напросто дам вам по голове, привяжу к саням и увезу, не слушая возражений. Все, довольно. Я вас не брошу, и точка.

Мы сидели рядом, мысленно глядя в свое безрадостное будущее. Она продела руку мне под локоть и положила голову на мое плечо.

– Зачем вы это делаете?

– У меня на то свои причины.

– Рано или поздно вам придется раскрыть их мне. Пока что я не вижу в них смысла.

Я встал и заставил встать на обе ноги и ее.

– Там видно будет.

– От чего будет зависеть ваше решение?

– От того, как вы на это посмотрите – моими глазами или своими.

Мы потащились вниз. Она неуверенно делала шажок за шажком, прильнув ко мне. На полпути я позволил ей отдохнуть, чтобы найти выпущенную в кролика стрелу.

– Мы похожи на участников бега в мешках, – сказала она, шмыгая носом.

Я кивнул, внимательно наблюдая, куда она ступает. Оступившись, она бы инстинктивно оперлась на сломанную ногу и потеряла бы сознание от болевого шока. Вот что я хотел предотвратить.

Она цеплялась за меня, глубоко дыша. Две недели лежания на спине сделали свое дело.

– Давайте остановимся, – пролепетала она и повернулась ко мне. Со стороны нас можно было бы принять за партнеров по танцу.

– Вы собираетесь засунуть руки в мои задние карманы?

– Нет, но мы – отличная пара.

– Если бы мы с Винсом попробовали дойти отсюда до того уступа, то непременно повалились бы, я заорала бы от боли и стала бы пихать ему в рот снег в наказание за то, что он позволил мне упасть.

– Простите, что сую нос не в свое дело, но всякий раз, когда вы о нем заговариваете, я слышу, что вы слишком разные, у вас мало общего. Вообще несовместимые. Как это понимать?

– Да, мы разные. Но мне с ним весело. С ним я хохочу. А общего у нас довольно много.

– По таким причинам люди идут в приют и выбирают себе собачку, а не спутника жизни лет на семьдесят.

– Ладно, доктор Фил, какую причину назвали бы вы?

– Любовь.

Она покачала головой.

– Это случается с немногими, с избранниками судьбы. Остальным лучше довольствоваться тем, что у них есть, а иначе...

– Что было бы иначе?

– Иначе – ожидание сказки, которая никогда не сбудется.

– А вдруг сказка сбылась бы, только для этого пришлось бы подождать?

– Типа как в «Красотке»?^[19] Всю жизнь мне морочат этим голову! Я искала его, ждала, пыталась быть разборчивой и не вскакивать в первый же

подошедший к станции поезд. Но что поделать, если всех подходящих уже расхватали? Таких, как Гровер, как вы... Невезучая я: мне такие так и не попались.

– Просто мне кажется, что вы...

– Договаривайте!

– Разве вы такого невысокого мнения о себе, что готовы на брак, не отвечающий вашим надеждам? Вы заслуживаете большего. Лучшего.

– Бен Пейн, вы что, заигрываете со мной?

– Нет, просто говорю, что вы замечательная, и если Винс не такой, не замечательный, не воспламеняет вас, то я, при всем к нему уважении, не советовал бы вам выходить за него замуж.

– Легко вам говорить после пятнадцати лет брака! Вам-то не надо торговаться на рынке, где спрос велик, в отличие от предложения. И не сказать, чтобы Винс меня не воспламенял, просто...

– Я не говорил, что все так просто. Но я думаю, что вы заслуживаете чего-то или кого-то... выдающегося.

– Вот спасибо! – сказала она с улыбкой. – Я это запомню. – Она дотронулась до моей щетины. – Вижу, у вас в бороде пробивается седина.

– Возраст берет свое. Вместе с...

– Вместе с чем?

– Вместе с милями тяжелого пути.

Мы добрались до нашего шалаша. Там я мысленно воспроизвел наш разговор, и теперь сказанные мной самим слова подействовали на меня ошеломляюще. Такой перемены я не ожидал. Вот что делает возраст и пройденный путь!

Я подготовил «сани», устроил на них Эшли в спальном мешке и впрягся. Эшли остановила меня.

– Вам нехорошо? Вы такой бледный!

Я, не глядя на нее, махнул рукой. Выражение лица выдало бы меня с головой.

Глава 27

Мы покинули шалаш и продолжили путь. Наст помогал мне беречь силы. Эшли лежала тихо. Она устала и неважно выглядела: исхудала и изголодалась. Ей нужно было поесть. Организм работал с удвоенной силой, чтобы выжить и справиться с ранениями.

На свету я изучил следы вокруг шалаша и понял, что ночью не ошибся: рядом с нами топтался лось. Оставалось проклинать себя за то, что я не попытался всадить в него стрелу из лука. Туши даже мелкого лося нам хватило бы, чтобы забыть о голоде на несколько недель.

Услышав, как я ворчу себе под нос, Эшли сказала:

– Вы же не знали, что это было. Вдруг это оказался бы медведь гризли?

– Тогда я не выжил бы.

– Значит, вы приняли верное решение.

– Но сейчас мы с вами могли бы пировать.

– Есть и другой вариант: гризли мог бы сейчас облизывать лапы, полакомившись вами на ужин и закусив мной.

Я сделал большие глаза.

– Вы смотрите фильмы ужасов?

– Нет, а что?

– Что за мрачные фантазии!

– Я начинала в местной газетенке, смаковавшей преступления. Наверное, слишком насмотрелась на фотографии людей, вообразивших, что им ничего не угрожает. Иногда безопаснее не выяснять, что там за шум у вас за дверью.

Я усадил ей на грудь Наполеона, успевшего при этом лизнуть меня в лицо. Приладив ему на лапки самодельные валенки, я почесал его за ухом. Он зарылся в спальный мешок и исчез из виду. Я потянул за собой сани. Этот день обещал получиться самым долгим за весь наш путь.

К середине дня мы преодолели пару миль. Неплохое расстояние, но меня оно изрядно измотало.

– Почему бы вам не передохнуть? – нарушила молчание Эшли.

Я остановился, уперся руками в колени и, глубоко дыша, кивнул.

– Действительно, почему?

Я освободился от ремней и затолкал сани под ближайшее дерево.

Еще шаг – и подо мной разверзлась бездна, и я не успел

сгруппироваться. Оба мои снегоступа сложились пополам, я задохнулся и провалился в снег по самый подбородок. От боли в ребрах я чуть не лишился сознания. Я угодил по колено в воду, ощущение было такое, словно я нахлебался ледяной жижи.

Я машинально повернулся и схватился за то, что попало мне под руку, чтобы задержать падение, – за наши «сани». От моего рывка они завалились на бок, Эшли и Наполеон полетели в снег – она с криком, он с визгом.

Я пытался не дать засосать меня снежной ловушке и потоку под ней. Опереться было не на что, от боли в груди все тело скручивало судорогами. Я собрался с силами и с духом и подтянулся, потом еще и еще, медленно выбираясь из предательской ямы. Мокрый снег оказался коварен, как зыбучие пески.

Наконец я выполз на твердое место и обессиленно замер. Эшли лежала в нескольких футах от меня, тяжело дыша, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, и стиснув зубы. Я подполз к ней и проверил ее зрачки. Они первыми реагируют на шок.

Она взглянула на меня, потом перенесла внимание на какую-то точку в небе. Этому она научилась в тхэквондо.

Я вылез из ловушки мокрый по пояс. Нам сильно досталось, мы лишились огня, я не мог высушиться, переход через эту чертову долину приходилось отложить минимум на день. Нельзя же было двигаться дальше в мокрой одежде! Лучше было позволить ей замерзнуть, чем прилипнуть к телу. Еще больше опасности представляла мокрая обувь. Я оглянулся на наши сани и увидел в них дыру. Видно, когда я за них ухватился и перевернул, их порвало подвернувшимся камнем или корягой примерно там, где располагались плечи Эшли.

Я приподнял ее голову, расстегнул спальный мешок и внимательно осмотрел сломанную ногу. Нового перелома, к счастью, не произошло, угол поворота ноги не изменился, но, конечно, все нежные связки, только-только начавшие заживать, не могли не повредиться. Нога распухла буквально у меня на глазах.

Вариантов у нас было совсем немного.

Первый – вырыть в снегу пещеру, залезть туда и забиться в спальные мешки. Но это только отсрочило бы решение проблемы. Моя одежда, а главное, обувь превратились бы в ледышки, мы не ушли бы ни на фут дальше и еще больше изголодались бы. Сам я как будто не пострадал, моя куртка лежала в спальнике Эшли, но у меня не было запасных носков: обе пары были на мне для тепла. Только где оно теперь, тепло?.. Днище саней

было продырявлено, при любой попытке тянуть их дальше отогнувшийся кусок стал бы якорем, мешающим движению.

Если бы была возможность высушить ноги и согреть их, то я смог бы двигаться. У нас была еще одна пара носков, но они были на Эшли. Проблема сводилась к обеспечению сухости моих ног и к починке саней.

Я обхватил голову руками. Час назад наше положение было плохим, но сейчас оно стало попросту безнадежным.

Решения у меня не было, но я знал одно: надо пошевеливаться. У меня уже начали лязгать зубы.

Я сел, снял гетры, ботинки, обе пары носков.

– Знаю, сейчас вам не до разговоров со мной, – обратился я к Эшли. – Но нельзя ли позаимствовать у вас носки?

Она кивнула. Я увидел, что костяшки ее пальцев остаются белыми.

Я снял с нее носки, завернул ее ноги в свою куртку и аккуратно застегнул на спальном мешке молнию.

Пух, обеспечивающий теплоизоляцию спального мешка, необходимо держать сухим, поэтому у него есть водонепроницаемая оболочка. Я снял ее со своего мешка и с мешка Эшли, запихал свой мешок в рюкзак, натянул носки Эшли, опустил ноги в оболочки, затянул на икрах тесемки, сверху надел ботинки, зашнуровал их, не забыл и про гетры. Неважное решение, но ничего лучше придумать было нельзя. Я сделал несколько шагов. Ощущение было такое, будто я воспользовался обувью астронавтов, побывавших на Луне.

Мои снегоступы были безнадежно испорчены: погнулись в середине вместе с рамами. Еще немного – и они бы переломились. Но гораздо важнее было разобраться с санями.

Нога Эшли должна была оставаться вытянутой. Нести ее на руках было нельзя, потому что моя рука у нее под бедром причиняла бы ей невыносимую боль и, чего доброго, привела бы к повторному перелому. Поэтому без саней мы обойтись не могли.

Дыру в них надо было чем-то заделать. В моем распоряжении был только рюкзак и два погнутых снегоступа.

Я вертел в руках снегоступы. Для большей прочности я сделал их из двух слоев сетки. Если их развернуть...

Я приделал боковины к краям саней. Теперь Эшли не могла провалиться в дыру, но в нее по-прежнему мог забиваться снег. Оставалось приподнять передний край саней. Так я приподнимал голову и плечи Эшли, спасая ее от снега, и волочил по снегу задний край, оставлявший две глубокие колеи.

Тянуть такие «сани» было в несколько раз труднее, чем раньше. Самое главное, это грозило Эшли сотрясениями и приступами боли. Не говоря о многократном замедлении самого передвижения.

Но другого выхода попросту не было.

Я достал и разделил с Эшли остаток нашей еды.

– Ешьте, это отвлечет вас от боли. Только не съедайте сразу все, больше все равно не будет.

Сам я съел три кусочка, только усугубив свой голод. Потом приподнял передний край саней, закрепил его у себя на спине ремнями и попробовал идти. Подтянул ремни, попробовал опять. И так – несколько раз.

А потом уже не останавливался, пока не рухнул от изнеможения.

Помню снег по колено, в котором я спотыкался тысячу раз, помню, как полз, упираясь локтями, как израненными, обмороженными руками оттаскивал в сторону толстые древесные стволы, как снова увязал в глубоком снегу. Помню, как шел днем, в сумерках, в темноте, когда взошла луна, помню свою тень на снегу. Помню свет звезд и летящие низкие облака. Помню собственное колющее дыхание на морозе. Помню, как тащился дальше и дальше. На шее болтался компас, я брал его, ждал, пока успокоится стрелка, и шел туда, куда она указывала в темноте ярко-зеленым светом. Десять лет назад Рейчел заплатила за компас сто долларов. Теперь он тянул на все десять тысяч.

Я очнулся оттого, что уткнулся лицом в снег. Было темно, хоть глаз выколи. Ни луны, ни звезд, левая щека замерзла, но благодаря бороде не отморозилась. Руки затекли оттого, что я все время придерживал за спиной край саней, чтобы у Эшли меньше моталась голова. Ремни врезались мне в плечи, ног я уже не чувствовал.

Я встал, сделал шаг – и в тысячный раз, наверное, провалился в снег почти по пояс. Мне было тепло от непрерывного движения. Но теперь моя способность двигаться иссякла. Эшли либо спала, либо лишилась чувств. Я отстегнулся, снял через голову упряжь, залез под ель, разбросал ногами снег, сделав плоскую площадку для двух людей, и затянул на нее Эшли. Потом размотал свой спальный мешок, разделся и залез внутрь.

Темный тоннель сузился, и я понял, что уже не надеюсь на пробуждение.

Глава 28

Когда я открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Болело, причем сильно, там, где я уже не чаял почувствовать собственное тело. Голода я не чувствовал, но был так слаб, что не хотелось шевелиться. Есть было нечего, не считая последних жалких крошек. Кожа на лице сильно натянулась – обгорела. Губы облупились, двухнедельная щетина не могла защитить лицо от солнечных лучей.

Я приподнял голову, повозился в снегу, огляделся. Эшли смотрела на меня. Я прочел в ее взгляде две вещи: сострадание и решимость. Решимость принять нашу судьбу. Даже Наполеон выглядел сильно ослабевшим.

Рядом со мной лежала сырой горкой моя одежда.

Реальность последней ночи вернулась вместе с волной безнадежности. Эшли наклонилась ко мне с кусочком мяса в пальцах.

– Ешьте!

У нее на коленях лежал бюстгальтер, в чашках которого я разглядел мясо. У меня не получалось думать связно. Как это понять?

– Откуда у вас это?

– Ешьте! – повторила она, поднеся мясо к моим губам.

Я открыл рот, она положила кусочек мне на язык, я стал жевать. Мясо было холодное, жесткое, жилистое; никогда в жизни я не пробовал ничего вкуснее! Я кое-как проглотил угощение и получил добавку. Еще вчера у нас не было столько еды.

– Где вы...

Тут меня осенило, и я покачал головой.

– Лучше не спорьте, а ешьте!

– Сначала вы.

Она смахнула слезу.

– Вам это нужнее. У вас еще есть шанс.

– Мы это уже обсуждали.

– Но...

Я приподнялся на локте и схватил ее за руку.

– Хотите умереть здесь одна? Хотите замерзнуть? Смерть в одиночестве никуда не годится.

Ее рука задрожала.

– Но...

– Никаких «но».

– Ну вас! – Она кинула в меня шматком мяса, который отскочил от моего лица и упал на снег. Наполеон был тут как тут: мгновение – и он оглянулся, клянча еще.

– Зачем вы упрямитесь? – Ее крик отразился эхом от обступивших нас гор. – Все равно нам не выжить!

– Пока что это никому не известно, – возразил я. – Либо мы выживем, либо нет. Вот и все варианты.

– Если бы вы продолжили путь сами, то могли бы что-то увидеть, что-то найти. Вдруг вы в одном шаге от спасения?

– Эшли, я не хочу прожить остаток жизни, видя каждую секунду перед глазами ваше лицо.

Она сжалась в комок и зарыдала. Я сидел и смотрел на свою смерзшуюся одежду. Сухой и теплой осталась только моя куртка. Мне нужно было оглядеться, сообразить, где мы находимся. Я натянул кальсоны, штаны, ботинки. Ноги я сбил в кровь. Обуваться было больно, еще больнее дались первые шаги. Я надел куртку на голое тело. Спасение было в том, чтобы согреться, но не вспотеть.

Мы ночевали под открытым небом. Нам повезло, что не пошел снег.

Я повернулся вокруг своей оси, глядя на верхнюю кромку чашеобразной долины. Гораздо полезнее было бы оглядеть местность с высоты птичьего полета. Над громоздившимися на севере горами темнели тяжелые тучи. В любую минуту мог повалить снег.

Я опустился на колени рядом с Эшли и тронул ее за плечо. Она зарылась лицом в спальный мешок.

– Я схожу на разведку, – сообщил я ей.

Ветви всех деревьев вокруг нас были как на подбор прямые, прочные, начинались почти от земли и вообще смахивали на ступеньки. Ярдов через сто я набрел на самую пригодную «лестницу», разулся, подтянулся и начал карабкаться. Я умирал от усталости, болели все мышцы, руки утверждали, что я вешу тысячу фунтов.

На высоте тридцати футов я огляделся. За предыдущий день мы преодолели удивительно большое расстояние. Тот уступ, с которого мы осматривали долину и принимали решение, остался далеко позади. Оказалось, что мы прошли почти через всю долину, миль восемь-десять. Получалось, что мы уже в одном шаге от цели. Я сложил ладони биноклем. Нам нужна была удача. Мы ее заслужили.

«Пожалуйста!..» – взмолился я.

Здесь, на дне долины, перспектива выглядела совершенно иначе,

поэтому мне потребовалось несколько минут, чтобы нашарить взглядом искомое. Обнаружив его, я не удержался от смеха. Я достал компас, проверил показание, повернул ободок, фиксируя результат – от усталости я мог что-то напутать, – и полез вниз.

От изнеможения Эшли едва взглянула на меня. Ее отчаяние переросло в безразличие. Я запихнул свой спальный мешок в рюкзак, привязал весь скарб к саням, надел на себя упряжь. Сборы исчерпали все мои силы. От первого же шага меня скрутила судорога. Второй шаг дался еще труднее. К третьему я весь онемел, но это было к лучшему.

Я не мочился со вчерашнего дня, а это, учитывая, как обильно я потел последние сутки, указывало на обезвоживание. Я набил снегом бутылку и отдал Эшли.

– Растопите это для меня своим теплом. Мне нужна жидкость.

Снег был сырой, тяжелый, я чувствовал себя не идущим человеком, а плугом. Деревья заслоняли обзор, поэтому приходилось полагаться на компас. Через каждые несколько шагов я останавливался, проверял показания, выбирал дерево неподалеку как ориентир, шел к нему, выбирал новое дерево и так далее. Раз в десять минут я оборачивался, брал у Эшли бутылку и делал два-три глотка. И так пару часов.

Когда мы наконец покинули чащу, снег повалил всю хлопьями небывалой величины, некоторые размером с монету в полдоллара. Перед нами раскинулось замерзшее овальное озеро, протянувшееся на милю в сторону грозных гор. Снег не позволял что-либо разглядеть толком, но то, что я все же видел на другом берегу, было чудеснейшим зрелищем в моей жизни. Я рухнул на колени, пытаюсь отдышаться. Это был надсадный хрип, а не дыхание, ребра болели так, словно выламывались наружу.

Эшли, лежавшая на санях, смотрела не туда. Ее взгляд вообще все время был обращен назад – так всегда бывает с пациентами на носилках. Но ей нужно было это увидеть. Я обогнул сани, увязая в глубоком снегу, и развернул их. Она осталась лежать с закрытыми глазами. Я легонько постучал ее по плечу.

– Вы не спите?

Она с трудом разжала веки.

– Простите меня, Бен...

Я приложил палец к ее губам и указал на другой берег озера.

Она напрягла зрение, стараясь что-то разглядеть сквозь усиливающийся снегопад. Потом наклонила голову и наконец поняла. Поняла – и разрыдалась.

Глава 29

Дело было днем, в 4.17, если точнее. Я как раз завершил операцию и вернулся к себе в кабинет, и тут моя медсестра говорит: «Вас ждет жена».

Такого еще не бывало. Ты еще никогда не приходила ко мне на работу.
«Вот как?»

Они кивали, но помалкивали. Они все знали. Я увидел, что ты смотришь на цветовой круг. Похоже на веер толщиной дюйма в два, в восемь дюймов размахом, раскрашенный во все цвета радуги. Ты смотрела на него, держась за подбородок, потом на стену рядом с ним, потом опять на круг, опять на стену.

«Привет!» – произнесла ты, увидев меня.

Я снял с обуви синие бахилы и бросил их в бак.

«Что ты здесь делаешь?»

Ты указала на круг на стене.

«Мне нравится синий оттенок. Что скажешь?»

Стена была обклеена яркими полосатыми обоями. Это ты их выбрала, когда мы годом раньше оформляли мой кабинет. Я провел ладонью по стене.

«Что и раньше: хорошо!»

Но ты пребывала в другом мире. Ты уже занялась другим сектором круга.

«Этот оттенок тоже годится».

Я почесал в затылке.

«Он нравится тебе больше, чем обои по 67 долларов за ярд, которые мы выбрали в прошлом году?»

Ты взяла с моего стола каталог и открыла его на заложенной странице.

«И этот оттенок древесины мне тоже по вкусу. Он такой строгий, но не слишком темный. На таком фоне хорошо самосовершенствоваться».

Я осмотрел свой кабинет – щегольской, модный, современный. Мы потратили на эту обстановку 6 тысяч долларов в «Сан-Марко». Я не мог не подумать о деньгах, которые можно было бы выручить, если предложить все это на интернет-аукционе. Но я промолчал.

Потом ты достала большую папку, вроде тех, с чертежами, которые таскают с собой дизайнеры, открыла ее на столе и стала показывать мне

фотографии экспонатов из галереи «Стелларс», постукивая по ним ногтем.

«Например, вот это. Напоминает Норманна Роквелла. А вот здесь несколько вариантов от Форда Райли и даже один от Кампея. – Ты покачала головой. – Конечно, они такие разные, но мне нравятся все. – Ты покусала свой ноготь. – Не знаю только, хватит ли у нас для всего этого места».

«Милая?..»

Ты посмотрела на меня, приподняв брови. Судя по выражению твоего лица, происходящее было для тебя вполне осмысленным делом.

Допустим, я устал, проведя 12 часов на ногах. Четыре операции, одна из которых чуть не закончилась бедой.

«О чем ты вообще говоришь?»

И ты ответила уверенным тоном:

«О детской».

Это слово медленно поплыло по кабинету, отражаясь от стен. «Детттсссссккаяяяя». Помнится, я подумал: «Прямо как в «Питере Пэне»...»

«Бен? – Ты похлопала меня по плечу. – Дорогой, ты меня слушаешь?»

Наверное, я выглядел болван болваном, потому что ты взяла меня за руку, приподняла блузку и прижала мою ладонь к своему животу.

«Детская».

Если в тот, другой раз, в шторм, ты повернула вспять волны, подняла меня на поверхность, наполнила мои легкие воздухом, то теперь, навалившись на мой стол среди разноцветных проспектов, прижав к своему животу мою ладонь и заставив почувствовать, как под ней порхают бабочки, ты лишила меня воздуха.

Глава 30

Идти напрямик было бы слишком рискованно. Я догадывался, что озеро промерзло на несколько футов, но убедиться в этом не мог, поэтому решил его обойти. Берег озера был плоский, без завалов, как раз для нас. Мне казалось, что я вот-вот перейду на бег. Чтобы оказаться на противоположном берегу, надо было преодолеть милю. На это у нас ушло всего лишь полчаса.

Я втащил сани с Эшли на лесистый пригорок на берегу и опять ее развернул, чтобы мы оба могли увидеть чудесное зрелище.

Перед нами высилось А-образное сооружение высотой футов в сорок. Его фасад, обращенный к озеру, был целиком стеклянный. С крыши частично облетела дранка, но в остальном постройка была как новенькая. Желтая входная дверь была занесена снегом только до середины, потому что ветры здесь дули не с озера, а с противоположной стороны.

Я подтянул сани к двери и потратил несколько минут на уборку снега и на сооружение некоего подобия пандуса. Дверь была высокая, толстая, внушительная. Я уже занес топорик, чтобы одним ударом сокрушить замок, но Эшли проявила благоразумие: предложила проверить, заперто ли.

Я толкнул дверь, и она послушно распахнулась.

Вся треугольная конструкция лежала изнутри на сосновой опоре по принципу индейского типа^[20]. Пол был цементный, помещение единственное, размером с баскетбольный зал. Боковые стены упирались в пол, окна располагались спереди и сзади. Справа помещался камин – в него могли войти, не пригибая голов, двое людей – с высокой чугунной решеткой. В углу была сложена поленница высотой футов в десять – этих дров нам бы хватило до конца зимы. Я прикинул, что здесь разгрузились 6–7 грузовиков с дровами.

Посередине громоздились друг на друге две дюжины выцветших, облезлых скамеек, на которые были водружены несколько серебристых каноэ, ожидавших весны и оттепели. Слева была кухня, в глубине – лестница на второй этаж. Второй этаж, в половину меньше первого, представлял собой галерею – дюймовую фанеру на перекрещенных бревнах – над камином. Ее поддерживали свисавшие сверху тросы в руку толщиной. Галерею загромождали 50–60 двухъярусных коек, изрезанных ножами, покрытых рисунками и надписями на неизбывную любовную тему. Посередине пола осталась шелуха от съеденной белкой шишки, а

также погрызенный еще кем-то кусок пенопласта. Подоконники были усеяны сотнями трупов мух, ос и мотыльков. Почти все было покрыто толстым слоем пыли. Светильники и выключатели отсутствовали.

Наполеон спрыгнул с саней, вбежал в дом, залаял, описал четыре круга и вернулся ко мне, виляя хвостом и путаясь у меня под ногами.

Я медленно втянул сани по снежному пандусу в дом, на цементный пол. У нас обоих глаза вылезали из орбит. Я отнес Эшли к камину и стал складывать дрова для растопки. Потом огляделся в поисках источника огня. Найдя рядом с поленицей коробочку от зажигалки, я горько усмехнулся, В камине выросло отличное сооружение: наверху дрова потолще, внизу потоньше, клочки газеты из старой коробки. Осталось добыть огонь проверенным способом – трением.

Меня отвлекло от этого занятия покашливание Эшли.

– Бен?..

У меня уже пошел дым, и я не хотел отвлекаться.

– Бен!

– Что?

Она указывала вверх, на полку. Там красовался баллончик для заправки зажигалок и коробок каминных спичек. Я отшвырнул свой лук, схватил баллончик, оросил дрова и бумагу, чиркнул спичкой и кинул ее в камин.

Поступив на работу в больницу и начав получать докторскую зарплату, я пристрастился подолгу принимать душ. Я даже брился под душем. Это, конечно, роскошь, но мне нравилось вдыхать пар, нравилось подставлять под горячую воду спину, нравилось расслабление от тепла.

Мы сидели замороженные и чувствовали себя, как в бане.

Я совершенно взмок. Вся моя одежда была мокрой. Руки потрескались и шелушились, клочья джинсовой ткани, которыми я их обматывал, пришли в окончательную негодность.

Я опустился на колени и, вытянув руки, избавился от этого тряпья. Мы оба молчали. Свободными руками я стащил с себя верхнюю одежду, сел рядом с Эшли, обнял ее за плечи и прижал к себе.

Наконец-то безнадежность отступила.

Когда помещение согрелось, я отправился наверх и обшарил койки. Все они оказались пустыми, кроме одной: на ней лежал, свернутый в рулон, двойной губчатый матрас толщиной в шесть дюймов, с оборванными углами. Я выбил его об ограждение галереи, подняв тучу пыли, отнес вниз и расстелил перед огнем. Наполеон тут же улегся на матрасе поближе к огню и спрятал нос себе под хвост.

За три минуты моего отсутствия камин согрел все пространство вокруг.

Я достал свой спальный мешок, расстелил его на матрасе, потом расстегнул мешок Эшли и помог ей переместиться из своего мешка в мой. Она была слаба и даже в этом не обошлась бы без помощи. Я подложил ей под голову свой рюкзак, снял с ее ноги шину, стянул с нее и развесил на ближайшей скамье одежду.

Когда она высохла и согрелась, я стал раздеваться сам, развешивая одежду на скамье. Потом достал из рюкзака единственные оставшиеся у меня сухие вещи – спортивные трусы и майку, шуточный подарок Рейчел многолетней давности. Сейчас этот подарок был спасением.

Только после этого я направился на кухню.

Там царили две чугунные дровяные печи. От каждой тянулась и уходила в стену черная труба. Напротив печей стояли длинные рабочие столы. У другой стены находилась большая раковина из нержавеющей стали, упиравшаяся в белую газовую колонку. Все вместе определенно использовалось для того, чтобы готовить большое количество пищи для целой оравы людей.

Я покрутил кран, но вода была перекрыта. Заглянул внутрь колонки и не обнаружил там синего огонька. Колонка оказалась наполнена водой. Я принес спички, включил газ, почувствовал запах пропана и зажег колонку. Набив одну печь дровами, я разжег их и приоткрыл заслонку, чтобы огню хватало воздуха. Потом наполнил снегом большой котел, примял снег, добавил еще и водрузил его на печь.

В стене слева была прорублена грозного вида дверь с широкими петлями, засовом и тяжелым внушительным замком. Подергав ее для порядка, я вооружился длинной толстенной кочергой, засунул ее под дужку замка и подналег. Ничего. Пришлось вставить кочергу под другим углом. Замок уцелел, но отлетело ушко.

Я распахнул дверь.

Слева я увидел бумажные скатерти, сотни бумажных тарелок и тысячи бумажных стаканчиков. Справа обнаружилась еще не вскрытая коробка с пакетиками кофе без кофеина и двухгаллоновая банка овощного супа.

Вот оно!

Я повязал старый фартук, которым некогда, похоже, чистили печи, и поискал на банке срок годности. Не то, чтобы это было так важно, но я прибодрился, убедившись, что срок еще не истек. Эшли лежала перед камином, подперев локтем голову. Вытерпев полчаса, она щелкнула пальцами, свистнула, поманила меня рукой. Я шагнул на ее зов.

– Что случилось?

Она еще помахала, я подошел поближе. Эшли покачала головой.

– Ближе.

– Вот так?

– Никогда не видела ничего сексуальнее!

– Вы про меня?

Она выпятила губу, жестом потребовала, чтобы я посторонился, и указала на плиту.

– Что за глупости? Про это!

Я оглянулся на кухню.

– Про что?

– Про пар, валящий из кастрюли с супом!

– Вам нужна помощь.

– Я целых шестнадцать дней твержу вам об этом!

Через час, медленно пережевывая куски картошки и смакуя каждую ложку, она посмотрела на меня, не обращая внимания на капающий с подбородка суп.

– Что это за место?

Я налил Наполеону миску супа, которую он тут же успел слопать. Теперь он лежал у моих ног с довольной мордочкой.

– Похоже на высокогорный лагерь. Бойскаутский, что ли.

Она отхлебнула чаю.

– У них тут не только кофе, но и чай без кофеина! – Она покачала головой. – Как они сюда попали?

– Понятия не имею. Все это надо было сюда затащить. Уверен, что они не поднимали эти чугунные плиты на собственном горбу. Когда просохнет моя одежда, я попробую проникнуть в другие постройки. Вдруг что-нибудь найду?

– Не помешало бы разнообразить рацион, – согласилась она.

Наевшись супу до отвала, мы разлеглись перед камином. Впервые за несколько дней мы не чувствовали голода. Я поднял стаканчик.

– За что пьем?

Она тоже подняла стаканчик. Она так объелась, что с трудом могла пошевелиться.

– За вас.

Она по-прежнему была очень слаба. Наш ужин удался, но требовалось несколько дней, чтобы мы хоть как-то восстановили силы. Я посмотрел в окно. Снаружи валил густой снег. В белой пелене ничего нельзя было разглядеть. Я поставил стаканчик, скатал свою куртку и подложил ей под

голову как подушку. Она поймала мою руку.

– Бен?

– Что?

– Как насчет танца?

– Если я сейчас пошевелюсь, меня может вырвать. Прямо на вас.

Она засмеялась.

– Обопретесь на меня.

Я подхватил ее под мышки и аккуратно приподнял. Она неуверенно выпрямилась, потом повисла на мне, положив голову мне на грудь.

– Мне нехорошо.

Я хотел опустить ее на матрас, но она покачала головой и вытянула правую руку.

– Один танец.

Я так исхудал, что боялся потерять трусы. На Эшли была бесформенная футболка, которую пора было сжечь, белье свисало, от ягодич осталось одно воспоминание. Я держал ее руку, и мы стояли, не шевелясь, соприкасаясь лбами и пальцами ног.

– Какой же вы худой! – усмехнулась она.

Я поднял ее руку и описал вокруг нее круг. В свете огня в камине я разглядел свои выпирающие ребра, ее опухшую левую ногу, снова ставшую вдвое толще правой. Кожа на ноге натянулась как на барабане.

Она покачивалась, зажмурив глаза. Было видно, как трудно ей держаться на ногах. Я обхватил ее за талию, чтобы она не упала. Она обвила руками мою шею, повисла на мне всей тяжестью, оттягивая мои плечи вниз. Она напевала мелодию, которую я не мог разобрать. Можно было подумать, что она пьяна.

– Чтобы я больше не слышал от вас никакой дурацкой болтовни, – прошептал я. – Я вас не оставляю. Договорились?

Она перестала раскачиваться, повернула голову, приложила ухо к моей груди. Отпустив мою руку, она зажала ее между мной и собой. Несколько минут она стояла молча, потом сказала:

– Хорошо.

Ее затылок доставал мне как раз до подбородка. Я опустил голову и зарылся носом в ее волосы.

Еще через несколько минут она сказала, уставившись на меня и пряча улыбку:

– Между прочим, что это на вас надето?

Нижнее белье, которое мне подарила Рейчел, было жгуче-зеленым. В принципе ему полагалось быть обтягивающим, в таких трусах не зазорно

было бы сесть на велосипед, но на моих отощавших чреслах они висели совершенно неподобающим образом.

– Я всегда смеялся над бельем, которое выбирала Рейчел. Мне хотелось «Виктория'з Сикрет», что-то с воображением, а она предпочитала «Джоки» – функциональность в ущерб форме. Однажды я в шутку преподнес ей на день рождения ужасные трусы в бабушкином стиле: на пару размеров больше, едва ли не до подмышек, совершенно вопиющий предмет. А она в отместку стала их носить, да еще купила мне вот это.

Эшли приподняла брови.

– К этому прилагаются батарейки?

До чего здорово было смеяться!

– К этому подарку Рейчел приложила открытку, адресованную лягушонку Кермиту.

– Вот кому это бельишко точно не подошло бы!

– Ну а я его иногда надеваю...

– Зачем?

– Чтобы вспомнить...

– Что вспомнить? – спросила она, все еще смеясь.

– В частности, свою склонность воспринимать самого себя излишне серьезно. А еще про то, что смех – лучший лекарь.

– В таком случае мне тоже было бы полезно носить такое. – Она прикусила верхнюю губу. – А вам бы неплохо обзавестись футболкой с надписью «Скажи нет крэку».

Когда она устала стоять, я уложил ее на спальный мешок, налил чаю.

– Пейте!

Она сделала несколько глотков. Я приподнял ее сломанную ногу в надежде уменьшить опухоль. Нам был необходим лед.

Еще нужно было зайти в другие постройки, отыскать съестное, карту, все, что угодно. Но я еле держался на ногах от усталости, снаружи уже стемнело, в окно стучал снег. От тепла меня разморило. Я натянул высохшую одежду. Наконец-то согрелся, обсох, наелся.

Я расстелил свой спальный мешок на бетонном полу, погладил храпящего Наполеона и растянулся.

Я уже засыпал, когда вдруг вспомнил, что во время танца, при прикосновении тела Эшли, согретый ощущением близости женщины, я ни разу не вспомнил жену.

Я встал и вышел босиком за дверь, на снег. Там меня вырвало. После этого я еще долго не мог прийти в себя.

Глава 31

Лягушонок Кермит отдыхает... Эшли говорит, что к моим трусам должны прилагаться батарейки. Я здорово похудел, теперь они мне великоваты и болтаются как-то непристойно. Они и раньше мне льстили, а теперь и подавно.

Через три месяца тебя стал тревожить твой животик. Я замечал, как ты изучаешь себя в зеркале, как косишься на себя, будто бы не уверена, как тебе следует относиться к происходящему. Носить мешковатую одежду тебе еще не хотелось, а обтягивающую уже не годилось. Ты застряла на полпути. Еще не по-настоящему беременная, но уже не сказать, что не беременная. У тебя под пупком как будто помещался мячик. Как раз вышел фильм «Изгой»^[21] с Томом Хэнксом, и мы прозвали нашего ребенка Уилсоном^[22].

Потом он стал проявлять активность, поворачиваться у тебя внутри. Ты стала теревить меня. Я перезванивал тебе из операционной, с висящей на одном ухе синей маской.

«Я вас слушаю...»

«Уилсону хочется с тобой поговорить».

«Соедини нас».

Ты прижимала трубку к животу, и я беседовал с нашим сыном – или дочерью – о том, кем он/она станет. Потом ты говорила: «Опять брыкается! Кажется, у нас будет футболист. Или: «Все тихо, уснул, наверное».

Однажды в пятницу – ты была на четвертом месяце – я вернулся домой позже обычного. Тебе ужас как захотелось жареного окуня-люциана, и я заказал столик в «Ферст Стрит Гриль». Я нашел тебя в душе, ты смывала с волос шампунь и не увидела меня. Я привалился к дверному косяку и стал развязывать галстук, любуясь тобой – мокрой, беременной, ослепительной... моей.

Ничего красивее и сексуальнее я в жизни не видывал.

Ты наконец заметила меня.

«Лучше тебе не позволять моему мужу ловить тебя за таким разглядыванием».

«Он поймет», – ответил я с улыбкой.

«Неужели? Кто ты вообще такой?»

«Твой доктор».

«Вот как?»

«Ага».

«Ты пришел меня полечить?»

Я широко улыбнулся.

«Как я погляжу, ты уже не нуждаешься в лечении».

Ты со смехом потянула меня за галстук.

Рейчел... Когда я оглядываюсь на свою жизнь и ищу в ней мгновение, которое вобрало бы в себя все остальные счастливые моменты, то останавливаюсь на этом.

Хотя и следующее было не хуже.

Глава 32

За окном светало. Наступил семнадцатый день. Намело много свежего снега. Я ценил теплую сухую одежду на вес золота. Эшли спала. Ее лицо пылало, она что-то лепетала во сне, но ей было тепло и впервые за столько дней удобно. Я нашел на стене рычаг, позволявший закачать в бойлер воды, и дернул его. В раковину полилась ржавая вода. Я дождался, пока она посветлеет, выключил и снова включил бойлер.

Само слово «ванна» звучало сладкой музыкой.

Я засунул за ремень топорик, взял лук и пошел искать другие постройки. Отдохнувший Наполеон проводил меня до двери, потом выскочил следом за мной на свежий снег, в который сразу провалился по брюшко и застрял, как машина, севшая на ось. Я взял его на руки и приласкал. Он зарычал, как будто хотел напугать снег своим рыком, и мы двинулись. Снежинки, которые падали ему на морду, он пытался поймать и съесть. Я почесал ему живот и сказал: «Мне нравится твое настроение».

Утро было ясное, морозное, кое-где установился наст, но нетвердый: при каждом шаге я проваливался по колено. Я решил, что надо подумать о новых снегоступах.

Всего я насчитал семь построек. Одна представляла собой душевую, разделенную на мужскую и женскую секции. Там я нашел несколько кусков мыла и рулоны туалетной бумаги. Унитазы и краны не работали; может, и можно было как-то подать воду, но я не нашел переключателя.

Пять жилых домиков были А-образными, однокомнатными, двухуровневыми, с дровяными печками, коврами на полах, чердаками. В одном я нашел даже откидывающееся кресло. Все двери были отперты.

Шестой жилой домик оказался двухкомнатным – возможно, в нем обитал учитель или главный в группе. В задней комнатухе стояли три двухэтажных койки с матрасами. В ногах каждой лежало по зеленому свернутому одеялу – толстому, шерстяному. Всего шесть штук. На одной койке обнаружилась даже подушка. В шкафу нашлось три сложенных белых полотенца и пазл из тысячи фрагментов. На коробке не было картинки, но я потряс ее, и она оказалась тяжелой, чем-то заполненной. К полу был прикручен металлический сейф, запертый на два висячих замка.

Я сбил топориком сначала один замок, потом другой и поднял крышку. Пусто!

В гостиной была дровяная печь, стояли два деревянных табурета и

пустой письменный стол со скрипучим креслом. Я выдвинул верхний ящик стола и нашел выдавшую виды игру «Монополия».

В три приема я перетащил в главный дом все, что нам требовалось, включая кресло. Закрывая дверь после третьего захода, я увидел самое важное.

На стене висела рельефная карта, прикрепленная кнопками. До дорожной она не дотягивала, на ней даже расстояния не были указаны. Скорее, карта смахивала на схему, с помощью которой местные власти рекламируют национальные парки своей округи и их близость к окрестным населенным пунктам. На этой карте горы были пластмассовыми, в белых шапках. Вверху красовалось крупное название: «ГОРЫ ХАЙ-УИНТАС». Сбоку было написано: «Национальный лесной заказник «Уэсэтч», в правом углу – «Национальный лесной заказник «Эшли».

«Как символично!» – подумал я.

В середину «Эшли» указывала стрелка с рамкой, в которой было написано: «Доступно только пешком и верхом. Пользование механическими средствами транспорта запрещено круглый год».

Внизу карты была надпись, обещавшая «1,3 млн акров дикой природы для семейного отдыха».

В левом верхнем углу находился Эванстон, штат Вайоминг, от него на юг уходило шоссе № 150. На шоссе было написано мелким шрифтом: «Закрито зимой».

По полям карты резвились человечки на сноубордах, мальчишки на лыжах, девочки на лошадках, отец и сын охотились на лося, парочки гоняли на снегоходах, туристы с рюкзаками и ледорубами лезли на гору. Здесь были представлены все виды отдыха на открытом воздухе в подобной местности. Наверху, с запада на восток, пролегла федеральная автострада № 80, связывавшая Эванстон и Рок-Спрингс. Из Рок-Спрингс тянулось на юг, к городку Вернал, шоссе № 191. Из Вернала на запад вело шоссе № 40, пролежавшее по нижнему краю карты и связывавшее несколько городков, а потом сворачивавшее наверх, на северо-запад, и пересекавшееся с шоссе № 150, ведущим на север, к Эванстону.

В центре этой рельефной картинки, внутри заказника «Эшли», кто-то всадил кнопку, поставил крестик и приписал черной тушью «Мы здесь». Я снял карту со стены и возвратился вместе с Наполеоном в главный дом, к огню.

Уже перед домом Наполеон кого-то заметил на снегу и устроил погоню. Я так и не увидел, за кем он гонится, а он исчез, прежде чем я успел запретить ему отходить от меня, пропал за деревьями с лаем,

поднимая фонтаны снега.

Эшли еще не просыпалась. Я свалил на пол свою добычу, пододвинул стул поближе к камину и выглянул за дверь, но Наполеон все еще гавкал где-то в отдалении. Я решил, что не следует слишком за него беспокоиться. Из нас троих он лучше всего мог о себе позаботиться. В каком-то смысле мы лишали его свободы.

Я вернулся на кухню и развел огонь в одной из чугунных печей. Раковина, отлитая то ли из нержавеющей стали, то ли из цинка, стояла на подпорках толщиной в мою руку. Чаша у нее была глубокая и таких размеров, что в ней можно было усесться вдвоем. А сверху на нее можно было бы взгромоздить целый дом.

Я вымыл раковину и заполнил ее горячей, чуть ли не обжигающей водой. Когда я в нее залез, пар поднялся к самому потолку. Это был один из самых восхитительных моментов за последние недели.

Я вымылся, дважды отскреб себя с мылом всего с ног до головы. Когда я вылез и вытерся, нельзя было не заметить, что теперь от меня исходит совсем другой запах. Я подбросил в камин дров, раскалив его почти добела, постирал наши вещи и повесил их сушиться. Наконец вернулся с двумя кружками чая к Эшли, она как раз начала просыпаться. Я опустился перед ней на колени, помог сесть. Она начала пить, держа кружку двумя руками.

После третьего глотка она понюхала воздух.

– Вы стали лучше пахнуть.

– Я нашел мыло.

– Вы вымылись?

– Дважды.

Она поставила кружку и протянула руки.

– Я тоже хочу.

– Только учтите, от горячей воды у вас еще сильнее распухнет нога.

Когда вы закончите, мы снова обложим ногу льдом. Согласны?

– Конечно!

Я помог ей дохромать до раковины. Покосившись на свои ноги, она удрученно покачала головой.

– А бритву вы случайно не нашли? Хотя бы ржавую...

Я помог ей залезть на край раковины и опустил в воду, которая дошла ей до плеч. Она медленно согнула левое колено, закинула ногу на рабочий стол раковины, откинула голову на сушилку для посуды, закрыла глаза и вытянула руку, требуя жестом кружку.

Я принес ей чай и услышал:

– Скоро я буду так же чудесно пахнуть.

Удивительно, как благотворно ванна влияет на настроение!

Я отошел. Подходя к камину, я оглянулся и крикнул:

– Вы не поверите, как называется лес, в котором мы находимся!

– Не томите!

– «Национальный лесной заказник «Эшли».

Выходя из дома, я слышал ее смех.

Глава 33

Эшли принимает ванну. Я стою на свежем воздухе. Ветер крепчает. Не знаю, спаслись ли мы или просто оттягиваем неизбежное.

Твоей беременности четыре с половиной месяца. Ты лежишь на столе, медсестра выдавливает тебе на живот гель (ты предпочитаешь называть это так) и начинает елозить по нему щупом.

Я подал медсестре конвертик и сказал: «Пожалуйста, не говорите нам сейчас результат. Мы сегодня ужинаем в ресторане. Просто напишите, мальчик или девочка, и спрячьте записку в конверт. Мы откроем его за ужином».

Она кивнула и стала показывать нам головку, ножки, даже ладошку. Волшебное зрелище! Я видел все это десятки раз, но впервые это произвело на меня такое впечатление.

Потом она захохотала.

Мы бы охотно посмеялись с ней вместе, но почему-то не стали. «Что такое?» – спросил я. Она только покачала головой, что-то чиркнула на бумажке, лизнула конверт и отдала его мне со словами: «Поздравляю. Мать и дитя здоровы. Желаю приятного вечера».

Вечер действительно получился приятным. По дороге домой ты спрашивала как заведенная: «Как ты думаешь, мальчик или девочка?»

«Мальчик, – отвечал я. – Определенно парень».

«А если девочка?»

«Хорошо, девочка. Конечно, девчонка!»

«Только что ты был уверен, что у нас будет сын!»

Я засмеялся.

«Да я понятия не имею, дорогая! Мне все равно. Кого родишь, того и люблю».

«Мэттьюс» – наш любимый ресторан наискосок от площади Сан-Марко. Нас усадили в заднем кабинете. Мы оба сияли. Кажется, никогда еще я не видел тебя такой счастливой.

Никогда.

Не помню, что мы заказали, скорее всего, блюдо от шеф-повара, потому что Мэттью сам вышел к нам, поздоровался и поставил на стол шампанское. Сидим, любуемся пузырьками в бокалах и отблесками свечей в глазах друг у друга, конверт лежит на столе. Ты пододвинула его мне, я –

тебе, ты – снова мне. Так несколько раз. Наконец ты прижала его моей ладонью.

«Нет, ты, – возразил я. – Твоя работа. Ты заслужила».

Ты взяла конверт, открыла его ногтем, вынула записку и прижала ее к груди. Все это со смехом. Ты медленно развернула записку и прочла.

Кажется, ты сделала это дважды или трижды, потому что прошло, наверное, минуты три, прежде чем ты удостоила меня ответом.

«Ну же! – не выдержал я. – Кто?!»

Ты положила записку на стол и взяла мою руку.

«Оба».

«Брось, милая, не мучай меня. Либо то, либо другое. – Тут меня осенило, и я вытаращил глаза. По твоим щекам бежали слезы. – Неужели? – Ты кивнула. – Двойня?»

Ты снова кивнула и закрыла лицо салфеткой.

Я вскочил, поднял свой бокал с шампанским, постучал по нему лезвием ножа и обратился к остальным посетителям ресторана:

«Леди и джентльмены! Вы уж меня простите, ребята, просто я хочу объявить, что моя жена... подарит мне на Рождество двойню».

Мы заказали шампанского всем присутствующим, Мэттью поздравил нас своим фирменным яблочным коблером, тающим во рту. Этой вкусоности хватило на весь ресторан.

По пути домой ты молчала. У тебя голова шла кругом: детская комната, цвет обоев, вторая колыбель. Все в двух экземплярах. Мы вошли, и ты сбежала в ванную. Через несколько секунд раздался твой зов:

«Милый?»

«Что?»

«Мне нужна твоя помощь».

Войдя, я застал тебя перед зеркалом в трусиках и бюстгальтере, с пузырьком масла с витамином Е в одной руке. Другой рукой ты уперлась себе в бедро. Сунув мне пузырек, ты сказала:

«Твоя задача до Рождества – следить, чтобы я не покрылась растяжками и чтобы живот у меня не отвис до колен. Лей!»

Ты улеглась на кровать, и я вылил весь пузырек тебе на живот.

«Грубиян!» – крикнула ты.

«Просто я пытаюсь умаслить каждый квадратный дюйм».

«Бен Пейн!»

Я обработал тебе живот, спину, ноги, все тело. Ты покачала головой.

«Я чувствую себя поросенком, смазанным салом».

«И запах соответствующий».

Помню, как ты рассмеялась, а я все продолжал тебя растирать.

В общем, повеселились мы на славу.

Через час, а может, через три, ты, уставившись в потолок и забросив ногу на ногу, спросила: «Ты думал об именах?»

«Еще нет. Я еще в шоке».

Ты сложила руки на животе, поменяла ноги и, покачивая одной ногой, сказала:

«Майкл и Ханна».

У меня что-то щелкнуло в голове. Кусочки пазла сложились идеально.

Я улегся ничком, припал губами к твоему тугому животу и зашептал их имена. Ответом мне были пинок и тычок. С этого момента нас стало четверо.

Может быть, это был переломный момент. Если бы я только мог вернуться и начать все сначала, снова купаться в смехе, в тепле, в сумасшедших мыслях о рождении наших детей, в скользком пахучем масле с витамином Е...

Уверен, что былого мне все равно не превзойти.

Глава 34

Наполеон долго не возвращался, и я уже начал беспокоиться. Когда высохла моя одежда, я взял лук, застегнул куртку и вышел. Ветер дул мне в спину, крутил на льду озера снежные буруны. Я свистнул – ничего. Тогда я поднял воротник и стал подниматься по его следам на бугор, нависавший над озером. Судя по зигзагам, Наполеон кого-то преследовал. Идти по его следам было нелегко, снег уже почти полностью их запорошил. Со второго по счету бугра я наконец увидел его на берегу озера, неподвижно лежащего на красном снегу. Подойдя ближе, я убедился, что эту кричащую окраску приобрел не только снег. Я приготовил стрелу и подошел к нему сзади. Услышав меня, он зарычал, но оглянуться не удосужился. Я описал круг, чтобы оказаться в поле его зрения, оглядел заросли вокруг и тихо произнес:

– Привет, дружище, это я. Ты в порядке?

Он перестал рычать, но отказывался выпускать из лап комок пуха – раньше белый, а теперь красный. Я опустился на колени в нескольких футах от него.

Наполеон оказался не пострадавшей, а атаковавшей стороной. Под ним лежали остатки кролика: две лапки и косточки. Я одобрительно покивал.

– Молодчина! Как насчет того, чтобы найти еще парочку и принести в большой дом?

Он покосился на меня, еще немного погрыз, пожевал, фыркнул и стал облизываться.

– Я тебя не осуждаю. Просто я тоже голоден. – Я выпрямился. – Найдешь дорогу обратно?

Решив, что я подобрался слишком близко, он взял в зубы останки кролика и унес подальше.

– Как хочешь.

На обратном пути я успел поразмыслить. Находясь в тепле, сухости, не опасаясь стихии, мы все же нуждались в пище. А еще нужно было как-то отсюда выбираться, причем срочно. Если сильно разбавлять суп, то его хватило бы еще на сутки. Выходило, что мы нашли всего лишь теплую и сухую могилу.

Я возвращался другой дорогой, не по берегу озера. Несколько раз мне попадались лосиные следы. Один лось был, судя по всему, особенно крупным. Набрел я и на следы кроликов. Их ни с кем не спутаешь из-за

их прыжков, лосей – потому, что они очень грузные и глубоко проваливаются в снег.

Мне необходимо было практиковаться в стрельбе из лука, но при этом не забывать, что при промахе стрела зароется в снег так глубоко, что ее уже ни за что не найти. Так я быстро израсходую все стрелы.

Я вернулся в наш треугольный дом, разжег камин и проверил, как дела у Эшли. Она расшалилась в воде, как дельфин, и велела мне убираться. Я принес из маленького домика кусок ковра, сложил его несколько раз, прикрепил к скамейке, приделал к коврику бумажную тарелку. В центре тарелки я вырезал дырку размером с монету в 10 центов.

Комната была 40 ярдов в длину, а мне нужно было футов пятнадцать. Я отсчитал шаги, попятился, прочертил носком ботинка черту на пыльном полу. Вставил в лук стрелу, прицелился в мишень, сосчитал до трех и осторожно нажал на спуск, послав стрелу к цели. Стрела вонзилась в тарелку на три дюйма выше дырки. Так же обстоятельно я готовился ко второму выстрелу. Вторая стрела отклонилась чуть правее первой. Результат третьего выстрела был таким же.

Требовалась поправка: я чуть-чуть сместил «глазок» – кружок в прицеле. Стрелять надо было каждый раз с одного и того же места и с одинаковой силой давить на спуск. Во всяком случае, теоретически. Смещая «глазок» вниз, я так же смещал и точку попадания стрелы.

У меня получилось, хотя и не идеально. Я сделал еще одну поправку – и, как оказалось, переборщил. Пришлось приподнимать стрелу. Через полчаса я уже мог попадать с пятнадцати футов в «яблочко». Правда, не всегда: идеально точным получался каждый третий-четвертый выстрел.

Услышав шум, Эшли спросила, в чем дело.

– Я пытаюсь повысить наши шансы на сытный ужин.

Она выстирала свою футболку и нижнее белье и кое-как развесила все это над раковиной. Потом Эшли протянула руки, и я помог ей выбраться из раковины-ванны. Она обернулась полотенцем и подоткнула его на груди, как обычно делают женщины.

– У меня кружится голова.

Она оперлась на меня, чтобы не потерять равновесие, и проговорила с закрытыми глазами:

– Я слышала, что мужчины – рабы своего зрения. Вид голой женщины их возбуждает. А вас?

Я повел ее к камину.

– Я по-прежнему ваш врач.

– Вы уверены? Разве врачи – не люди? – Тут она попала в точку. – Я же

почти голая!

Ее руки и ноги исхудали, зато она вымылась и пахла гораздо лучше. Эшли вытерлась, и я позволил ей опираться на меня, как на костыль. Я довел ее до кресла, устройство которого обеспечивало необходимый подъем сломанной ноги и снятие давления. С дровами я переборщил: в доме было слишком жарко. Пришлось приоткрыть дверь, и температура быстро вернулась к норме.

Эшли подняла палец.

– Бен? Вы не ответили на мой вопрос.

– Я не слепой, Эшли. Вы красивая, но не моя. – Я проверил огонь в камине. – И потом, я все еще люблю свою жену.

Она опять подняла палец.

– Я полуголая и не вылезаю из мешка с тех пор, как вы меня в него засунули. Вас я видела обнаженным полдюжины раз. Стоит мне захотеть в туалет, вы тут как тут. Скажите, как вы с этим справляетесь? Вам трудно находиться так близко от меня?

– Честно?

– Честно.

– Нетрудно.

Она как будто удивилась и даже огорчилась.

– Получается, я вас совершенно не волную?

– Я этого не говорил. Вы можете сильно меня взволновать.

– Тогда как вас понимать?

– Все смотрели фильмы о чужих людях, волею судьбы оказавшихся вместе на краю света. В конце концов они, как герои «Офицера и джентльмена»^[23] – помните Ричарда Гира в этой роли? – начинают кататься по пляжу, сплетаясь в пылких объятиях. Страстная любовь решает все их проблемы. Конец фильма: герои уходят в закат с трясущимися коленками и со слезами на глазах. Но мы с вами в реальной жизни. Я хочу вырваться отсюда и попасть домой. Причем с нетронутым сердцем. Та часть моего сердца, которая нуждается в наполнении, и так полна. Она принадлежит Рейчел. Что бы вы ни делали, этого не изменить.

– Что же, за все время, с самого аэропорта, с катастрофы и до сих пор, вам ни разу не хотелось секса со мной?

– Почему, хотелось.

– Теперь вы меня запутали.

– Одно дело соблазн, другое – поступок. Поймите меня правильно, Эшли. Вы замечательная. Вы необыкновенно хороши собой. У вас тело греческой богини – хотя я бы предпочел, чтобы вы побрили ноги! И мне не

сравниться с вами в остроумии. Стоит нам заговорить – и у меня начинает заплетаться язык, я лепечу что-то, как полный болван. И все-таки существует парень по имени Винс, который предпочел бы, чтобы я отнесся к вам определенным образом, и никак иначе. Познакомившись с ним, я могу пожалеть, что оступился. А мне хочется смотреть ему в глаза и ничего не скрывать. Потому что, уж поверьте мне, скрывать что-то бывает нелегко и больно. – И я выразительно посмотрел на нее. – Потом, когда все это останется позади, мы оба пожалеем, если я отнесусь к вам так, а не иначе. Мне хочется не сожалеть о содеянном, оглядываясь назад. – Я нервно сжимал и разжимал пальцы. – Мы с женой расстались из-за одного моего поступка. Можно сказать и иначе: из-за того, чего я не сделал. Теперь мне приходится с этим жить. Секс с вами или с кем-то еще более продлит эту разлуку. Как ни хорош мог бы быть этот секс, боль разлуки он не ослабит. Я стараюсь напоминать себе об этом всякий раз, когда...

– Когда что?

– Когда у меня появляются мысли, не подобающие вашему врачу.

– Значит, вам не чуждо ничто человеческое?

– Еще как не чуждо!

Она немного помолчала.

– Я ей завидую.

– Вы мне ее напоминаете.

– Как это?

– Ну... физически: вы подтянутая, спортивная, сильная. Наверное, вы могли бы одним ударом свалить меня с ног. – Услышав эти слова, она рассмеялась. – Интеллектуально тоже: мне не хочется с вами спорить. Вы берете быка за рога, а не ходите вокруг да около, смотрите проблеме в лицо. У вас большой запас сил, о чем свидетельствует ваше чувство юмора.

– В чем ее главная слабость?

На этот вопрос мне не хотелось отвечать.

– Ладно, не отвечайте. В чем была ее главная слабость перед вашим расставанием?

– То же, что составляло ее главную силу.

– А именно?

– Любовь ко мне и к нашим близнецам.

– Как это понимать?

– Мы всегда были для нее на первом месте. Она не думала о себе.

– Разве это слабость?

– Бывает и так.

– А вы что предпочли бы?

Я постарался тщательно выбрать слова.

– Я предпочел бы, чтобы она была эгоистичной, как я.

Я поднял с пола кусок фанеры размером в три квадратных фута, стряхнул пыль, положил его ей на колени и поставил сверху коробку с пазлом.

– Видите, что я нашел? Картинки нет, поэтому я не знаю, что требуется собрать, но это вас займет.

Она сняла с коробки крышку и высыпала на фанеру содержимое. Первым делом она выбрала из кучи кусочки с прямыми углами.

– Хотите помочь?

– И не подумаю! Мне смотреть на это месиво и то тошно!

– Не такая уж страшная задача. – Она ловко сортировала элементы хаоса. – Главное – терпение. Рано или поздно все сложится.

Я уставился на горку перед ней.

– А если нет?

Она пожала плечами.

– Обязательно сложится. Возможно, не так, как кажется сначала.

– Мне терпения не хватит.

– Сомневаюсь.

– Нет, благодарю, – ответил я, качая головой.

Из-за непрекращающегося снегопада мы сидели в сером полумраке. Температура воздуха снаружи менялась мало, на окне под коньком нашего «треугольника» выросла паутина изморози.

Меня не радовало, что отек с ноги Эшли не спадал.

– Разрешаю называть меня «громовое бедро», – сказала она ^[24].

Я вынес наружу наш большой котел, слепил дюжину снежков и поставил котел рядом с ее левой ногой. Потом убрал пазл, свернул полотенце, подложил его ей под колено и принялся массировать снежками место перелома.

Она извивалась, заложив руки за голову.

– Мне это не нравится...

– Потерпите несколько минут. Сейчас нога онемееет, и станет легче.

– Пока что мне совсем невесело.

Я извел уже четыре снежка, а она продолжала стонать. Чтобы отвлечься, Эшли отвернулась к окну. Я занимался ее ногой уже полчаса. За это время нога у нее стала ярко-красной, но опухоль все не спадала.

– Будем повторять это каждый час, хорошо?

Она молча кивнула. Вид у нее был неважнецкий: глаза налились

кровью, лицо пылало. Так могла подействовать ванна, но у меня было ощущение, что дело совсем не в этом.

– У вас есть предположения, где мы находимся? – спросила она.

Я развернул карту и показал на крестик, отмечавший наше местоположение.

В следующую минуту в дверь прошмыгнул Наполеон. По дому он шествовал так, словно был здесь полным хозяином. Подойдя к углу матраса, он покружил, улегся, свернулся калачиком, накрыл лапкой мордочку и закрыл глаза. На мордочке еще остались следы кроличьей крови, брюшко наполнилось и округлилось.

– Где он пропадал?

– Завтракал.

– Нам он хоть что-нибудь оставил?

– Я пытался его вразумить, но было уже поздно.

– Неужели вы не могли стянуть у него хотя бы кусочек?

– Представляете, что значит поднести руку к его зубам, когда он ест? – Я покачал головой. – Я остался бы без пальца.

Она погладила ему брюшко.

– Похоже, у него взрывной темперамент. – Она перевела взгляд на меня. – Какой у вас план?

– На сегодня у меня намечена рекогносцировка. А также попытка раздобыть что-нибудь на ужин.

– А потом?

– Потом – ужин. Но нужно дожидаться прекращения снегопада.

– А потом?

– Будем есть до тех пор, пока не наедемся. Дальше – сборы и новый марш-бросок.

– Куда пойдем?

– Об этом говорить пока рано. Я буду решать проблемы постепенно.

Она откинула голову и зажмурилась.

– Дайте мне знать, когда все продумаете. Я подожду вас здесь.

Я слепил еще десяток плотных снежков и положил их в отдалении от камина, с другой стороны кресла. Разрезав на полосы одно из шерстяных одеял, я обмотал ими кисти рук и взял лук.

– Если я не вернусь через час, сами начинайте прикладывать лед к ноге. Помните: полчаса со льдом, час отдыха. И не забывайте пить.

– Есть, сэр!

– Я не шучу про полчаса и час.

– Лечащему врачу приходится подчиняться.

– Вот и хорошо.

Я вышел за дверь. Поднялась вьюга, между деревьями возникали снежные завихрения, ветки со стоном наклонялись почти до земли. Я продрался сквозь чащу и залез на бугор за лагерем. Озеро лежало в кольце скал, за которыми начиналась еще одна долина.

Я рассматривал лагерь, думая о том, что люди, бойскауты, должны как-то добраться сюда, на чем-то приехать. Не могли же их просто сбросить с вертолета. Предположим, они пришли пешком или приехали верхом, но где тропы? Если мы действительно находились в заказнике «Эшли», куда разрешалось добираться только на своих двоих или верхом, то не могли сильно углубиться.

Я двинулся на юг и вскоре нашел то, что искал – узкую, петляющую, засыпанную снегом тропу, на которой могли бы разойтись две лошади. Она вела от озера в соседнюю долину через перевал. Понятно, что ребяшня с рюкзаками не могла прийти сюда пешком через весь штат. Ногами они миновали бы, наверное, не больше нескольких миль. Разве что это был лагерь для редких «скаутов-орлов», в чем я сильно сомневался: лагерь был слишком велик и предназначался для множества людей.

Я начал мерзнуть. Шерсть грела мои руки лучше, чем джинсовая ткань, но и она пропускала холод. Мне срочно нужно было вернуться к нашему очагу.

Эшли проспала урывками весь день. Я продолжил прикладывать к ее ноге холод. Иногда это ее будило, иногда нет. Сон был сейчас для нее лучшим лекарством. Каждая минута сна превращалась в банковский депозит, подлежащий закрытию после прекращения наших с ней мучений. У меня было ощущение, что их конец уже не за горами.

Ближе к сумеркам, когда серость за окном сменилась на темную мглу, я вернулся с луком туда, где раньше видел следы всевозможной живности. Там я подтянулся на ветке и забрался на осину. Сидеть неподвижно мешал мороз. Когда уже почти совсем стемнело, я заметил углом глаза мелькнувшее белое пятно. Я пригляделся. Движение возобновилось.

Не более чем в пятнадцати ярдах от меня сидело шесть кроликов. Я медленно натянул стрелу, целясь в ближайшего к себе зверька. Сделав мелкий выдох, я нажал спуск. Стрела попала кролику между плеч, и он забился на снегу. Остальные так и остались сидеть, и я послал в них вторую стрелу.

Я торжественно принес в дом две кроличьих тушки на осиновой ветке и повесил их над огнем.

Эшли складывала на коленях пазл.

– Всего два?

– Я стрелял три раза.

– Ну и?..

– Один удрал.

– Как так?

– Знаете, Лига стрелков и за такой результат присудила бы высший приз.

– Ладно, в порядке исключения я бы не стала с ней спорить.

Я зажарил кролика и даже нашел в чулане соль. Эшли впила зубами в ножку. С миской супа в одной рукой и с крольчатинной в другой, она улыбнулась до ушей.

– Вы хорошо готовите кролика.

– Спасибо. Пусть хоть кто-то произнесет это волшебное слово.

– Между прочим... – Она неспешно жевала, наслаждаясь вкусом. – Не очень-то похоже на курицу.

– Кто вам сказал, что крольчатина должна быть похожа на курицу?

– Никто. Просто на курицу похоже буквально все. – Наклонив голову, она выбрала небольшую косточку. – Хотя нет, это не так. – Она выбрала кость побольше. – С тех пор, как я с вами связалась, я уже забыла, какой у курицы вкус.

– Спасибо.

Через полчаса между нами стояла тарелка костей и две пустые миски. Мы разлеглись, наслаждаясь чувством сытости. Сильнее всего меня порадовала соль. Я пролил после катастрофы столько пота, так напрягся, что электролиты были нужны моему организму позарез. Пока что вполне можно было довольствоваться чистым натрием.

Эшли указала кивком на коробку с «Монополией» на столе.

– Вы играете?

– Давно не пробовал.

– Я тоже.

Еще через три часа она захватила три четверти доски, стала собственницей всех отелей, а я оказался на пороге банкротства, поскольку был вынужден платить аренду за каждый бросок кубиков.

– Ну вы даете!

– Помню, мы иногда играли в детстве.

– Иногда?

– Даже, пожалуй, часто. – Она бросила кубики. – Так какой у вас план?

– Дождаться конца снегопада, а потом подумать...

Она считала, передвигая свою фишку.

– Я не о том, как отсюда выбраться. Я спрашиваю, как вы поступите, когда вернетесь домой. С вашей женой.

Я молча пожал плечами.

– Выкладывайте!

– Я...

– Что вы заикаетесь?

– Да вы слова не даете сказать!

– Даю. Говорите. Как вы поступите? Такой хороший человек, как вы, не может плохо себя вести.

– Все сложно.

– Неужели? Добро пожаловать на Землю. Здесь все непросто. Я жду вразумительного ответа. Что вы ей наговорили?

– Кое-что.

– Вы не одиноки. Что именно?

– Такие слова обратно не возьмешь.

– Почему?

– Потому что это... Она... – Я закрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Вы были правы?

– Да, но это меня не извиняет.

– Рано или поздно вы перестанете принимать все так близко к сердцу. Я пытаюсь вам помочь. – Она указала на мой диктофон. – У вас лучше получается болтать с этой штучкой, чем со мной.

– Я с самого начала вас предупреждал.

– Вы не очень много на него записываете. Почему?

– Может, я уже иссяк?

– Знаете, человек всегда может взять обратно любые свои слова. Неужели вы сказали что-то настолько ужасное? Слова – это только слова.

Я отвернулся, ковыряя кочергой в камине и глядя на огонь.

«Палками и камнями можно поломать мне кости», как поется в детской песенке... Но если хотите нанести кому-то по-настоящему глубокую рану, воспользуйтесь словами.

Эшли спала беспокойно, бормоча что-то во сне. После полуночи я встал и подбросил в огонь дров. Потом скатал спальник с ее ноги и провел ладонью по ее бедру. Опухоль уменьшилась, кожа уже не была такой натянутой. То и другое было отрадно. Рядом с Эшли на фанере лежал пазл, приобретший какие-то очертания. Всю картинку еще нельзя было угадать,

но в одном углу уже вырисовывалась гора. Увенчанная снежной шапкой.

Она лежала в отблесках огня. Длинные ноги, одна приподнята, другая лежит ровно. Расслаблена. Отросшие жесткие волосы на икрах и кудрявые на бедрах – свидетельство времени, истекшего после катастрофы. Голова слегка повернута, футболка морщит на ключице, трусики стали велики и не обтягивают бедра.

Я дотронулся до ее макушки, убрал волосы за ухо, провел пальцем по шее, вдоль руки до самых пальцев. На ее коже появились мурашки.

– Эшли?..

Она не шелохнулась, не ответила.

Треск дров в камине заглушил мой шепот:

– Я...

Она повернула голову. Глубокий вдох, длинный выдох. Глаза двигались вправо-влево под веками. Я так и не сказал правду.

Глава 35

Через неделю мы опять поехали к врачу. Тебя тошнило в каждую урну. Я чувствовал себя ужасно. Стоило мне сказать тебе об этом, ты твердила: «Как иначе, это же твоя работа!»

С этим невозможно было поспорить.

Вынашивание двойни требовало частых ультразвуковых обследований, причем скрупулезных. Твой врач пристально за нами наблюдал. Учитывая мое положение в больнице, они ухаживали за тобой, как за родной.

Нас вызвали. Снова гель на живот, снова елозящий по животу щуп. Они развернули монитор, пристроили его над твоим животом, и мы услышали биение двух сердечек. Все нормально, да?

Или нет?

Оператор убрала щуп, отошла, потом вернулась, сканировала живот еще раз и произнесла:

«Я сейчас».

Спустя три минуты, хотя показалось, что прошло три часа, вошел Стив, твой врач, неуверительно скрывавший свою озабоченность. Он изучил изображение, покивал, сглотнул, похлопал тебя по ноге.

«Шейла проведет несколько анализов. После этого я жду вас у себя в кабинете».

«Стив, – я подал голос, – я умею понимать врачебные недоговорки. В чем дело?»

Он был уклончив – еще один плохой знак.

«Может, и ни в чем. Анализы покажут».

Я ответил бы так же, если бы пытался подсластить пилюлю. Из-за моей спины доносилось странное эхо сдвоенного сердцебиения.

«Что он говорит?» – спросила меня ты, держась обеими руками за живот. Я покачал головой и вышел за врачом в коридор.

Это было излишне. Выражение его лица было красноречивее слов.

Мы сели напротив врача. Было заметно, что ему было тяжело. Он встал, обошел свой стол, принес кресло. Мы сели в кружок.

«Рейчел... Бен... – Его взгляд бегал, он не знал, на кого смотреть, весь вспотел. – Произошло частичное отслоение».

«Что это значит?» – спросила у меня Рейчел.

«Это значит, – ответил он за меня, – что плацента отслоилась от

стенки матки».

Ты положила ногу на ногу.

«И?...»

«И... Я видел отслоения и побольше, но и это не маленькое».

«Каков вывод?»

«Полный постельный режим».

Ты сложила руки на груди.

«Этого я и боялась».

«Давайте подождем. Если удастся замедлить процесс или даже остановить его, то все будет хорошо. Для паники нет причин».

В машине на обратном пути ты положила руку мне на плечо.

«Как все это понимать, док?»

«Так и понимать: будешь вынашивать лежа, вспомни сотню фильмов, которые ты всегда хотела посмотреть. Прочти несколько десятков книжек».

«Все утрясется?»

«Если отслоение остановится».

«А если нет?»

«До этого еще не дошло, давай не будем торопить события».

«Но...»

«Милая, давай преодолевать препятствия постепенно».

Глава 36

Дневной свет сочился сквозь ветки, отражаясь от снега. Я брел по горному склону. Снегопад никак не прекращался, навалило уже фута три свежего снегу, и каждый шаг давался с трудом. Без снегоступов я бы пропал. Сейчас снег был сухой и пушистый, мороз мешал ему липнуть. В случае потепления условия стали бы гораздо хуже.

За целый час я не увидел никакой живности. На обратном пути я спустился ниже, в заросли. За нашим треугольным домом я вдруг разглядел еще одну, восьмую по счету, постройку – меньше остальных, размером с сарай. Ее выдавала торчавшая из снега дымовая труба. Все остальное было засыпано снегом.

Я описал вокруг трубы круг, соображая, где может находиться дверь, потом стал отбрасывать снег. Добравшись до бетонной стены и не обнаружив двери, я принялся за снег с противоположной стороны. Вместо двери я докопался до окна, попробовал его открыть, потерпел неудачу и ударил в стекло ногой. Однослойное стекло разлетелось осколками внутрь. Я выбил острые зазубрины топориком и пролез внутрь.

Я попал на склад. Одна стена была завешана старыми седлами, уздечками, стремянами. Здесь же висели рыболовные катушки без лески и инструменты: молотки, отвертки, мотки проволоки, ржавый нож, банки с разнокалиберными гвоздями и шурупами. Рядом с очагом лежали меха – видимо, здесь подковывали лошадей. Все вместе походило на мастерскую – лагерю такого типа она была необходима. На другой стороне висели автопокрышки, какие-то трубки, даже колесная цепь. Я почесал в затылке. Если сюда добирался четырехколесный транспорт, то это означало, что мы находимся недалеко от границы заказчика, то есть гораздо ближе к дороге, чем я думал раньше.

Казалось бы, у меня были основания ликовать, надеяться на лучшее. Но если я дам себе волю, то Эшли прочтет это на моем лице и тоже загорится надеждой. А вдруг все кончится ничем? Угасшая надежда гораздо хуже безнадежности.

Я продолжил осматривать склад. Пока что у меня не было ответа на вопрос, каким образом сюда, в такую даль, попало столько добра. На чем привезли кухонный скарб и все прочее? Потом я задрал голову.

Наверху, на стропилах, лежали шесть-восемь настоящих синих пластмассовых саней. Такие цепляют к снегоходам или полноприводным

машинам, иногда в них впрягают лошадей. Сани были разной длины и ширины. Я снял одни – длиной футов семь, достаточно широкие, с полозьями, и легкие – весом не больше 15 фунтов.

Я повернул сани боком, выпихнул их в окно и уже сам был готов вылезти, но напоследок еще раз посмотрел вверх. И не зря: поверх других саней лежало несколько пар снегоступов. Я мог бы их и не заметить. Вот теперь у меня действительно сильно забилося сердце. Кто-то их там сложил, то есть пришел на них в лагерь. Раз это смогли сделать другие, значит...

Снегоступов оказалось в общей сложности четыре пары – все старые, пыльные, с задубевшим, потрескавшимся плетением; однако рамы были прочными. Я выбрал те, которые мне подошли лучше остальных, завязал их на ногах и вернулся в наше треугольное убежище, волоча за собой сани.

Эшли, разбуженная моим появлением, пригляделась и спросила:

- Что это такое?
- Ваша волшебная карета.
- С толстым жеребцом в оглоблях?
- Очень смешно!

Я снял упряжь со старых саней и приделал ее к новым. В них Эшли, закутанной в шерстяные одеяла и спальные мешки, было бы гораздо удобнее.

- Вот и новое средство передвижения.
- Из него мне придется неотрывно смотреть на ваше заднее место.
- Или на то, что от него осталось.
- Все равно одно и то же зрелище не может не надоесть.

К ней вернулось чувство юмора – еще один хороший знак.

Днем мы продолжили играть в «Монополию». Правильнее сказать, Эшли продолжила скупать недвижимость и заламывать несуразную арендную плату. Один раз, трясая в руках кубики, она сказала: «Вам конец!» У нее выпало восемь, и она лишила меня последнего имущества.

- Вам никто не говорил, что вы занимаетесь нечестной конкуренцией?
- Нет, а что? – Она явно торжествовала.

К концу дня я заложил все, чем располагал, и надеялся отстоять жалкие 200\$, прежде чем она, то есть банк, окончательно лишит меня права выкупа и последних штанов.

Надежда не оправдалась. Меня вышвырнули на улицу, и она минут десять злобно хохотала, как гиена.

За час до наступления темноты я сунул ей пазл со словами:

– Я скоро.

Нацепив снегоступы, я отправился на поиски пропитания. Снег валил уже не так сильно, но от этого легче не становилось. Мир вокруг меня был погружен в безмолвие. Стояла оглушающая тишина.

Я не мог не задуматься о том, насколько изменилась моя жизнь. Ни телефонов, ни голосовой и электронной почты, ни пейджеров, ни вызовов по внутрибольничной связи, ни новостей, ни радио... Только потрескивание огня, голос Эшли и скрип когтей Наполеона по цементному полу.

Но я все равно не мог не напрягать слух...

Я шел полчаса и преодолел, должно быть, с милю, прежде чем набрел на склон с множеством следов. Весь снег был здесь перепахан. Я засел под осиной и стал ждать. Вскоре появилась лиса, улизнувшая еще до того, как я успел натянуть тетиву. Потом прибежала лань, но, почуяв меня, задрала свой смешной хвост, громко фыркнула, топнула копытцем и унеслась во весь опор. До меня дошло, что я выбрал не лучшее место для засады, не учтя розу ветров. Было и другое объяснение: животные чувствовали запах мыла. Охота оказалась более сложным занятием, чем по телевизору.

Уже почти стемнело, поэтому я решил посидеть еще минут пять. Прибежал кролик, запрыгавший от меня вниз по склону, потом вверх по противоположной стороне. После второго или третьего прыжка он почуял меня, но я уже выпустил стрелу – и не промахнулся.

Я возвращался к Эшли почти вслепую, ступая по своим следам. Наполеон опять убежал, Эшли уснула в кресле с пазлом на коленях. Я вскипятил воды, в последний раз заварил чай и сел рядом с ней, поворачивая кролика над огнем.

Когда я достаточно его прожарил, она проснулась, и мы стали медленно есть, тратя на жевание больше времени, чем обычно, и наслаждаясь вкусом. Кролика было мало даже для одного, не то что для двоих.

Вскоре вернулся Наполеон. Я успел всерьез к нему привязаться. Он был суров, но умел при необходимости проявить нежность и отлично о себе заботился. Он вошел, облизывая свою окровавленную мордочку. Его брюшко приятно округлилось. Он добежал до своего участка матраса, описал круг, повалился на спину и задрал кверху лапки. Я почесал ему брюшко, и он рефлекторно задержал одной лапкой.

– Хорошо, что он отъелся, – сказала Эшли. – Я уже за него беспокоилась.

Пока я любезничал с Наполеоном, из кармана моей рубашки

вывалился диктофон. Заметив это, она сказала, не глядя на меня:

– Как долго не разряжаются батарейки!

– Я запасся ими в аэропорту.

– Как давно это было! Просто в другой жизни.

– Это верно.

– Такие же батарейки вы используете для своих трусов? – спросила она с улыбочкой.

– Я сейчас умру от хохота!

– Что, собственно, вы ей рассказываете? – Я не ответил. – Что-то очень личное?

– Нет.

– Тогда что?

– Про снег, про наше паршивое положение.

– Вы говорите ей, что вас не устраивает такая спутница, как я?

– Нет. Конечно, мне приходится волочить вас через всю Юту, а так вы – спутница что надо.

– Так я вам и поверила! – Эшли прыснула. – Почему бы не признаться ей, что вы по ней скучаете?

За облаками, судя по проникавшему в дом странному свету, возшла луна. На нашем цементном полу появились размытые тени.

– Я признавался.

– Уверена, что вам есть еще в чем признаться.

Я покрутил диктофон в руках.

– Я много чего ей наговорил. Лучше вы расскажите, как скучаете по Винсу.

– Сейчас соображу... Мне недостает его кофемашины, чтобы сделать капучино, запаха его «Мерседеса», чистоты его холостяцкого пентхауса, шикарного ночного вида с его балкона. Если играет команда «Брейвз», оттуда видны огни стадиона «Тернер Филд». С каким наслаждением я бы сейчас слопала там хот-дог! И здоровенный сдобный крендель! Что еще? Мне недостает его смеха, его заботы. Он никогда не забывает позвонить мне, даже когда занят.

– Кажется, вы голодны?

– Нет, с чего вы взяли?

Она уснула, а я еще долго лежал и размышлял. Как мало она рассказала мне о Винсе!

Глава 37

Прошел месяц. Ты была готова лезть на стену. Со страхом ждала следующего УЗИ. Мы приехали в больницу, Стив встретил нас в холле. Оператор нанесла гель, Стив хмуро уставился на экран.

Оператор перестала елозить щупом и посмотрела на него бесстрастным взглядом. В неведении пребывала одна ты.

«Может быть, кто-нибудь со мной поговорит?» – взмолилась ты.

Стив дал тебе полотенце и взглядом выставил оператора за дверь. Я помог тебе вытереть гель и сесть.

Стив привалился к стене.

«Отслоение усилилось. Стало гораздо хуже. – Он не отрывал взгляд от своих пальцев. – Это не значит, что вы больше не сможете иметь детей, Рейчел. Это аномалия. Вы здоровы и еще сможете родить».

Ты посмотрела на меня, и я перевел:

«Милая, стало хуже. Теперь плацента держится на ниточке».

Ты посмотрела на Стива.

«Мои младенцы в порядке?»

«На данный момент – да».

«Они получают питание?»

«Да, но...»

Ты подняла две ладони – два стоп-сигнала.

«На данный момент они в порядке?»

«Да, но...»

«Что «но»? О чем тут еще говорить? У меня постельный режим. Я сниму палату в вашей больнице. Сделаю что-нибудь еще. То есть все, что потребуется».

Стив покачал головой.

«Рейчел, если случится отрыв...»

«Пока еще этого не произошло?»

«Рейчел, если бы вы уже лежали на операционном столе, и я готовился бы вас оперировать, и тут вдруг произошел бы отрыв, то и тогда я не был бы уверен, что успею извлечь плод и остановить кровотечение, прежде чем вы умрете от потери крови. Ваша жизнь в опасности. Я вынужден забрать младенцев».

Ты посмотрела на него как на умалишенного.

«Куда вы их заберете?»

«Вы знаете, что имеется в виду».

«Я вам не позволю!»

«В таком случае вы трое рискуете умереть».

«Какие у меня шансы? В процентах?»

«Если я прямо сейчас повезу вас в операционную – неплохие. Дальше цифры валятся с обрыва вниз».

«А если нет?..»

«Даже если мы будем тщательно за вами наблюдать, шансов почти нет. Любая минута может оказаться последней. Как только произойдет отрыв, начнется внутреннее кровотечение...»

«Но можно предположить, что если я пролежу еще месяц, а потом мне сделают кесарево сечение, то мы отправимся домой как счастливая семья: две колыбельки, двое вконец измотанных родителей? Можно?»

«При условии строгого соблюдения постельного режима это не исключено, но маловероятно. Выиграть в Лас-Вегасе и то проще. Поймите, это все равно что проглотить капсулу с цианистым калием. Если капсула лопнет, то уже ничего не исправить».

«Мои дети – не цианистый калий».

«Рейчел...»

Ты остановила его жестом.

«Есть шанс, что мы выживем?»

«Технически – да, но...»

Ты указала на экран.

«Я выдела их лица. Вы сами мне их показали в вашем объемном телевизоре с высоким разрешением, которым так гордитесь».

«Будьте благоразумны!»

«Я не хочу остаток своей жизни вспоминать их личики и мучиться оттого, что позволила вам их «забрать», хотя на самом деле вы ошиблись и они выжили бы. Если бы не вы с вашими предсказаниями, они родились бы живыми».

Ему больше нечего было возразить. Доктор посмотрел на меня, пожал плечами.

«Рейчел, пока что это просто... сгустки клеток».

Ты взяла его ладонь и положила себе на живот.

«Стив, я хочу познакомить вас с Майклом и Ханной. Они очень рады знакомству с вами. Ханна играет на фортепиано, она может стать новым Моцартом. Майкл – математический гений и бегун, как и его отец. Он надеется изобрести средство от рака».

Стив упрямо мотал головой.

Вы оба никак не могли договориться, а я не был в состоянии вам помочь. Но все-таки я вмешался:

«Сколько у нас есть времени? Реально, чтобы принять решение? Спокойно, на трезвую голову?»

«Максимум до завтрашнего утра, – ответил Стив. – До рассвета. – Он перевел взгляд на тебя. – Вы еще сможете иметь детей. Такого больше не случится. Это случайный сбой, несчастный случай. Вы сможете все начать сначала».

Ты сложила руки на животе.

«Какой несчастный случай, Стив? Мы сделали детей».

Мы доехали до дому в молчании. Ты сидела, сложив руки на животе и скрестив ноги. Я поставил машину. Ты стояла на крыльце с развевающимися на ветру волосами. Я заговорил первым:

«Милая, позволь я тебя уложу».

Ты кивнула, и я отнес тебя наверх на руках. Мы сели и уставились на волны. Океан волновался, предвещая грозу.

«Послушай, твои шансы действительно невелики».

«Каковы эти шансы?»

«Я бы сказал, меньше десяти процентов».

«А что говорит Стив?»

«Он считает, что и того меньше».

Ты отвернулась.

«Семьдесят пять лет назад ни о чем подобном и речи не было. Люди были меньше осведомлены».

Я не стал спорить.

«Ты права. Но сейчас не Великая депрессия, мы живем в современном мире. Благодаря достижениям медицины или несмотря на них мы обладаем технологией, которая повышает наши шансы».

«Бен, мы уже сделали наш выбор. – Ты склонила голову набок. – Той ночью, пять месяцев назад. Это тогда мы рискнули, а теперь просто продолжаем рисковать».

Я прикусил губу. Ты положила мою ладонь себе на живот.

«Я вижу их личики. У Майкла твои глаза, у Ханны мой нос... Я знаю их запах, знаю, как кривятся их губки, когда они улыбаются, знаю, какой формы мочки их ушек, знаю все бороздки на их пальчиках. Они – часть меня... нас».

«Это эгоизм».

«Жаль, что ты так на это смотришь».

«Десять процентов – это ничто. Это смертный приговор».

«Это лучик надежды. Это возможность».

«Ты готова сделать ставку на тонкий лучик?»

«Я не намерена корчить из себя Бога, Бен».

«Я не прошу тебя заменить Бога. Позволь Ему все решить. Дай Богу побыть Богом. Я видел все эти картины, Иисуса с детишками. Пусть у него будет еще двое. Мы увидим их, когда сами там окажемся».

«Он получит этих двоих, только если в сделке приму участие я. – Ты уже не скрывала слез. – Seriously, какой процент тебя устроит? Какой процент должен был назвать Стив, чтобы ты был спокоен?»

«По крайней мере, выше пятидесяти».

Ты покачала головой, провела пальцем по моему лицу.

«Надежда есть всегда».

Я был сердит, мне было горько. Я не мог себя сломать. Мне приходилось бороться с тем, что я в тебе любил: с твоей сосредоточенностью лазерного луча, с твоей неодолимой силой. В тот момент я все это ненавидел.

«Рейчел, это безнадежно. Напрасно ты пытаешься заменить Бога».

«Я люблю тебя, Бен Пейн».

«Вот и докажи это».

«Я доказываю».

«Ты любишь не меня. И даже не их. Ты любишь свою идею о них. Иначе ты сейчас была бы не здесь, а в операционной».

«Я люблю их из-за тебя».

«Забудь их. Я их не хочу. Тебе надо оперироваться. У нас еще будут дети».

«Ты что, серьезно так думаешь?»

«Рейчел, будь моя воля, ты бы сейчас лежала в операционной».

«Ты совершенно уверен, что произойдет полный отрыв?»

«Нет, но...»

«Сейчас мои дети живы?»

«Рейчел, последние пятнадцать лет своей жизни я посвятил изучению медицины. Я заслуживаю кое-какого доверия. Это не детская игра. Ты рискуешь жизнью. Ты умрешь и оставишь меня одного».

Ты повернулась, и я увидел в твоих глазах изумление.

«Бен, гарантий не существует. Мы все зависим от случайности».

«Почему ты так упрямишься? Хотя бы на минуту подумай о ком-то другом, а не только о себе. Откуда столько эгоизма?»

«Я думаю не о себе, Бен. Настанет день, когда ты это поймешь».

Я переоделся, зашнуровал кроссовки и, уходя, так хватил дверью, что

она чуть не сорвалась с петель.

Я устроил себе пробежку. Полмили по пляжу, потом назад. Ты стояла на террасе, опершись об ограду, и наблюдала за мной.

Закрываю глаза – и вижу тебя...

Доходя до этого места нашей истории, я всегда спотыкаюсь, не зная, как рассказать о том, что было дальше.

Глава 38

Минуло еще два дня. После катастрофы прошло уже три недели. То мне казалось, что мы здесь уже целый год, то, что мы упали с небес только вчера. Странное это было чувство, странное место: время здесь и ускорялось, и замедлялось.

Проснувшись, я почувствовал слабость и сжал руками виски. За последние два дня мы съели кролика и двух бурундуков, больше ничего. Не сказать, чтобы мы стремительно теряли силы, но и о наборе веса речи не было. Мне нужны были калории, иначе на спасение можно было не надеяться. В доме мы находились в безопасности и в тепле. На поддержание огня, дремоту и игру в «Монополию» много энергии не надо. Но стоило мне надеть упряжь и выйти за дверь, как все становилось понятно. Потеть, расходовать силы, дрожать на морозе, на ветру, под снегом было превыше моих сил, тем более с пустым баком.

Нам требовалось еще несколько дней на создание запаса еды по той простой причине, что я не мог одновременно тащить сани, следить за состоянием Эшли и охотиться. Нужно было добыть мяса примерно на неделю, заморозить его и только потом выступить в поход. Поторопиться значило бы обречь себя на смерть от голода и холода.

Хотя даже подготовка не давала гарантии выживания.

Эшли проснулась вскоре после меня, потянулась и сказала:

– Я каждое утро просыпаюсь с одной и той же надеждой: вот открою глаза – и увижу, что мы уже вернулись в мир, где гудят локомотивы, где по пути на работу меня дразнит запах из «Старбакса» и где все мои проблемы – это забитые дороги и беспрестанно звонящий телефон. Где... – Она поерзала и скорчила гримасу. – Где существует адвил, а также... – Она засмеялась. – Одноразовые бритвы и крем для бритья.

Я уже привык к этому смеху. Моя борода уже так отросла, что перестала меня беспокоить.

– Да будет так!

Она опять потянулась.

– Я бы не пожалела тысячу долларов за омлет, тост, овсянку, сыр – сыру побольше! – и острую колбасу. – Она подняла палец. – И кульминацию в виде кофе и сырных плюшек.

Я пошел в кухню вскипятить воды. В животе у меня бурчало.

– Вы совсем мне не помогаете.

Я помассировал Эшли ноги и приободрился: опухоль почти прошла, кровообращение полностью восстановилось. Я усадил ее в кресло и сказал: – Я уйду почти на весь день. Вероятно, вернусь уже затемно.

Она кивнула и взяла на руки Наполеона. Я оставил рядом с ней пазл, засунул в рюкзак спальный мешок, нацепил снегоступы, взял лук и топорик и зашагал вокруг озера. Я научился ходить на снегоступах правильно – так, чтобы они не цеплялись друг за друга. Я взял с собой одну из катушек Гровера: я надеялся поставить силки.

Подул ветер, началась вьюга. Жесткие снежинки кололи мне лицо. Я обогнул озеро, двигаясь туда, где несколько дней назад видел лосиху с лосенком. Мяса лосенка нам хватило бы на пару недель.

На берегу озера, там, где, судя по следам, часто бывали звери, я поставил на снегу силки, сузив с помощью веток звериную тропу.

На противоположном берегу озера было много лосиных следов. Здесь они разрывали снег и утоляли голод. Я живо представил себе эту картину: лоси стоят на льду озера и жуют ветки, тянущиеся с берега. Лед и снег позволяли им дотягиваться до верхних веток.

Мне нужно было где-то спрятаться. Берег озера порос соснами, елями, пихтами, осинами. Я выбрал осину неподалеку от скопления лосиных следов – ярдах в тридцати, с подветренной стороны, с ветками у самого снега. Потом нарубил веток, чтобы за ними можно было укрыться, отбросил от ствола осины снег и сделал из него подобие барьера, чтобы спрятаться от ветра и стать невидимым. Разрывая снег, я нашел несколько больших камней и соорудил из одного из них кресло, используя в качестве спинки саму осину. В снегу перед собой я устроил амбразуру для наблюдения и стрельбы, приготовил стрелу, залез по грудь в спальный мешок и приготовился ждать. Днем я застрелил кролика и зарыл его рядышком с собой в снег. Больше ничего полезного я не увидел, задремал и очнулся за час до сумерек.

Когда совсем стемнело, я пошел обратно. Найти дорогу было нетрудно, достаточно было держаться между деревьями по правую руку и широким белым пространством по левую. Я проверил свои ловушки. Первая была нетронута, вторая сработала, но осталась пустой. Я снова ее наладил и потащился домой, соображая, что еще можно сделать. Это как в лото: хочешь выиграть – играй на нескольких досках.

Я освежевал кролика и повесил его на длинном сучке над огнем. Потом вымыл лицо и руки. Примерно через час мы поели. Эшли разговорила – вот что значит весь день просидеть одной в четырех

стенах. Мне болтать не хотелось: я бы предпочел остаться наедине со своими мыслями и с несколькими вопросами, на которые у меня не было ответа.

Она уловила мое настроение.

– Вам не до разговоров?

Поев, я сматывал с катушек леску для новых силков.

– Простите. Наверное, у меня не получается делать несколько дел сразу.

– Вы же работаете в отделении экстренной помощи? – Я утвердительно кивнул. – А там вам приходится иметь дело с множественными травмами. – Новый кивок. – Значит, там вы справляетесь с несколькими делами сразу. Почему же не здесь?

– Вы берете у меня интервью для статьи?

Она приподняла брови – универсальный женский сигнал, означающий «я жду».

Зеленая леска должна была успешно затеряться среди хвои. Я отрезал дюжину кусков лески одинаковой длины – по восемь футов и завязал на концах скользящие узлы. Потом сел на своем спальном мешке и скрестил ноги.

– Мы на распутье.

– Это продолжается с момента падения самолета.

– Да, но теперь все немного по-другому.

– Как это?

Я передернул плечами.

– Остаться или идти? У нас есть крыша над головой, мы в тепле, нас могут здесь обнаружить, хотя, скорее всего, это произойдет только через два-три месяца. Если мы уйдем, то останемся без убежища и без еды, не зная, сколько придется пройти. Если удастся накопить еды, то ее можно будет зажарить и упаковать, чтобы продержаться в пути неделю-другую. Новые сани не чета старым, снегоступы тоже, но...

– Что не так?

– Остается одно большое неизвестное.

– А именно?

– Расстояние. Мы не знаем, сколько миль должны будем преодолеть: двадцать, пятьдесят, а может, и того больше. Я уже не помню, сколько дней продолжается снегопад, насыпало четыре фута свежего снега, нам будут угрожать лавины и...

– Что еще?

– Что, если я потащу вас в эту выюгу только для того, чтобы мы оба

сгинули. Если остаться здесь, то велик шанс, что нам повезет.

Она легла поудобнее.

– Как я посмотрю, вы попали в сложное положение.

– Я?

– Вы, кто же еще?

– Я не хочу навязывать вам решение. Решаем мы оба.

Она закрыла глаза.

– Утро вечера мудренее. Никто не заставляет вас принимать решение прямо сейчас.

– Повторяю, решаю не я, а мы.

Она улыбнулась.

– Лично я собираюсь спать. Можете сообщить мне ваше решение утром.

– Вы меня не слушаете.

Она взяла Наполеона под мышку и натянула спальный мешок до подбородка.

Единственным источником света был огонь в камине, который я исправно подкармливал дровами – благо их у нас было навалом.

– Дайте мне знать, когда подберете слова для своего истинного беспокойства.

Я догадывался, что она говорит это с улыбкой.

– Уже подобрал, – ответил я, почесывая бороду.

– Неправда. Оно еще вас не отпустило. – Она указала на дверь. – Почему бы вам не пойти погулять? Захватите с собой диктофон. Вернетесь со свежей головой.

– До чего вы надоедливая!

Она кивнула.

– Я стараюсь быть не очень надоедливой. Ступайте. Мы будем вас ждать.

Глава 39

Имеешь ли ты к этому отношение? Не знаю, как ты это сделала, но держу пари, что это ты посадила ее вместе со мной в самолет. Не пойму, что она говорит... То есть кое-что я понимаю, но все равно не считаю, что она права. Ладно, она права. Пожалуйста: она права! А я опять разговариваю с этой железкой, потому что только ей могу доверить свои мысли.

Вы обе можете радоваться!

Ну и как мне быть? Я толком не охотился с тех пор, как дедушка отвел меня в школу. Разве что разок-другой на птичек. Пару раз был на оленьей охоте. Но все это несерьезно. Мы тогда не принимали это всерьез, просто время убивали. Дед брал меня на охоту, потому что должен был брать на охоту моего отца, когда тот был маленьким, но не делал этого, вот отец и вырос таким. Я был утешительным призом. Мне и горя было мало: я любил деда, дед любил меня, мы подружились, и я хотя бы на время избавлялся от отцовского гнета. Мы стреляли мимо – подумаешь! На обратном пути мы куда-нибудь заезжали – в «Вэффл Хаус», в «Макдоналдс» или в «Вэндис». Бывало, лакомились морепродуктами по системе «съешь, сколько сможешь». Мы просто общались, это не было вопросом жизни и смерти.

А если я теперь промахнусь или раню дичь и не найду ее, если вообще ничего не увижу, потому что дичь меня почует или заметит, то мы умрем от голода. Здесь все всерьез. Еще как всерьез! Напрасно я редко смотрел телевизор. Как звали того британца-путешественника из программы «Выжить любой ценой»? Медведь-Гриллс? А героя программы «Наука выживать»? Тот и другой уже давно выбрались бы из этого гиблого места. Мои мучения вызвали бы у них хохот.

Что поделать, если, садясь в самолетик Гровера, я понятия не имел, что мне придется спастись в такой глуши охотой с луком и стрелами? Знаю, многие выживают в несравненно худших условиях, но наши условия от этого не становятся лучше. Мы угодили в ад – оттого, что этот ад ледяной, нам как-то не легче. Я сам понятия не имею, что делаю. Каждая минута для меня наполнена ужасом: если я что-то не предприму, эта изувеченная девушка умрет медленной смертью.

Вот я и высказался: я раздавлен ответственностью. Как же иначе? Она бы сейчас сидела в кресле после свадебного путешествия, болтала бы

по телефону, рассылала бы электронные сообщения своим друзьям или куда-нибудь торопилась бы, наслаждаясь своей ролью свежееиспеченной жены. А вместо этого она лежит беспомощная в лесной глуши и рядом с ней суется кособокий неумеха, только и способный, что умирить ее голодом.

Мне нечего ей предложить. Как и тебе. Спасибо вам обоим: вот я и заговорил сам с собой. Все вы, женщины, одинаковые! Почему у нас, мужчин, обязательно должен быть для вас ответ? Почему мы обязаны знать, что мы делаем и что в результате этого произойдет? Почему нам нельзя быть неумелыми, сломленными, разочарованными? Почему наш долг – помогать, устранять преграды на нашем пути?

Но ты ведь и так все это знала, верно? Я не открываю тебе ничего нового.

Прости, что накричал на тебя. В тот раз... и в последний.

Похоже, она права. Похоже, мне нужно было проветриться, избавиться от этого груза. Но я не скажу ей об этом. Она и так все знает, потому и отправила меня сюда. Она такая же, как ты. Обе вы одним миром мазаны.

Ладно, слышу. Я ей скажу. Знаю, она валяется там со сломанной ногой, в тоске, и полностью зависит от чужого человека. Хотя теперь мы не настолько чужие друг другу, как раньше. Целых три недели она справляет естественные потребности только при моей помощи. Даже в этом треугольном доме мне приходится держать ей ногу. Ей все это надоело не меньше, чем мне, но иначе ей не согнуться, не сесть, не встать. Тебе когда-нибудь приходилось приседать на одной ноге? Нелегкая задачка! Я пробовал... Так что мы уже сблизились...

Да, я на нее насмотрелся, и нет, это не то, что ты думаешь. Знаешь, о чем я? Ну, конечно, я нахожу ее привлекательной. Она такая и есть. И она... невероятная. Милая, она выходит замуж, и я пытаюсь вернуть ее домой, к жениху. Не знаю, любит ли она его. Иногда я думаю, что да, а иногда – что нет.

Но не будем это с тобой обсуждать.

Да, ноги у нее, как у тебя. Нет, она... крупнее. Не скажу, какой она носит размер. Я не изучаю ярлычки бюстгалтеров. Ну, конечно, я их видел. Мне пришлось снимать с нее лифчик после авиакатастрофы.

Нет, я не мучаюсь. Но я... скучаю по тебе.

Милая, я ее врач, вот и все. Ладно, согласен, мне приходится несладко. Ты же хотела, чтобы я был честным. Вот я это и сказал. Это непросто...

Вот что я о ней скажу: у нее редкое чувство юмора. Оно меня

попросту обезоруживает. Вот бы мне такое! Это качество сильного человека. Вроде тебя. Оно рождается где-то в глубине. Она сильная. Думаю, она выкарабкается. Если, конечно, я не заморю ее голодом.

Сдюжу ли я? Не знаю, милая. Я не думал, что и сам протяну так долго, но ведь протянул! Может ли стать хуже? Еще бы! То, что происходит сейчас, далеко не самое худшее. Худшее – это... разлука с тобой. Вот это в десять раз хуже, чем застрять в этой дыре.

Все, иду спать.

Нет, я не знаю, как мне быть. Нет, ничего не собираюсь ей говорить. Совершенно ничего! Прекрати. Ничего ей не скажу. Я больше тебя не слушаю.

Ладно, можно ей сказать, что... что все непросто. Правильно?

Нет, я не знаю как. Не знаю... Я буду честен. Честность никогда не представляла проблемы. Эгоизм – да, честность – нет. Но ты сама знала это.

Да, я скажу ей, что мне жаль. Жаль, что я повысил на тебя голос. Сейчас... и тогда.

Глава 40

На следующий день я ранним утром отправился на охоту. Много времени ушло на силки – я поставил их целую дюжину. Когда я закончил с этим, солнце было уже в зените. Вместе с двумя вчерашними силками вокруг озера получилось четырнадцать: некоторые на берегу, некоторые ярдах в ста от берега. Все их можно было проверять по пути на мою «лосиную засаду» и обратно.

В середине дня я расположился на позиции. Несколько часов я просидел зря, а потом увидел наконец лосенка и его мать, вышедших на лед озера. Лосенок пробежал несколько футов, утопая по колено в снегу, потом так же, бегом, вернулся на берег и принялся щипать ветки. Мать уже его не кормила молоком, он был слишком взрослым. Если лосенок был зачат как положено, суровой зимой, и появился на свет в мае-июне, то теперь ему было месяцев восемь. Лосиха, его мать, была очень крупной: футов семь в холке, весом не менее тысячи фунтов. Ее мяса нам хватило бы на год. Но так много нам было ни к чему. Без своего лосенка лосиха выжила бы, а лосенок без лосихи – вряд ли.

Между нами было не больше сорока ярдов, и мое сердце ускоренно забилося. Снег летел мне в лицо, значит, и ветер дул в мою сторону. Лосиха подошла на двадцать ярдов, и я всерьез подумывал о том, чтобы выстрелить в нее. Наверное, так и нужно было поступить. Лосенок догнал мать, не желая отпускать ее далеко от себя. Теперь между мной и им не было и десяти ярдов. Еще шаг-другой – и они услышали бы мое сердцебиение.

Как ни старался я не шуметь, натягивая лук, лосиха подняла голову. Большой глаз уставился на меня, вернее, на дерево. Она знала, что под деревом кто-то прячется, но кто?

Я прицелился лосенку в грудь, сделал глубокий вдох и поверхностный выдох, отсчитал три секунды...

Стрела попала в цель. Лосенок взбрыкнул, подпрыгнул, покружил на месте и поскакал через озеро, сопровождаемый матерью. На бегу лосиха задирала голову и напрягала уши – признаки максимальной настороженности.

Я отдышался, попробовал успокоиться и вспомнить момент выстрела и полет стрелы. Я целил в сердце, надеясь на быструю смерть жертвы, но, кажется, стрела ушла чуть правее и ударилась в ребра. Разница составила

двойма четыре. Стрела могла пробить легкие, испугав лосенка, причинив ему боль и обратив в бегство. Он был обречен на то, чтобы истечь кровью и испустить дух, но перед этим он был способнее пробежать целую милю. Мать его не бросит и при необходимости вступит в бой.

Оказавшись в надежном месте, лосенок остановится и дождется матери. Увидев ее, он почувствует себя в безопасности, ляжет и истечет кровью. Если я покину свою засаду и настигну их, лосенок от испуга продолжит бегство.

Я прождал примерно час, приготовил новую стрелу и пошел по следу – кровавой полоске, тянувшейся через озеро. Я не ошибся: выстрел получился неудачным. Лосенок преодолел озеро по прямой, выбрался на берег и спрятался в чаще. Я шел медленно, боясь набрести на его мать. Лосихи отважно защищают свое потомство. При виде меня она скорее бросится в атаку, чем убежит.

Снег перестал, ветер разогнал облака, надо мной появилась трехчетвертная луна. Такой светлой ночи давно не было. За мной следовала моя тень. Тишину нарушало только мое дыхание и скрип снегоступов.

Я не спешил. Через час я набрел на них. Расстояние до этого места составило как раз милю. Лосенок попытался подняться по склону, но оказался слишком слаб и съехал вниз. Мать стояла над ним и тыкала в него мордой. Лосенок лежал неподвижно.

Лосиха вскинула голову и хвост. Я крикнул, поднял над головой лук, чтобы мой силуэт выглядел более крупно. Она посмотрела на меня и отвернулась. Нюх у лосей хороший, а зрение никуда не годится. Я прошел ярдов сорок, в лук была вставлена стрела. Стрелять в лосиху мне не хотелось, но в случае атаки у меня не осталось бы выбора.

Я держался поближе к деревьям, чтобы в случае необходимости нырнуть под них.

Когда между нами осталось двадцать ярдов, ей надоело наблюдать, как кто-то к ней приближается. Она бросилась в атаку со скоростью пушечного ядра. Я отпрянул к деревьям, но снегоступы лишили меня прыти. Она ударила меня головой и грудью и отшвырнула к осине. Я ударился о ствол, сполз вдоль него, нырнул под нижние ветки и сжался в комок. Лосиха чувствовала мой запах, но не видела меня сквозь ветки. Она фыркнула, низко заревела, ударилась грудью в ветки, топнула копытом и прислушалась, наострив уши. Еще один шаг в мою сторону...

Они нагрянули внезапно – восемь волков, буквально скатившихся со склона и принявшихся рвать лосенка. Лосиха не колебалась ни секунды. Девять зверей столкнулись и превратились в ревущий клубок шерсти,

снега, зубов, когтей и копыт над неподвижным бурым телом.

Я выполз из-под дерева, лег на живот и стал наблюдать за сражением. Лосиха стояла над своим теленком, нанося точные удары копытами. Я слышал хруст костей, видел, как волки подлетают в воздух на двадцать футов. Один, выпрыгнув неведомо откуда, шлепнулся ей на спину и принялся ее драть, еще один повис у нее на горле, добираясь до трахеи и сонной артерии. Двое волков пытались разодрать брюхо лосихи. Еще двое терзали труп лосенка, два неподвижно лежали на снегу.

Не заботясь о себе, лосиха скинула волков с теленка, да так лихо, что они разлетелись в стороны, вращаясь, как футбольные мячи. Потом она занялась своими обидчиками. Она так яростно лягалась, что брызнули фонтаны волчьей крови, градом полетели волчьи клыки. Через считанные секунды раненые волки расползлись, жалобно визжа. Собравшись в 60–80 ярдах от лосихи, они обдумывали свои возможности. Лосиха стояла, залитая лунным светом, тяжело дыша и роняя на снег кровь. Она опять тормозила мордой своего неподвижного теленка. Периодически она издавала протяжный рев. Я залез в спальный мешок, уселся на рюкзак и привалился спиной к дереву.

Волки бродили вокруг еще около часа, один раз собрались было атаковать, но потом исчезли за хребтом. Я еще долго слышал их вой. Лосиха простояла над лосенком несколько часов, закрывая его от снега, повалившего снова. Поле красного снега быстро побелело, память о трагедии стерлась.

Когда рассвело, лосенок превратился в белый холмик у нее под брюхом. Она в последний раз взревела и исчезла среди деревьев. Тогда я аккуратно оттащил лосенка в сторону. Его окорока и задняя часть туши были съедены или оторваны волками. Плечам тоже досталось. Но я не унывал. То мясо, которое я все же смог добыть, тянуло на все тридцать фунтов. Этого должно было хватить на 7 – 10 дней, а то и больше.

Я сложил мясо в рюкзак и пошел к тому месту, где при нападении лосихи бросил лук. От него мало что осталось: древко раскололось, кулачки сломались, тетива лопнула, все стрелы под ее копытами раскрошились.

Я не стал собирать эти жалкие обломки. Нацепив снегоступы, я побрел назад, к озеру. Вдали виднелся наш треугольный дом, в его окнах отражался огонь в камине. Я сомневался, что Эшли уснула.

Дойдя до красной дорожки на снегу, я остановился. Издалека донеслось мычание лосихи. Пройдет день-два, прежде чем она устанет оплакивать своего теленка.

Я не раскаивался, что убил его. Нам нужна была еда. Я бы сделал то же самое опять. Одиночество лосихи тоже меня не печалило. У нее еще будут дети.

Но я не мог забыть. Как мать-лосиха стояла над своим ребенком.

Я опустил руку в снег, зачерпнул смерзшиеся кровавые ледышки. Свежий снег на глазах засыпал следы крови. Еще час – и от них ничего не останется.

Не знаю, что было причиной. Возможно, то, что пошел двадцать третий день после авиакатастрофы, возможно, моя усталость, тяжесть диктофона на груди, мычание лосихи за лесом, мысль о муках и тревоге Эшли. Скорее всего, все вместе. Я упал на колени, тяжесть рюкзака чуть не бросила меня лицом в глубокий снег. Я поднес к лицу смерзшийся комок окровавленного снега и вдохнул его запах.

Слева от меня росла сосна – прямая, высотой футов в 60. До ее нижних веток было футов тридцать.

Я сбросил рюкзак, достал из-за пояса топорик и подполз к дереву. Несколькими сильными ударами я прорубил на его стволе полосу: два фута длиной, три дюйма шириной, дюйм-два глубиной. Наступит лето, потеплеет, этот шрам набухнет смолой, и она закапает, как слезы.

Я надеялся, что так будет продолжаться не один год.

Глава 41

Ты была права... права с начала до конца.

Глава 42

Лицо Эшли сказала мне все. Я вошел и бросил на пол рюкзак. Только начав говорить, я понял, насколько устал.

– Я пытался позвонить, но было занято...

Она улыбнулась, прищурилась, поманила меня пальцем. Я опустился на колени рядом с ней. Она дотронулась до моего левого глаза.

– У вас тут глубокая рана. – Она погладила меня по щеке. – Вам дурно?

Рядом с ней лежал собранный пазл: панорамный вид на горы в снежных шапках со светящим из-за них солнцем.

– Готово? – Я внимательно посмотрел на картинку. – Это рассвет или закат?

Она улеглась и закрыла глаза.

– Зависит от того, кто смотрит.

Целый день я нарезал мясо полосками и варил его на медленном огне. Потом Эшли держала зеркало и, морщась, ждала, пока я зашью себе бровь. Пришлось наложить семь швов. Несколько раз за день мы принимались есть. Стоило только подумать о еде, как мы тут же брали кусок мяса и жевали. Наполеон от нас не отставал. Мы дали себе волю. Не объедались, но, по крайней мере, уже не голодали. К ночи мы почувствовали, что наелись.

Эшли попросила устроить ей ванну. Пока она мылась, я собирал вещи. Их у нас осталось немного: мой рюкзак, два спальных мешка, одеяла, топорик, мясо. Все ненужное я оставил, облегчив сани. Потом я помог Эшли вылезти из «ванны», устроил ее в постели и вымылся сам – кто знает, когда снова представится такая возможность?

Проснулся я перед рассветом, проспав часов двенадцать – со времени падения самолета я ни разу, кажется, столько не спал. Честно говоря, так подолгу я не спал несколько лет. Да что там несколько лет – как бы не целое десятилетие!

Хирурги, особенно травматологи, привыкли быстро принимать трудные решения в непростой обстановке. Тем не менее я медлил с решением. Как поступить: уйти? Остаться?

Уходить не хотелось. Хотелось остаться у теплого камина и надеяться, что на нас кто-нибудь набредет. Один раз нам уже повезло – с лосенком. Я

мог бы охотиться до конца своих дней и остаться с пустыми руками. Не говоря о том, что теперь у меня не было лука.

Не поджечь ли наше треугольное убежище? Знатный вышел бы факел! Но где гарантия, что пожар привлечет чье-то внимание? К тому же, если бы мы проблуждали три дня кряду и никуда не пришли, то нам требовалось бы место, куда можно было бы вернуться. Я не Колумб. Для нас важнее было знать, что нам есть куда вернуться. Надежды на то, что факт пожара станут расследовать, было мало.

Я обрезал губчатый матрас так, чтобы он уместился в сани, и накрыл его двумя одеялами. Потом я закутал Эшли, надел ей на ногу шину, застегнул на ней спальный мешок, уложил в сани. Третье одеяло в свернутом виде послужило ей подушкой. В середине саней была выемка. Таким образом между Эшли и снегом образовалась теплая воздушная подушка. Не менее важно было то, что она оставалась сухой: сани были целиком пластмассовые.

Сверху я накрыл ее брезентом, чтобы защитить от снега. Она поскребла брезент изнутри и пропела: «В нашем домике уютно и тепло...»

Я посадил к ней Наполеона. Он, видимо, тоже волновался, потому что стал с небывалым энтузиазмом лизать лицо Эшли.

Я надел гетры, сунул в спальный мешок Эшли свою куртку. Захватил спички и баллончик для заправки зажигалки, впрягся в упряжь, попрощался взглядом с нашим теплым убежищем и снова оказался под хлопьями снегопада.

Как ни странно, я неплохо себя чувствовал: не то, чтобы полным сил, но уже не обессиленным, даже не уставшим. После авиакатастрофы я сбросил фунтов двадцать, а то и двадцать пять. Теперь я весь – ну, почти весь – состоял из мускулов. Конечно, былой силы во мне уже не было. Зато потеря веса позволяла не так глубоко вязнуть в снегу, тем более в хороших снегоступах. Мне уже не нужно было расходовать столько сил, сколько раньше. Если не учитывать, что мне приходилось тащить сани с Эшли, то я с самой школы не чувствовал себя таким легоньким.

Я обвязал себя за плечи длинной веревкой и дал другой конец ей.

– Если я вам понадобится, дергайте!

Она кивнула, завязала веревку у себя на запястье и зажала подбородком край брезента.

Дневной свет заставил нас зажмуриться. Уже через несколько минут мы стали штурмовать склон, чтобы, двигаясь по тропе, добраться до перевала, ведущего в долину. Сани отлично скользили по снегу, и я не очень уставал. Вот только ветер швырялся снегом мне в лицо, налипал на

ресницах, слепил, заставлял непрерывно отряхиваться.

План у меня был нехитрый: идти, пока хватит сил. Логика и элементарное изучение рельефной карты подсказывали, что мы находимся в 30–40, максимум в 50 милях от дороги и человеческого жилья. Я не думал, старался не думать о том, протащу ли сани на такое расстояние. Одолевать миль тридцать было мне еще по силам, но если бы расстояние удлинилось, нам пришлось бы худо.

Мы одолевали небольшие подъемы и спуски, но в целом я видел, что мы спускаемся. Мне не приходилось тратить силы на преодоление зарослей и завалов, и вся моя энергия шла на продвижение вперед. Меня радовало то, что мы не блуждаем, а движемся по тропе, по пути, по которому до нас прошло множество людей. Откуда-то эти люди должны были прийти!

К полудню мы оставили позади, по моей прикидке, мили три, к середине дня – все шесть. Мне хотелось уточнить время, то и дело я по привычке смотрел на часы – и видел треснувшее стекло и капли влаги под ним. К сумеркам тропа спустилась с бугра и стала виться по плоской местности. Я поднажал. Перед каждым поворотом я оглядывался, проверяя, как поживает моя пассажирка. За день мы преодолели миль десять.

Ночь мы провели под навесом из нашего обтрепанного брезента и еловых веток. Эшли удобно устроилась на санях.

– Здесь есть место только для одного, – предупредила меня она.

Я улегся на холодный снег, подстелив под спальный мешок шерстяное одеяло.

– Как не хватает нашего камина!

– Еще бы!

– Кажется, Наполеон с нами согласен, – сказал я, прижимая дрожащего песика к себе. Он обнюхал меня и мой спальник, немного покружил по снегу и решил перебраться к Эшли. Она довольно засмеялась.

Я повернулся на другой бок и закрыл глаза.

– Главное – чтобы вам было удобно.

За утро мы прошли еще мили четыре. Стало немного теплее, почти ноль градусов – такой высокой температура не была еще ни разу после падения самолета. На склонах из снега торчали прутья – свидетельство того, что снега здесь было всего фута четыре, а не восемь-десять. Мы продолжали спускаться и находились теперь на высоте всего 9 тысяч футов. Сырой снег стал липнуть к полозьям саней, заметно утяжеляя их.

На пятой миле тропа расширилась и распрямилась. Это выглядело

почти противоестественно. Я остановился и почесал затылок. Указывая на тропу, я вел беседу с самими собой.

– Что случилось? – спросила Эшли.

– Здесь так широко, что проехал бы грузовик... – И тут до меня дошло. – Мы на дороге! Под нами дорога!

Справа я увидел что-то плоское, зеленое, проглядывавшее сквозь несколько дюймов снега. Я не сразу понял, что это, а поняв, засмеялся.

– Дорожный знак!

Я разрыл снег вокруг знака и прочел: «Эванстон 62».

Я выпрямился.

– Тут написано, что Эванстон в той стороне.

– Далеко?

– Не очень.

– Бен Пейн!

Я покачал головой, понутив голову.

– Далеко?

– Говорю же, не очень.

– Так я и думала.

Она дернула за веревку, и я снова остановился.

– Мы дойдем?

Я тронулся с места.

– Да, дойдем.

Она опять заставила меня остановиться.

– Вы протащите эти сани на расстояние, которое указано на знаке?

Я туже затянул пряжку на груди и тронулся.

– Протащу.

– Вы уверены?

– Уверен.

– Если нет, скажите об этом. Сейчас самое время признаться, если вы считаете, что не...

– Эшли!

– Что?

– Замолчите.

– Где ваше «пожалуйста»?

– Пожалуйста.

– Молчу.

Мы преодолели еще пять миль, по большей части вниз по склону. Это выглядело почти приятной прогулкой. Стемнело, из-за похолодания сани заскользили лучше, и я не останавливался еще несколько часов. По дороге

мы прошли миль десять, от «нашего» дома – все двадцать пять. Движение по дороге походило на кружение по берегу озера: главное, оставлять деревья по обеим сторонам и идти по середине белой полосы.

Уже после полуночи я увидел справа дерево странной формы. Или это было не дерево? Я выпрягся и пошел на разведку. Это была постройка восемь на восемь футов, с крышей и цементным полом. Дверь была распахнута, внутрь нанесло снегу. Я отрыл вход и вкатил сани в дом. На стене висела ламинированная табличка. Я зажег спичку и прочел: «Это будка для замерзших. Если вы попали в трудное положение, милости просим, если нет, то вам здесь не место».

Эшли нашарила в темноте мою руку.

– Все хорошо?

– Да, все хорошо. Похоже, нам разрешено здесь находиться. Вот только... – Я раскатал спальный мешок и залез внутрь. Лежать прямо на полу было непривычно жестко. – Недостает моего матраса.

– Пустить вас на мой?

– Я уже об этом подумал. Вряд ли на нем хватит места на двоих.

Она промолчала.

– Как ваша нога?

– Побаливает.

– По-другому или по-прежнему?

– По-прежнему.

– Если будут изменения в ощущениях, скажите мне.

– Что вы тогда сделаете?

Я перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

– Может, ампутирую? Чтобы больше не болела.

Она шлепнула меня по плечу.

– Не смешно!

– Ваша нога в порядке. Она хорошо заживает.

– На большой земле мне понадобится операция?

– Рентген покажет. Рентген и осмотр.

– Вы будете меня оперировать?

– Нет.

– Почему?

– Потому что буду отсыпаться.

Она снова шлепнула меня по плечу.

– Бен Пейн...

– Что?

– У меня к вам вопрос. Только, чур, ответьте честно.

– Желаю удачи.

Третий шлепок.

– Кроме шуток!

– Ладно.

– В случае чего, мы сможем вернуться назад, в дом? Если условия ухудшатся? Еще возможно возвратиться?

Мой спальный мешок истрепался и уже не так хорошо удерживал тепло. Предстояла нелегкая ночь. Я мысленно представил обратный путь до треугольного дома. Надо было подниматься в гору. Я был уверен, что уже не осилю этого.

– Да, возможно.

– Вы меня обманываете?

– Обманываю.

– Ответьте толком: да или нет?

– Возможно.

– Бен, у меня есть одна здоровая нога.

– Нет.

– Значит, пути назад не будет? Мы больше никогда не увидим тот дом?

– Похоже на то. – Я растянулся и уставился в потолок. Небо затянуло облаками, и в хижине было темно, как в норе. Учитывая, что снег вокруг громоздился на восемь футов, так оно и было. Через несколько минут Эшли просунула руку ко мне в спальный мешок и положила ладонь мне на грудь.

Она пролежала там всю ночь.

Я знаю.

Глава 43

Когда рассвело, мы продолжили путь. Эшли хотелось поболтать, но на моем состоянии сказывались последствия вчерашнего напряжения. Кроме того, дорога медленно поднималась вверх. Сначала угол подъема рос медленно, но потом начались тяжелейшие четыре мили: дорога, извиваясь, забиралась в гору. Это была та гора, что мозолила мне глаза последние два дня. Из-за угла подъема и из-за сырого снега тащить сани было крайне трудно. Я подтянул ремни на плечах, подоткнул под них руки, приналег. На следующую милю ушло три часа. К обеденному привалу мы оставили позади пять миль и поднялись примерно на тысячу футов.

Дорога продолжала карабкаться в гору, снег колот мне лицо.

К сумеркам мы проделали в общей сложности семь миль, но я был совершенно обессилен, ноги меня уже не держали. Сделав шажок, я несколько секунд отдыхал, чтобы сделать следующий. Вся надежда была на то, что мы набредем на новую хижину для замерзших путников, но надежда не оправдывалась, а идти дальше я уже не мог.

Мы встали лагерем под высокой осиной. Я сделал брезентовый тент, разложил на снегу одеяло, бросил на него спальный мешок и провалился в сон еще до того, как уронил голову.

Я проснулся глубокой ночью. Валил снег, брезент низко провис под его тяжестью. Я стряхнул снег, пожевал холодное мясо, попил воды и высунул голову наружу. На севере между облаками зиял просвет. Натянув ботинки, я нацепил снегоступы и отправился на разведку. Дорога вела в гору, и я поднялся еще на несколько сот футов. Ближе к вершине дорога стала сужаться и петлять. Обнадеживало одно: дальше предстоял спуск. Дорога резко свернула влево, и я замер, затаив дыхание. Мои натруженные ноги быстро затекали.

Низкие облака облепили горы, как ватные тампоны на ранах. Дальше, миль на тридцать-сорок, простирался просвет. Я прищурился. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что предстало моему взору.

Я отвязал брезент от осины, сложил его и разбудил Эшли. Она вздрогнула.

- Что такое? В чем дело?
- Хочу вам кое-что показать.
- Прямо сейчас?
- Да.

Я впрягся в сани и потащил их наверх. Один я преодолел подъем за четверть часа, а сейчас мучился целый час. Я торопился, надеясь, что небо останется ясным хотя бы еще немного и что она тоже сможет увидеть то, что видел я. У меня болели мышцы живота и шеи, я задышался, ремни врезались в плечи.

Мы повернули, я поставил сани над обрывом и стал ждать нового прояснения. Ветер пронизывал меня насквозь. Я напялил куртку и всунул руки в рукава. Через несколько минут облака разомкнулись, открыв прежний вид. Я показал Эшли пальцем на то, что разглядел раньше.

На расстоянии миль сорока мерцал слабый свет. Дальше, к северу, к небу тянулся дымок.

Эшли вцепилась в мою руку. Мы не произнесли ни слова. Облака то сгущались, то разлетались, подчиняясь порывам ветра. Я снял показания компаса, дождавшись, пока успокоится стрелка. Триста пятьдесят семь градусов, почти строго на север.

– Что вы делаете? – не выдержала она.

– Страхуюсь на всякий случай.

Всю ночь мы таращились вдаль в надежде на то, что в облаках появятся новые дыры. У них был оранжевый оттенок, намекавший то ли на уличные фонари, то ли на какую-то другую подсветку снизу. Вдруг там прячется что-то крупное, вдруг этот объект удастся высмотреть издали? В конце концов на востоке взошло солнце, и мы потеряли из виду искомую точку. Весь мир снова укутался белым ковром.

Дорога опять привела нас на высоту 11 тысяч футов. Мне был нужен сон, но я знал, что не усну – слишком велико было возбуждение. Мы молча бороздили снег, думая об увиденной картине, о мире, где есть электричество, водопровод с горячей водой, микроволновые печи и кофе.

Гора превратилась в плато, и мы преодолели несколько миль по вершине мира. Ветер мерно и сильно дул мне в лицо, обжигая кожу. Воздух был разреженный, снег колот щеки. Я наклонялся вперед, ловил воздух ртом и мысленно считал мили. Их оставалось примерно сорок пять.

«Сорок две мили до света... – бормотал я. – Сорок одна миля...»

Когда оставалось сорок миль, мы достигли горной седловины, защищенной от ветра выемки. На ее дне нас ждала новая хижина для замерзших бедолаг. Она была существенно просторнее первой, с тремя железными кроватями, накрытыми матрасами, очагом и кучей дров, которых хватило бы на всю зиму. Над дверью была надпись «Домик лесника». Внутри я нашел такую же табличку, как в первой хижине.

Благодаря прихваченному с собой баллончику со сжиженным газом

разжечь огонь не составило труда. Я просто сложил дрова, обрызгал их и поднес спичку. Огонь сразу занялся и пополз вверх. Убедившись, что он не потухнет, я стянул с себя мокрую одежду и развесил для просушки. Потом уложил Эшли, плюхнулся сам и уснул без задних ног.

Глава 44

Меня разбудила Эшли.

– Вы меня слышите, Бен?

– Слышу...

Уже совсем рассвело. Солнца не было, но и снега, к счастью, тоже – пока. Я не знал, который час, но, скорее всего, близился полдень.

– Долго же вы спали!

Я озирался, пытаюсь вспомнить, где мы.

У меня ужасно ныли ноги, саднило ступни и все тело с ними тоже. Я сел, и у меня тут же свело мышцы ног и живота. Я долго потягивался, приводя себя в порядок. Эшли подала мне почти полную бутылку воды комнатной температуры. Я хлебнул и испытал сладостное облегчение.

За едой я гадал, как далеко мы сможем уйти за этот день. Через полчаса я уже тянул за собой сани.

Эшли аккуратно дернула за свой шнурок.

– Бен?

– Что? – отозвался я через плечо.

– Вы, случайно, не знаете, какой сегодня день?

– Двадцать седьмой.

– Завтра будет четыре недели? – Я кивнул. – Значит, сегодня суббота?

– Выходит, так.

Я мерно переставлял ноги в снегоступах. Она снова дернула за шнурок.

– Я тут подумала... Похудеть оказалось так просто, что грех будет не заработать на таком опыте.

– Это как?

– Давайте напишем книгу о диете.

– Книгу о диете?

– Да! – Она села в санях. – Вы только подумайте! После падения мы едим одно мясо, пьем только воду и немножко кофе и чая. А посмотрите на нас! Кто станет оспаривать, что это не сработало?

Я оглянулся.

– По-моему, наша теперешняя диета – производное от низкоуглеводной диеты Аткинса, она же диета «Саут Бич».

– Ну и что?

– Как мы ее назовем?

– «Диета северной Юты»?

– Звучит скучно.

Они щелкнула пальцами.

– Как называются эти горы?

– «Национальный лесной заказник «Уэсэтч».

– А еще?

– Хай-Уинтас.

– Как насчет «Диеты для похудения «Авиакатастрофа в Хай-Уинтас»?

– На нас она подействовала, не спору, но уж слишком она строгая и дорогая для большинства людей.

– Это еще почему?

– Ну как же, мы ведь ели мясо пумы, форель, крольчатину, лосятину, пили только воду, кофе, чай. Вряд ли средний американец раскошелится на книгу в триста страниц, описывающую диету, которую я изложил вам одним предложением. Не говоря о том, что ваш мясник не сможет предложить вам мясо пумы.

– В этом вы правы.

Я наклонился и поправил ботинок.

– Все это слишком просто. Необходимо кое-что усложнить, чтобы люди приняли это за рацион астронавтов или голливудских актеров.

– Можно добавить им острых ощущений, устроив падение самолета в горах и выживание при наличии всего лишь мертвого летчика, спортивного лука, злой собаки и запутавшейся особы, пропустившей собственную свадьбу.

– Могу гарантировать, что они похудеют сильнее нас.

Она помолчала.

– Вы навестите жену Гровера?

– Да.

– Что вы ей скажете?

– Думаю, правду.

– Вы всегда так делаете?

– Что?

– Всегда говорите правду?

– Всегда. – Я ухмыльнулся. – За исключением случаев, когда вру.

Она уставилась на меня.

– Как распознать ваше вранье?

Я затянул пряжки, наклонился вперед и вырвал сани из вялых снежных объятий.

– Так и распознаете: я же не буду говорить вам правды.

- Откуда мне это знать?
- Если в следующие два-три дня я вдруг сообщу, что заказал пиццу и что ее доставят через четверть часа, то вы поймете, что это вранье.
- Вы когда-нибудь обманывали ваших больных?
- А как же!
- Что вы им говорили?
- Что мои манипуляции не причинят им никакой боли.
- Через это я уже прошла. – Ее взгляд стал испытующим. – А лгать своей жене вам доводилось?
- По серьезным поводам – нет.
- Например?
- Когда мы впервые пошли на урок танцев, я сказал ей, что мы идем в кино. На самом деле мы пришли в студию, где меня заставили надеть дурацкие башмаки и начали учить танцевать.
- Это я бы назвала ложью во благо.
- Я тоже, но от этого ложь не перестает быть ложью.
- У нее есть оправдание. Это как с евреями у вас в подвале.
- Как это?
- Эсэсовцы стучатся в вашу дверь и спрашивают: «Вы укрываете евреев?» Вы отвечаете: «Нет, не укрываю». На самом деле у вас в подвале прячутся три семьи и сидят тихо, как церковные мыши. Или как мыши в синагоге. Вот вам оправданная ложь, понятная Богу. – Она натянула шнурок. – Бен?
- Я знал, что последует дальше. Она долго бродила вокруг да около. Я выпрямился, и шнурок опал.
- Бен?
- Что? – откликнулся я, не оборачиваясь.
- Вы когда-нибудь лгали мне?
- Теперь я повернулся и внимательно взглянул на нее.
- Это как посмотреть.

Дорога, долго остававшаяся ровной, повернула направо и потянулась с плато вниз. Каждые несколько минут порыв ветра разгонял облака, и я видел путь, извивающийся под нами миль на восемь-десять. Было похоже на то, что мы вскоре спустимся на несколько тысяч футов.

Такой резкий спуск был чреват опасностью упустить сани.

Первые 4–5 миль были сущим подарком: пологий спуск, настоящий отдых. Один раз солнце пробилось сквозь облака, и мы даже увидели кусочек синего неба. Но ближе к концу дня, примерно на шестой миле,

дорога запетляла и устремилась круто вниз. Пришлось медлить и осторожничать. Если бы я поторопился, то сани набрали бы скорость и потащили меня за собой. Примерно за час до наступления темноты дорога вильнула вправо, втягиваясь в большую подкову, видневшуюся милях в десяти перед нами. Правее угадывалась очередная долина. Склоны ее были крутыми, но сама долина в поперечнике насчитывала не больше полумили.

Я прикинул, что лучше: десять миль или полмили. Если бы я решился на крутой спуск, медленно таща Эшли за собой на веревке и цепляясь за каждое дерево на пути, то мы смогли бы пересечь долину еще до темноты и срезать целых десять миль. Тогда, если от нас не отвернется удача, мы добрались бы до цели – места, где горело электричество, – уже завтра или хотя бы послезавтра.

Я повернулся к Эшли.

– Не возражаете против небольшого приключения?

– Что вы затеяли?

Я объяснил. Она прикинула расстояние, посмотрела на долину и на крутой спуск туда, начинавшийся в четверти мили от нас.

– Думаете, мы сумеем?

Покидая место катастрофы, мы спускались и в более крутых местах, но такого длинного спуска у нас еще не было.

– Если не будем торопиться.

– Я не против, – проговорила она.

Но мой внутренний голос нашептывал: «Короче – не всегда лучше».

Почему я к нему не прислушался?

Я проверил ремни и веревки. Все было как будто в порядке. Я снял снегоступы, привязал их к саням и начал спуск. Снегоступы помешали бы погружаться в снег, что при спуске было необходимо, иначе не получалось бы упора, чтобы удержать сани. Они перевалили через край и медленно съехали вниз, натянув упряжь. Я продолжил спуск, цепляясь за деревья по пути.

Получалось неплохо. Я делал шаг вниз, погружаясь в снег по бедро, хватался за ствол дерева или за ветку, подтаскивал к себе сани. И так снова и снова. За десять минут мы оставили позади половину спуска. Получалось, что всего через десять минут мы окажемся там, куда пришли бы только через полдня пути.

Наполеон сидел у Эшли на груди и наблюдал за мной. Эта затея ему совсем не нравилась. Если бы я мог поинтересоваться его мнением, он бы, кажется, посоветовал преодолеть те самые десять миль без выкрутасов, по

дороге.

За две недели непрерывного снегопада снежный покров сильно увеличился. Порой я проваливался по пояс, при том, что у меня под ногами оставалось еще футов десять снега. Еще немного – и мое барахтанье вызвало бы сход лавин.

Не помню, как эта опасность превратилась в реальность. Не помню, как оступился и покатился вниз. Не помню, как лопнула моя сбруя. Не помню и того, как и чем прервалось мое падение, хотя не закрывал глаз. Просто свет разом померк.

К голове прихлынула кровь, и я смекнул, что лежу вверх тормашками, что меня завалило снегом, что дышать очень трудно. Из снега торчала только правая нога, ею я мог двигать свободно.

Сначала я попробовал сжать кулаки, потом заворочался, увеличивая для себя свободное пространство. Крутить головой было бессмысленно. Мне почти нечем было дышать, и я знал, что долго так не протяну. Я начал разбрасывать снег. Выбраться и найти Эшли – такова была моя задача. Я дрыгал правой ногой. Откуда-то сбоку сочился слабый свет. Кричать было бесполезно.

Через пять минут я довел себя почти до истерики, но так ничего и не добился. Я застрял и мог умереть вот так, вниз головой, замерзнув и задохнувшись. Когда меня найдут, я превращусь в синее мороженое.

Мы были всего в нескольких шагах от победы. Столько мучений – ради такого бесславного конца? Что за бессмыслица!

Мне в икру вцепились чьи-то острые зубы. Я услышал рычание, попытался стряхнуть хищника, но он проявил упорство. Наконец я от него избавился. Еще через несколько секунд мою ступню тронула чья-то рука, с моей ноги стали сгребать снег. Наконец я смог двигать всей ногой. Потом из снежного плена была вызволена моя вторая нога. Мне освободили от снега грудь, потом лицо.

Ее рука стряхнула снег с моего лица, и я сделал сладчайший, глубочайший вдох в своей жизни. Эшли освободила из снега одну мою руку, после чего я смог уже самостоятельно покинуть свою снежную могилу и перевалиться на бок. Наполеон при виде чуда моего воскрешения запрыгнул мне на грудь и принялся вылизывать мне лицо.

Уже почти совсем стемнело, и я недоумевал, что за свет мне привиделся совсем недавно. Эшли лежала справа от меня. Она свалилась с саней, выпала из спального мешка на снег, лежала лицом вниз, стараясь не шевелиться. Ее руки были изодраны и кровоточили, щека раздулась. А потом я увидел ее ногу.

Времени у нас оставалось в обрез, при том, что теперь ее нельзя было двигать.

Лавина швырнула нас к основанию склона. Я утонул в сугробе. Упряжь от саней, судя по всему, спасла мне жизнь, потому что сани, оседлавшие лавину на несколько секунд, уберегли меня от полного поглощения снегом. Потом веревки лопнули, Эшли полетела вниз, как ракета, и врезалась в огромный валун, лежавший у подножия горы с последнего обледенения.

До меня она добралась ползком. У нее снова сломалась нога, причем в этот раз кость пробила кожу и вырисовывалась из-под ткани брюк. У нее был болевой шок, и без болеутоляющих любое движение грозило ей новой потерей сознания.

– Сейчас я вас переверну.

Она кивнула. Я очень старался не сделать ей больно, и все же она издала такой вопль, какой мне еще никогда не приходилось слышать.

Я отполз в сторону и нашел пустые сани. Скомканный спальный мешок остался лежать там, где она с него сползла. Одно одеяло попало под полозья. Все остальное пропало: рюкзак, еда, брезент, бутылки с водой, баллончик для зажигалки, пуховая куртка, снегоступы, мое устройство для добывания огня. Мы остались без огня.

Я расстегнул ее мешок, затащил ее внутрь, застегнул. Ее брюки были мокрыми от крови, снег вокруг тоже пропитался кровью. Я подтянул к ней сани, уложил ее на них, закутал одеялом. При моей попытке разрезать ей штанину и осмотреть ногу она покрутила головой и прошептала:

– Не надо...

После этого она перестала шевелиться. У нее дрожала нижняя губа. Попытка вправить перелом могла бы ее убить. Потеря крови была несильной. Кость сломалась наружу, а не вовнутрь – это был предпочтительный вариант. В противном случае кость пробила бы бедренную артерию и она уже лежала бы мертвой. А вместе с ней и я.

Небо затянулось тучами, снова пошел снег, стремительно темнело.

Наклонившись к Эшли, я прошептал:

– Я пойду за помощью.

Она пошевелила головой.

– Не оставляйте меня.

Я подоткнул под нее спальный мешок.

– Вы с самого начала нашего путешествия пытались от меня избавиться. Наконец-то я выполняю ваше желание.

Она промолчала. Я наклонился еще ниже, обдав ее своим дыханием.

– Слушайте меня внимательно. – Она лежала с плотно зажмуренными глазами. – Эшли! – Она повернула голову. Было видно, как ее пробивают судороги боли. – Я иду за помощью.

Она схватила и стиснула мою руку.

– Вас нельзя беспокоить. Я оставлю с вами Наполеона. Я приведу помощь.

Она еще сильнее сжала мою руку, дрожа от боли.

– Я вернусь, Эшли.

– Обещаете? – спросила она шепотом.

– Обещаю.

Она закрыла глаза и выпустила мою руку. Я поцеловал ее в лоб, потом в губы. Они были теплыми и дрожали, мокрые от крови и слез.

Я положил на нее Наполеона, встал и пошел к дороге. Тучи сгустились, и я не видел, куда она ведет.

Глава 45

Всю свою жизнь я потратил на бег. Что я хорошо освоил, так это умение смотреть на несколько футов вперед. На 4–5 шагов – не более того. Это помогает при беге на длинные дистанции: тебе уже совсем худо, и разбивать расстояние на короткие, посильные отрезки – это все, на что ты еще способен. Кто-то будет утверждать, что важнее смотреть вдаль, сосредоточиваться на финишной ленте, но мне это никогда не удавалось. Мой предел – сфокусироваться на том, что расположено прямо передо мной. Если это получается, то финишная лента никуда не денется.

Вот и теперь я просто передвигал одну ногу, потом другую. Дорога, извиваясь, уходила вниз, змеилась в направлении долины, где мы видели оранжевый свет и дымок. По моей прикидке, мне нужно было преодолеть 25–30 миль; моя скорость в лучшем случае составляла две мили в час. Мне следовало бежать, пока у меня над правым плечом не поднимется солнце.

Я смогу. Или нет?

Да.

Если не сдохну в пути.

Это было бы не так плохо.

А как же Эшли?

Как же Эшли.

Я закрывал глаза, и передо мной оставалась только Эшли. Одна она.

Было то ли 3, то ли 4 часа утра, двадцать восьмой день – кажется. Я тысячу раз падал, тысячу один раз поднимался. Снег превратился в песок, я чувствовал запах и вкус соли. Откуда-то доносился крик чаек. Отец стоял у сторожевой будки с пончиком и с кофе в руках, с недовольной физиономией. Я дотронулся до красного кресла спасателя, выругал про себя отца, развернулся и начал набирать скорость. Пляж растягивался передо мной, и всякий раз, когда мне казалось, что дом уже близко, он таял вдали, а пляж удлинялся, вместо дома возникало какое-нибудь другое событие, мгновение из жизни. Прошное разыгрывалось перед моими глазами, как в кино.

Помню, как я падал, как полз на локтях, вставал и снова падал. И так без конца.

Много раз мне хотелось сдаться, упасть и уснуть. Я закрывал глаза и

видел Эшли. Она тихо лежала на снегу, хохотала с кроличьей лапкой в руке, болтала, устроившись на санях или принимая ванну в кухне, смущалась из-за бутылки с широким горлышком, палила из ракетницы, пила кофе, вытягивала меня из снега...

Возможно, именно эти мысли заставляли меня вставать и продолжать передвигать ноги. Один раз, под луной, на бетонном мосту через речку, я рухнул с широко открытыми глазами. Картина изменилась. Я увидел ее.

Рейчел.

Она стояла на дороге одна. Кроссовки. Пот на верхней губе, пот, сбегаящий струйками по рукам, упертым в бока. Она манила меня и что-то шептала. Сначала я ничего не слышал, но она, улыбаясь, продолжала шептать. Я не мог шелохнуться. Посмотрев вниз, я попытался сдвинуться с места, но оказалось, что я вмерз в снег. Застрял.

Она подбежала, протянула руку и прошептала: «Бежим со мной!»

Рейчел передо мной, Эшли позади. Я разрывался между ними, бежал сразу в обе стороны.

Я кое-как встал, сделал шажок и опять упал. Новая попытка, новое падение. Наконец я побежал, пытаюсь догнать Рейчел. Ее локти сновали взад-вперед, как поршни, пальцы ног едва касались земли. Я опять бежал по дорожке вместе с девушкой, с которой познакомился в школе.

Дорога вела на подъем, к воротам с какой-то надписью – не помню, что она означала. Она бежала вместе со мной вверх по склону, к солнечному свету. На вершине горы я грохнулся. Мой организм дал окончательный сбой. Больше я бежать не мог. Я сделал то, чего не делал еще никогда: достиг завершения себя самого.

«Бен...» – прошептала она.

Я приподнял голову. Ее больше не было рядом, но я снова услышал: «Бен...»

– Рейчел?

Я не видел ее.

«Вставай, Бен».

Впереди, в нескольких сотнях ярдов, над деревьями вился дымок.

Бревенчатая хижина. Несколько снегоходов вокруг нее. Сноуборды, прислоненные к крыльцу. Свет внутри, отражение огня на стене. Глухие голоса. Смех. Запах кофе и... горячих сладких пирожков? Я прополз по подъездной дорожке, поднялся на крыльцо, толкнул дверь. У меня богатый опыт неотложной помощи, умение вложить максимум информации в минимум слов. Однако, когда распахнулась дверь, я только и сумел, что

прохрипеть:

– Помогите...

Через считанные минуты мы уже перекрикивались, отплевываясь от снега. Мой водитель был низкорослым силачом, и из снегохода он выжимал все, что мог. Сначала его спидометр показывал 62 мили в час, потом – все 77.

Я изо всех сил цеплялся за него, но только одной рукой, потому что другой показывал дорогу. Он ехал туда, куда я тыкал пальцем. За нами мчались еще двое парней. Мы влетели в долину, и я издали увидел синий спальный мешок Эшли с задраным от ветра краем. Она лежала неподвижно. Наполеон встретил нас лаем и дьявольскими кругами по снегу. Водитель заглушил мотор, и я услышал шум вертолета.

Когда я приблизился к ней, Наполеон уже лизал ей лицо, поглядывал на меня и скулил. Я упал на колени.

– Эшли!

Она открыла глаза и посмотрела на меня.

Спасатели выпустили в небо зеленую ракету, и вертолет сел на дорогу. Я коротко проинструктировал санитаров, они дали Эшли кислород, сделали инъекцию болеутоляющего, положили ее на носилки, поставили капельницу и задвинули в тесный задний отсек вертолета. Я посторонился, пропеллер начал вращаться, она потянулась ко мне. Я дал ей руку, и она успела сунуть что-то мне в ладонь. Вертолет взмыл в воздух, наклонил нос и помчался над горами, мигая красными огоньками.

Я разжал ладонь. Это был диктофон, согретый ее теплом. Ремешок порвался – вероятно, я потерял его в лавине. Я попробовал его включить – тщетно. Замигала только красная лампочка недостаточной зарядки – синхронно с удаляющимся красным сигналом на хвосте вертолета.

Парень со снегохода шлепнул меня по спине.

– Садись, старина!

У меня подкашивались ноги. Я схватил Наполеона и уселся.

На въезде в город мелькнуло ограничение скорости – 55 миль в час. Я выглянул из-за плеча водителя, слыша его смех. Спидометр показывал 82.

Глава 46

Палата была отдельная. Она лежала под белой простыней, в беспамятстве от сильной дозы успокоительного. Жизненно важные органы были в порядке, показатели внушали оптимизм. Над ней мигали синие огоньки и цифры. Я повернул жалюзи, погрузив палату в полумрак, потом сел и взял ее за руку. На лице Эшли уже начали появляться краски жизни.

Вертолет не сел в Эванстоне, а полетел напрямик в Солт-Лейк, где уже через два часа врачи экстренной помощи вставили ей в ногу несколько штырей. Меня, примчавшегося в Эванстон на снегоходе, уже ждали: загрузили в «Скорую» и повезли с полицейским эскортом в Солт-Лейк. Там мне поставили капельницу и начали задавать вопросы. Мои ответы вызвали удивление. В Солт-Лейк уже успели съехаться телевизионщики.

Я попросил встречи с заведующим хирургическим отделением Бартом Хэмптоном, с которым неоднократно общался на конференциях. Он уже слышал о наших злоключениях. Узнав, что один из спасшихся – я, он велел медсестре, делавшей мне внутривенные вливания, отвезти меня в смотровую над операционной, откуда я вместе с ним наблюдал за завершением операции с ногой Эшли. Врачи сообщали мне по переговорному устройству, что они видят и что делают. Эшли попала в хорошие руки, вмешиваться не было необходимости. Я был совершенно измучен, ладони были ободраны до мяса. Выполнять врачебные функции я бы все равно не смог.

После операции ее вернули в палату, и Эшли осталась одна. Я отправился туда, включил свет и изучил рентгеновские снимки до и после операции. Я бы не сделал ее лучше. Она обязательно выздоровеет. Она была крепкой женщиной и должна была справиться.

Синий свет сверху освещал ее лоб и простыни. Я поправил ей волосы и прикоснулся губами к ее щеке. Она была гладкой, чистой, пахла мылом. Я провел своей изодранной ладонью по ее нежной руке и прошептал ей на ухо:

– У нас получилось, Эшли!

Мой адреналин иссяк, я буквально валился с ног. Меня поддержал Барт.

– Хватит, Стив, – сказал он. – Пора привязывать тебя к койке.

Ничего мне так не хотелось, как уснуть. Но в его словах меня что-то резануло.

- Как ты меня назвал?
- Стив. Стив Остин.
- Кто это?
- А то ты не знаешь! Актер. Его прозвище – Ледяная Глыба.

Когда я проснулся, был день. Я лежал в белоснежной постели, купаясь в аромате свежего кофе. Из коридора доносились невнятные голоса. Надо мной стоял Барт с пластмассовой чашечкой в руке. Соотношение было непривычным: обычно в роли врача выступал я сам.

– Это мне?

Он со смехом сунул мне чашку. До чего же хорош был кофе!

Мы поговорили, я сообщил ему кое-какие подробности. Он в основном слушал, качая головой. Когда я закончил, он сказал:

– Чем я могу тебе помочь?

– Ты видел мою собаку? То есть это не мой пес, но я его полюбил, и...

– Он дрыхнет в моем кабинете. Я угостил его мясом. Он совершенно счастлив.

– Мне нужно взять напрокат автомобиль. Еще мне нужно, чтобы ты защищал нас от журналистов, пока Эшли не сможет с ними поговорить.

– Эшли?

– Да. Я, например, не готов.

– Полагаю, у тебя есть на то причины.

– Вот именно.

– Когда просочатся подробности, вас будут рвать друг у друга все ток-шоу страны. Вы вдохновите огромное количество людей.

– То, что сделал я, сделал бы каждый.

– Бен, ты достаточно проработал врачом, чтобы понимать, что мало кто в целом свете сделал бы то, что ты. Больше месяца ты тащил на себе эту женщину при минусовых температурах. Вы проделали почти семьдесят пять миль.

Я посмотрел в окно, на горы, увенчанные снежными шапками. Странно было наблюдать их с совсем другой стороны. Месяц назад я находился в аэропорту Солт-Лейк-Сити и фантазировал, что там, за горами. Теперь я это знал. Там тюрьма, вернее, могила.

– Я переставлял ноги, только и всего.

– Я звонил в твою Баптистскую больницу в Джексонвилле. Сказать, что все они в восторге, – ничего не сказать. Они рады, что ты жив. Все это время они ломали голову, куда ты подевался. «Не в его правилах взять и исчезнуть» – так они сказали.

– Приятно слышать.

– Что-нибудь еще? Хотелось бы хоть чем-то помочь тебе.

Я приподнял одну бровь.

– В моей больнице хорошо известно, кто из медсестер лучше остальных. Они обычно выделяются. Вот если бы ты мог...

Он закивал.

– Об этом я уже позаботился. Они уже приставлены к Эшли. Ей круглосуточно обеспечен наилучший уход.

Я перевернул пустую чашечку.

– У вас тут делают латте? Или капучино?

– Все, что пожелаешь!

Его ответ долго звенел у меня в голове. Мы вернулись в мир, где достаточно было попросить, чтобы получить любое количество кофе. Разница была колоссальной, просто невообразимой.

Ближе к полудню Эшли зашевелилась. Я прошелся по коридору, купил все необходимое и вернулся. Когда она приоткрыла один глаз, я наклонился и шепотом поприветствовал ее.

Она повернула голову и медленно открыла глаза.

– Я говорил с Винсом. Он летит сюда. Будет через несколько часов.

Она наморщила нос, слегка приподняла бровь.

– Это пахнет кофе?

Я снял со стаканчика крышку и поднес его к ее носу.

– Можно ввести его внутривенно?

Я дал ей сделать несколько глоточков.

– Второй лучший кофе в моей жизни. – Она откинула голову и блаженно зажмурилась.

Я сел на табурет из нержавеющей стали на колесиках и подъехал к койке.

– Операция прошла успешно. Я говорил с вашим врачом. Мы с ним встречались раньше, участвовали в работе одной и той же секции разных конференций. Он – мастер своего дела. Если захотите, я покажу вам рентгеновские снимки.

За окном набирал высоту реактивный лайнер. Мы наблюдали, как он делает разворот и ложится на курс над нашими горами.

Она покачала головой.

– Никогда больше не полечу!

Я усмехнулся.

– Вас уже через три часа поставят на ноги и заставят ходить. Будете как новенькая!

– Вы меня обманываете?

– Я никогда не ввожу пациентов в заблуждение относительно их состояния.

Она улыбнулась.

– Настало время для хороших новостей. Пока мы с вами шлялись по горам, я слышала от вас только дурные вести, одна другой хуже.

– Не спорю.

Она уставилась в потолок, шевеля под простыней ногами.

– Больше всего мне хочется принять ванну и побрить ноги.

Я отодвинул дверь и поманил медсестру. Она вошла в палату.

– Эту милую женщину зовут Дженнифер. Я уже объяснил ей, где вы провели последний месяц. Она поможет вам принять душ. Она же предоставит вам все, что вам нужно. Когда вы приведете себя в порядок, вами займется другая сестра. Помните, что я вам обещал?

Она покосилась на меня.

– Что вы затеяли?

– Некоторое время назад я дал вам одно обещание. Теперь я намерен его сдержать. – Я похлопал ее по ноге. – Загляну попозже. Винс приземлится через два часа.

Она отбросила край простыни, потянулась ко мне, взяла за руку. Как объяснить другим людям, через что мы прошли? Какие слова употребить, как такое выговорить? Мы побывали в аду, в ледяном аду, и чудом выжили. Вместе. У меня не было для всего этого слов, как и у нее.

Я потрепал ее по руке.

– Знаю, ко всему этому надо привыкнуть. Я скоро вернусь.

Она сжала мою руку.

– Вы в порядке?

Я утвердительно кивнул и вышел. Симпатичная азиатка с сумкой на коленях терпеливо ждала в кресле в коридоре.

– Она принимает душ. Подождите еще немного. Не знаю, какой цвет она предпочитает, сами ее спросите. – Я дал ей сто долларов. – Годится?

Она покачала головой, роясь в сумке.

– Слишком много.

Я махнул рукой.

– Берите! Главное, не торопитесь. Пациентке здорово досталось.

Она кивнула, и я отправился в гриль.

В гриле кормили типичными для больницы блюдами быстрого приготовления, но выбирать не приходилось. Я подошел к прилавку.

– Мне большой двойной чизбургер со всеми приправами и двойную порцию картошки.

– Что-нибудь еще?

– Доставьте заказ через час в палату 316.

Я заплатил, вышел на улицу, сел во взятый напрокат автомобиль и ввел в бортовой навигатор адрес.

Глава 47

Домик на холме недалеко от города был незамысловатый. Зеленые ставни, белый заборчик, вокруг цветы, все тщательно прополото, на почтовом ящике пустой флажок-флюгер, как в аэропорту.

Она сидела на веранде в кресле-качалке и лушила фасоль. Высокая красивая женщина. Я вылез из машины. Наполеон спрыгнул на землю, принюхался, немного порылся на обочине, потом пулей преодолел ступеньки и запрыгнул ей на колени, раскидав фасоль. Она со смехом прижала его к груди, он принялся оживленно вылизывать ей лицо.

– Где же ты был, Тэнк?

Тэнк – вот как его зовут!

Я поднялся на веранду.

– Мэм, меня зовут Бен Пейн, я врач из Джексонвилла. Я был с вашим мужем, когда разбился его самолет.

Она прищурилась, качая головой.

– Его самолет не мог разбиться, он был слишком хорошим пилотом.

– Вы правы, мэм. У него случился сердечный приступ, и он посадил самолет на горный склон. Он спас нам жизнь. – Я открыл и поставил с ней рядом коробочку. В ней лежали его часы, бумажник, трубка и ее подарок – зажигалка.

Она все это перебрала, оставив напоследок зажигалку. Ее она положила себе на колени. У женщины дрожали губы, из глаз катились слезы.

Мы проговорили несколько часов. Я рассказал ей все, что смог вспомнить, даже о месте захоронения и об открывающемся оттуда виде. Ей понравилось, она сказала, что ему тоже понравилось бы.

Она показала мне семейные альбомы и поведала их историю. Рассказ был полон нежности, я слушал его с болью.

Наконец я встал, чтобы уйти. Что еще я мог сказать? Крутя в пальцах ключи от машины, я пробормотал:

– Мне бы хотелось...

Она покачала головой. Тэнк не желал покидать ее колени. Она наклонилась вперед, песик спрыгнул на пол, и она медленно встала. Я заметил, что у нее проблема с левым бедром. Она постояла, скособочившись, потом с трудом выпрямилась и подала мне руку.

– Если и когда вам понадобится замена сустава, позвоните мне. Я

приеду сюда и все сделаю бесплатно.

Она улыбнулась. Я присел на корточки.

– Тэнк, ты самая лучшая псина на свете! Я буду по тебе скучать.

Он обмусолил мне лицо, потом удрал к себе во двор и принялся метить все деревья подряд.

– Знаю, ты тоже будешь по мне скучать.

Я сунул ей свою визитную карточку. Мне трудно было решить, как с ней расстаться: обнять, пожать руку? Каков протокол прощания с вдовой летчика, который погиб, спасая вашу жизнь? Не говоря о том, что если бы я не нанял его для полета в Денвер, то он остался бы в живых и сидел бы сейчас рядом со своей женой на веранде их дома. Видимо, вдову тоже посетила эта мысль.

– Молодой человек?

– Слушаю, мэм.

– Спасибо.

Я растерянно почесал затылок.

– Я не...

– Я тоже.

– То есть?

Она подняла на меня ясные голубые глаза.

– Гровер не сажал в свой самолет абы кого. Он был разборчивым и целеустремленным. Чаще он отказывал клиентам. Если он взял вас в полет, значит, у него была на то причина. Это был подарок вам.

– Да, мэм.

Она сама обняла меня, сама стиснула мне руки. У нее была тонкая, свисающая складками кожа, волосы были невесомые, снежно-белые. Обнимая меня, она дрожала.

Я поцеловал ее в пушистую щеку и уехал. Я видел ее в зеркальце заднего вида: она стояла на крыльце и смотрела на горы. Наполеон, выпятив грудь, облаивал ветер с верхней ступеньки.

Глава 48

В палате Эшли я застал Винса. При моем появлении он встал. Теплая улыбка, такое же рукопожатие. Неловкие объятия.

– Эшли рассказывает мне о вашем подвиге. – Он покачал головой. – Даже не знаю, как вас благодарить.

Я похлопал ее по ноге.

– Не забывайте, это я зазвал ее в самолет. Вы вправе предъявить иск.

Он засмеялся. Он мне понравился. Эшли сделала хороший выбор. Они будут счастливы. Она, конечно, была выше его на целую голову. Она вообще была на голову выше любого мужчины. Она была одна такая из целого миллиона.

На ее щеках появился румянец. На тумбочке стояли три пустые чашки из-под кофе. Мочеприемник сбоку от ее койки был почти полон, цвет мочи был здоровый. На крючке висел ее новый сотовый телефон. Ей и мне уже названивали журналисты, все хотели получить эксклюзивное интервью.

– Что вы им расскажете? – спросила меня Эшли.

– Ничего. Я сбегу через заднюю дверь и уеду домой. – Я посмотрел на часы на стене. – Мой рейс через полтора часа. Я пришел попрощаться. – Выражение ее лица изменилось. – Вам двоим надо столько всего обсудить! У вас же скоро свадьба. Уверен, что мы не потеряемся. – Я обошел ее койку.

Она сложила руки на груди.

– Вы уже звонили жене?

– Нет. Я увижусь с ней, когда вернусь домой.

Она кивнула.

– Надеюсь, все устроится, Бен.

Я тоже кивнул. Она сжала мою руку. Я чмокнул ее в лоб и повернулся, чтобы уйти.

– Бен? – окликнула она меня.

– Что? – спросил я, не оборачиваясь.

Винс похлопал ее по руке.

– Я сейчас. Только принесу еще кофе. – Он положил руку мне на плечо. – Спасибо вам. За все!

Винс вышел. Эшли не отпускала мою руку. Я присел на край койки. Мне было слишком не по себе. Внутри саднило; кажется, это было похоже на душевную боль. Я натянуто улыбнулся.

– Можно задать вопрос? – спросила она.

– Вы заслужили право спрашивать меня о чем угодно.
– Вы когда-нибудь влюблялись в замужнюю или в почти замужнюю женщину?

– В своей жизни я любил только одну женщину.

Она улыбнулась.

– Простая проверка. Можно спросить еще кое-что?

– Валяйте.

– Зачем вы позвали меня в самолет?

Я смотрел в окно, вспоминая.

– Кажется, это было давным-давно, правда?

– Правда. Хотя иногда кажется, что это было только вчера.

– День нашей свадьбы был одним из счастливейших в жизни для нас обоих. Мы стали самостоятельными людьми. Это был старт, начало. Мы были свободны, мы любили друг друга. Думаю, когда двое по-настоящему друг друга любят... То есть... – У меня дрогнул голос. – Где-то в глубине, где живут их души, где рождаются сны, где нет боли, ибо там ей нечем питаться, там венчание – это слияние двух душ. Как слияние двух рек. Когда вода сливается воедино. Так ощущал это я.

Встретив вас, я понял, что вы надеетесь, что и у вас может получиться так же. Наверное, встреча с вами стала напоминанием, что и я в свое время познал бесценную, нежную любовь. Я думаю... если быть честным, мне захотелось к ней притулиться. Потрогать ее, еще раз оказаться с ней лицом к лицу. Наверное, делая это, я думал, что смогу вспомнить, потому что... потому что не хочу забывать.

Я смахнул слезинку с лица.

– Потому, наверное, и позвал вас лететь со мной. И вот за это, за свой эгоизм я никогда не перестану просить прощения и одновременно благодарить вас. Двадцать восемь дней в горах с вами напомнили мне, что за любовь стоит бороться. Неважно, какую боль она причиняет.

Я встал, поцеловал ее в губы и ушел.

Глава 49

Самолет сел в Джексонвилле в два часа дня с минутами. Меня поджидали журналисты. Моя фотография уже мелькала в теленовостях, моя история не составляла тайны. Проблема журналистов заключалась в том, что они искали человека на тридцать футов тяжелее меня.

Я прилетел без багажа, поэтому прошмыгнул мимо толп и зашагал к своей машине, прождавшей меня больше полутора месяцев и покрывшейся за это время слоем желтой пыли.

Женщина в билетной будке сказала мне без всякого выражения:

– Триста восемьдесят семь долларов.

Я догадался, что спорить с ней бесполезно, и протянул карточку «Америкен Экспресс», благодарный за возможность быстро расплатиться и укатить домой.

Все вокруг воспринималось теперь как-то странно. Удивительнее всего было то, что я теперь не тянул сани, не вглядывался вдаль поверх снегов, не добывал огонь методом троглодитов, не освеживал кролика или лося, не должен был полагаться на меткий выстрел из лука, чтобы не умереть с голоду, не шевелил пальцами ног и не дул на пальцы рук, чтобы не дать им замерзнуть, не вслушивался в голос Эшли... Не слышал звука ее голоса.

Я поехал на юг по шоссе I-95. Торопиться не хотелось, все машины обгоняли меня. Я проехал по мосту Фуллера Уоррена и миновал больницу, где провожу большую часть жизни. Мне не переставали звонить коллеги, радовавшиеся тому, что снова меня слышат. В предстоящие дни меня ждало много встреч. Я готовился к многократному пересказу своей истории.

Я свернул на Хендрикс-авеню и покатил на юг, проехал через Сан-Марко, вырулил на бульвар Сан-Хосе и затормозил перед цветочным магазином «Традс». В его оранжерее меня приветствовал, во-первых, запах навоза, а во-вторых, Татьяна, милая русская женщина на шестом десятке с грязными руками и чудесными скулами. Она окликнула меня, высунувшись поверх плюмерии.

В городе дюжина цветочных магазинов, но больше нигде нельзя услышать такого акцента. Голос Татьяны погружает меня в атмосферу фильмов с Джеймсом Бондом и «Рокки-4». Он у нее низкий, гортанный, намекает на многолетние страдания или злоупотребление спиртным – возможно, на то и другое одновременно. Все «w» она превращает в «v», «е» тянет, «г» смахивает у нее на рычание. «Водка» превращается в «уодку». Я

не любитель этого напитка, но когда о нем заговаривает она, то я готов опрокинуть стопку «Грей Гуз» или «Абсолюта».

Возможно, в прошлой жизни она была шпионкой. Не удивлюсь, если она осталась ею до сих пор.

Она вытерла джинсовым рукавом потный лоб.

– Где ты был? – От ее «быыыыл» завибрировало стекло.

Если бы я сказал правду, то пришлось бы провести в этом местечке слишком много времени.

– В отпуске.

Татьяна не ходила, а маршировала. Она печатала шаг и передвигалась быстро, как ураган. Она обошла прилавков, держа в руках пурпурную орхидею с белой полоской посередине. Пурпур был таким темным, что даже отливал черным, стебель, фута четыре в высоту, был обвешан тремя десятками распустившихся цветков и таким же количеством бутонов.

– Нравится? Я припасла это для тебя. Трое уже пытались ее купить, но я всем отказывала. Мой босс думает, что я свихнулась, и грозит меня уволить, но я говорю, что она твоя. Ты вернешься и захочешь ее купить. – Все слова она произносила исключительно правильно – в этом и заключалась прелесть ее образа.

Рейчел орхидея непременно понравится.

– Замечательно! Спасибо. Сегодня же подарю жене. Уже через несколько минут.

Она проводила меня к кассе, огляделась, нет ли поблизости хозяина магазина, с неотвратимостью стеклоочистителя помахала в воздухе пальцем и произнесла:

– На прошлой неделе была распродажа. На этой уже нет. Но ты платишь по сниженной цене.

– Спасибо, Татьяна. – Я взял цветок. – Спасибо за все.

Улица была загружена, я простаивал под каждым светофором. Дожидаясь зеленого, я посмотрел вправо и увидел рядом с химчисткой «Школу боевых искусств Уотсона». За стеклянной стеной лягался и толкался целый класс учеников в белых кимоно с поясами разных расцветок. Я проезжал мимо этого заведения сотни раз, но никогда его не замечал.

До этого дня.

Загорелся зеленый, и я поднажал. Сначала я ехал на юг по I-95, потом на восток по бульвару Дж. Тернера Батлера, дальше на юг по A1A. Купил по пути бутылку вина. Миновал свой кондоминиум в Саут Понте Ведро и подъехал к дому Рейчел. Я обнес участок высокой чугунной оградой. Взяв

с пассажирского кресла орхидею, я прошагал под высоким дубом, поднялся по каменным ступенькам, пошарил за камнями, достал спрятанный там ключ и отпер дверь. По обеим сторонам от двери я посадил жасмин, который теперь так разросся, что частично заслоняет дверь. Сверху свисают толстые ветки. Я приподнял их, потянул скрипучую дверь и вошел. Для того чтобы летом было прохладно, я выложил пол мрамором. Мои шаги отдавались гулким эхом.

Я проговорил с Рейчел всю ночь. Налил вина, нажал на диктофоне кнопку воспроизведения и уставился в окно, слушая собственный голос и глядя на волны, накатывающие на берег. Кое-что ей было тяжело слышать, но она прослушала все, каждое слово.

Я подарил ей орхидею. Поставил цветок на подоконник, где он будет встречать утром солнце. Здесь ему будет хорошо. Когда лепестки опадут, я отнесу его на террасу-солярий, к двум с половиной сотням других цветов.

К четырем утра отзвучала моя последняя запись, и я от усталости задремал. Потом очнулся: вокруг тишина, ни звука! Я уже собирался уходить, но диктофон снова привлек мое внимание. На нем мигала синяя лампочка: оставался не воспроизведенным еще один файл.

Это был электронный диктофон, все записи я группировал в одном и том же файле. Записей было до полусотни, но все – в файле с одним и тем же номером. Сейчас я заметил файл под номером 3, такой я не создавал. Пришлось включить воспроизведение.

Я различил чуть слышный шепот, вой ветра, собачий скулеж. Включил звук на максимум.

Рейчел, это Эшли. Мы попали в лавину. Бен ушел за подмогой. Сейчас он бежит. Не знаю, выдержу ли я. Очень замерзла.

Молчание.

Я хотела тебе сказать, то есть поблагодарить... Извини меня за болтливость, но если не болтать, то я усну, и тогда неизвестно, проснусь ли... Я пишу колонки в газете. Рассказываю про любовь и отношения. Ирония судьбы: мне ведь досталось всякого, так что я, скорее, скептик. Я возвращалась домой, чтобы выйти замуж за состоятельного, симпатичного мужчину, который дарил мне подарки... но, проведя с твоим мужем двадцать восемь дней в этом холодном заснеженном мире, я начала сомневаться, что этого достаточно. Теперь у меня сомнения... Возможна ли любовь? Достойна ли я ее? Я решила было, что все приличные мужчины разобраны. А теперь гадаю: вдруг еще есть такие, как Бен? Мне бывало больно, как и всем нам, и, думаю, от боли мы убеждаем себя, что если не

откроемся, если не полюбим снова, то и боли больше не будет. Достаточно «Мерседеса», кольца с бриллиантом в два карата, дома в Бакхеде – и дело в шляпе. Давай ему то, чего он хочет, когда он захочет, – и все будут довольны. Правильно? Я сама долго так думала.

Но... здесь так тихо! Оглушительная тишина! Такая, что даже у снега прорезывается голос, если хорошенько прислушаться. Когда я села в самолет с человеком, который оказался Беном Пейном, то он показался мне привлекательным. Он, конечно, хорош собой, но меня зацепило кое-что другое... Что-то, к чему захотелось прикоснуться, что рождало желание быть ближе, что-то нежное, теплое, целостное. Не знаю, как это назвать, просто угадываю, когда слышу... а я это слышу, когда он обращается к тебе по этому диктофону. Я слышала это много ночей, когда он думал, что я сплю, но я не спала, чтобы услышать именно эту его интонацию, услышать, как он говорит с тобой.

Со мной никто никогда так не разговаривал. Уж точно не мой жених. Он, конечно, добряк, но в Бене есть осязаемая доброта, и в нее хочется погрузить руки, в ней хочется плескаться. Знаю, я говорю о твоём муже, так что учти: все это время он обходится со мной как настоящий джентльмен. Честно. Сначала это меня обижало, но потом я усвоила, что все дело в этих его качествах, о которых я толкую, они записаны в его ДНК. Чтобы он от них избавился, его пришлось бы убить. В жизни не видела ничего подобного. Это самое настоящее из всего, что мне приходилось испытать. В кино этого не показывают, книги об этом молчат, журнальные колонки – те вообще не про это. Я проводила бессонные ночи, слушая его беседы с тобой, и мучилась от боли, заливалась слезами, мечтала, чтобы нашелся мужчина, который дарил бы мне свое сердце так, как Бен дарит тебе свое.

Знаю, я не говорю ничего такого, чего бы ты сама не знала, но он сказал, что вы разошлись... Мне так хочется убедить тебя, что он все равно любит тебя, как только может. Раньше я не знала, что такая любовь существует, но теперь услышала это собственными ушами, увидела собственными глазами, почувствовала кожей, ночевала рядом с ней. Если ты к нему не вернешься, то что же ему делать со своей любовью?

Я накропала тысячу колонок, в которых насмехалась над любовью, потому что никто не мог мне доказать, что существует такая любовь, как у Бена. Именно поэтому я и пишу. Я пишу, чтобы возвести вокруг себя стену, защититься от обид, которые испытывала раньше, и бросить вызов: пусть кто-нибудь продемонстрирует истинную любовь, ради

которой стоит умереть! Более того, ради которой стоит жить!

Он не открывает мне подробностей, не показывает своих карт. Говорит, что вы поспорили, что он наговорил тебе резкостей. Я долго ломала над этим голову. Что за ужасные слова он умудрился тебе сказать? Что это были за резкости? Что он натворил? Что сделал, чтобы лишиться твоей любви? Если возможна такая любовь, как у Бена, если он дарит ее другому человеку, то... то я в растерянности. Чего нельзя простить? Что настолько непростительно?

Любить или умереть... Мне хочется такой любви.

Запись закончилась, и я встал, чтобы уйти, но Рейчел поманила меня, заставив задержаться. Она с самого начала не хотела меня отпускать. Я говорил ей, что много раз хотел вернуться, но простить самого себя – это легче сказать, чем сделать.

Возможно, во мне что-то изменилось, возможно, что-то изменилось в ней. Точно сказать не могу, но впервые после нашего спора я лег, орошая слезами ее лицо. Я провел ночь со своей женой.

Глава 50

Я подтянул ремень, поправил галстук-бабочку, застегнул и снова расстегнул пиджак и направился к заднему входу в загородный клуб. Один из лучших и труднодоступных в Атланте. Всюду благородный камень и строевой лес. Я показал охраннику приглашение, он приоткрыл калитку, и я зашагал по извилистой дорожке. Изогнутая подсветка деревьев создавала впечатление, будто находишься под стеклянным куполом. Толпа людей внутри. Роскошные женщины, могущественные мужчины. Смех, бокалы. Репетиция свадебного банкета. Канун свадьбы. Счастливое событие.

Прошло уже три месяца. Я вернулся на работу, набрал три фунта, стер язык рассказами о своих приключениях, изложенными во всех подробностях. Покинув больницу, я ни разу не связывался с Эшли. Решил, что так будет лучше. Хотя как-то странно после месяца близости и полной взаимозависимости одним махом все прервать. Перерубить связующую нить. Это выглядело неестественно.

Я возвратился к привычной жизни, привыкая к расставанию. Пробуждение до рассвета, долгая пробежка по пляжу, завтрак с Рейчел и детьми, прибытие на работу строго по часам, иногда ужин с Рейчел и детьми, потом домой, вечерняя пробежка или просеивание песка в поиске акульих зубов.

Жить – значит переставлять ноги: шаг, другой, третий.

Я не сразу увидел Эшли. Ее приглашение представляло собой надписанную открытку и подарок. В открытке значилось: «Пожалуйста, приходите. Мы очень хотим вас увидеть. Вас обоих».

Дальше она писала, что нога зажила и она уже бежит трусцой, вернулась к занятиям тхэквондо и даже учит этой премудрости молодежь, хотя бьет ногой только на 75 процентов.

Подарок представлял собой новые альпинистские часы фирмы «Суунто». К часам прилагалась записка: «В магазине утверждали, что это мечта любого скалолаза. Показывают температуру, атмосферное давление, высоту над уровнем моря. Есть даже встроенный компас. Вы их заработали. Вы заслуживаете их больше, чем кто-либо еще».

Я не мог отвести взгляд от письма. Меня беспокоило слово «мы».

Я наблюдал за ней издали. Судя по позе, к ней вернулась уверенность в

себе, боль прошла. Она была красавицей. Впервые за долгое время эта мысль не вызвала у меня стыда.

Винс стоял с ней рядом и выглядел счастливым. Прямо участник стендап-шоу! В горах у меня составилось о нем представление, не соответствовавшее действительности. Теперь я видел, как ей повезло. Она сделала хороший выбор. Если бы не она, мы с Винсом могли бы подружиться.

Я держался в тени, сбоку, и заглядывал в окна. Время от времени я посматривал на свои новые часы. Я опоздал и теперь нервничал. В руках я теребил пластиковый пакет. Я купил два диктофона: для нее и для себя. Последняя разработка, удвоенная емкость памяти и удлинённый срок службы заряженных батареек. Сначала идея показалась мне заманчивой, но теперь я так не думал. Я достал диктофоны из коробочек, вставил в один батарейки и включил запись.

Привет, это я, Бен. Я получил ваше приглашение. Спасибо, что подумали обо мне. О нас... Знаю, вы были заняты. Рад видеть вас снова на ногах. Похоже, нога отлично зажила. Я доволен. Здесь много народу. Все пришли на ваш праздник.

Хочу вам сообщить, что сдержал обещание. Я навестил Рейчел. Принес ей орхидею под номером 258 и бутылку вина. Рассказал ей про приключение. Проговорил почти всю ночь. Проиграл ей запись, целиком. И спал с ней. В первый раз за долгое время.

И в последний.

Я должен был ее отпустить. Она уже не вернется. Слишком велико расстояние. На те горы, что выросли между нами, мне не взобраться.

Я подумал, что вам надо об этом знать.

В последнее время я много думаю о том, как начать все сначала. Одинокая жизнь получается не такой, как я полагал. Я даже стал заглядывать на веб-сайт «Одинокий полет». Ирония судьбы, правда?

Все оказалось очень непросто. Рейчел была моей первой любовью. Первой и единственной. Я ни с кем больше не встречался, никогда не был ни с кем, кроме нее.

Я вам этого не говорил, потому что считал неправильным, но даже в худшем виде, без косметики, со сломанной ногой, верхом на бутылке, со швами на лице, вы были моей желанной спутницей. Потеряться с вами лучше, чем найтись одному.

Я хотел поблагодарить вас за это.

Если Винс вам этого не говорит, если не водружает вас на пьедестал

– то это его упущение, это он зря. Если он забудет о том, какая вы необыкновенная, позвоните мне, я ему напомню. Я хорошо разбираюсь в том, что следует говорить мужьям.

После Рейчел... я не знал, что делать, как жить, потом собрал себя по кусочкам, запихал в мешок и забросил за плечо. Шли годы, а я таскал себя самого на спине, как мешок с камнями, впрягался в сбрую и тащил сани. Собственная история резала мне плечи.

Потом я полетел на ту конференцию, очутился в Солт-Лейк, и по непонятной причине рядом со мной сели вы. Я услышал звук вашего голоса, и мой мешок опустел, куски меня самого рассыпались. Голый, сломленный, я думал, даже надеялся, что так может завершиться нерассказанная история моей жизни. Не высеченная болью, записанная без угрызений совести, звучащая эхом в вечности.

Но здесь, прячась в кустах, я разрываюсь на части. Этим частям уже не срастись: «И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут Шалтая-Болтая поднять». Где им, когда у меня самого отнимаются руки?

...Забавно, в своей жизни я любил двух женщин, и теперь я лишился обеих. Интересно, как это расценивать? Я хотел преподнести вам подарок, но что сравнится с тем, что преподнесли мне вы?

Эшли... в благодарность за одно это... я желаю вам всяческого счастья.

Я выглядывал из-за ствола кизила и пялился в окно. Она смеялась. У нее на шее висел бриллиант, свадебный подарок Винса. Ей шли бриллианты. Ей шло все на свете.

Я оставил диктофон включенным на запись, нашел в кармане две последние запасные батарейки, скрепил их резинкой, засунул все это в коробочку, закрыл крышку, перевязал ленточкой и, не приложив карточки, шмыгнул в заднюю дверь и спрятал свой подарок под горой других подарков. Через 36 часов они улетят на две недели в Италию. Она найдет мой подарок, когда вернется.

Я прошагал через темный сад, завел машину и покатил по шоссе I-75 на юг. Ночь была теплая, и я приехал домой с опущенными стеклами, весь в поту. Обычное дело.

Дома я переоделся, взял второй новый диктофон и вышел на пляж, к самой кромке воды. Я провел там много времени. Лайнус со своим одеялом, вылитый персонаж комикса^[25]. Пятясь от океанской воды и пены, я крутил в руках диктофон, не зная, что сказать, с чего начать.

Когда из-за горизонта стало выползать солнце, я включил запись, сделал три шага вперед и зашвырнул диктофон так далеко, как смог. Он перевернулся и канул в утренний свет, в пену откатывающейся волны.

Глава 51

Меня разбудило мяуканье кошек на крыльце. Их число пополнилось, завсегда и привели друзей. Возглавлял нашествие красивый черный кот с белыми лапками. Я дал ему кличку Сокс. Его подругой была игривая, легко переходившая на ласковое урчание кошечка с длинным хвостом, длинными усами, острыми ушками. Вечно она терлась об мои ноги и норовила запрыгнуть на колени. Ее я прозвал Эшли.

Я взял отгул и решил провести его дома. Опираясь на ограждение веранды с горячей кружкой в руках, пялиться на океан, слушать волны, дискутировать с кошками. Ловить отзвуки смеха. Эшли всегда была неподалеку: и кошка, и память. Я долго вспоминал снежные горы и вскоре после наступления темноты задремал. Мне приснилось, что она сидит с Винсом в гондоле под ярким солнцем Венеции. Она прильнула к нему, он ее обнимает. Оба загорелые и выглядят счастливыми.

Мне эта картина не понравилась.

За несколько часов до рассвета я сполз с кровати. Полная луна висела низко над горизонтом, отражаясь в каждой набегающей волне и беззвучно отбрасывая на пляж мою тень. Я зашнуровал кроссовки, наслаждаясь теплым бризом. Над моей головой тихо пролетал клин пеликанов, ловя восходящие воздушные потоки и перечеркивая своей тенью мою.

Я побежал на юг, борясь с ветром. Был отлив, весь пляж принадлежал мне. Я бежал вдоль извилистого края воды час, другой. В дюны вел одинокий след черепахи, выбравшей эту ночь для того, чтобы отложить яйца.

Когда вдали показался Сент-Огастин, я развернулся, опустил на глаза темные очки и устремился назад, домой. Всходило солнце, ветер подгонял меня в спину. Не было ни мороза, ни всепроникающего снега, ни его вкуса во рту, напоминающего о голоде, ни белой пустыни, ни тяжести саней, ни – это было заметнее всего – голоса Эшли.

На полпути я повстречал возвращавшуюся к воде черепаху-мать, изнуренную проделанной за ночь работой. Она была крупной, старой, оставляла за собой глубокие борозды в песке. Встретив первую волну, она искупалась, вынырнула и заскользила по водной глади, блестя панцирем. Несколько минут – и она исчезла из виду. Говорят, головоастые морские черепахи живут по двести лет. Мне хотелось думать, что это моя давняя знакомая.

Я наблюдал за ее исчезновением. Я видел закат и восход.

Странно. Этого я не ожидал.

Я миновал вход в Гуана Ривер Стейт Парк, увидел кондоминиум, замедлил бег, затрусил, перешел на шаг. Мои ребра зажили, я снова мог глубоко дышать, полностью выздоровел. Июльское солнце уже жарило вовсю. Вода превратилась в текучее синее стекло. Вблизи от берега плескалась стайка дельфинов, но черепахи-матери нигде не было видно. Ничего, скоро на пляже будет кишеть ее потомство.

Я не услышал шагов и вздрогнул, когда мне на плечо легла чья-то рука. Я узнал вены, веснушки там, где был след от часов.

Я обернулся. Передо мной стояла Эшли. Ветровка, беговые шорты, кроссовки. Глаза у нее были красные, влажные. Похоже, она здорово не высыпалась. Она качала головой, указывая себе за спину, в сторону Атланты.

– Я надеялась, что вы придете. Но вы не пришли, и я... я потеряла сон. Я стала перебирать подарки, вскрывать наиболее интересные с виду. Лишь бы отвлечься от... от этого дня. – Она схватила меня за руки, потом двинула кулаком в грудь. На ее левой руке не было кольца. – Мои врачи говорят, что мне следует возобновить занятия бегом.

– Неплохая идея.

– Не люблю бегать одна.

– Я тоже.

Она рыла песок носком кроссовки. Сложив руки, Эшли прищурилась на поднимающееся солнце и сказала:

– Я хотела бы увидеть Рейчел. Вы нас познакомите?

Я молча кивнул.

– Прямо сейчас?

Мы зашагали по пляжу. Наш путь составил две мили. Дом, который я построил для Рейчел, стоял на дюнах, в окружении крупноплодных дубков и мятлика.

После возвращения я отметил розовой лентой десять черепаших гнезд.

– Это гнезда черепах? – удивленно спросила Эшли. Я утвердительно кивнул.

Мы покружили по дюнам, поднялись по дорожке. Песок был мягкий, совсем как снег. Я снял с шеи ключ, отпер замок, отодвинул ветку жасмина, которую никак не собрался обрезать, и открыл дверь.

Чтобы дом не перегревался в летний зной, весь он – стены, пол, все остальное – был либо сделан из мрамора, либо обложен мрамором.

Солярий наверху летом выглядел лучше всего, многие орхидеи цвели.

Я посторонился, пропуская вперед Эшли. Рейчел лежала слева, Майкл и Ханна справа.

Эшли закрыла ладонями рот.

Я помахал рукой.

– Познакомьтесь, Эшли, это Рейчел. Рейчел, это Эшли.

Эшли опустилась на колени, глядя пальцами мрамор и водя ими по бороздкам, образовывавшим имя Рейчел и даты жизни. На мраморной крышке, примерно там, где должны были быть сложены на груди руки Рейчел, лежали семь цифровых диктофонов. Все пыльные, кроме одного – того, который был со мной в горах. Эшли потрогала его, повертела и положила на место. На плите, над лицом Рейчел, лежала моя куртка, свернутая как подушка.

Я уселся спиной к Рейчел, ногами к близнецам, уставился на небо сквозь цветы и стекло наверху.

– Рейчел была беременна, она вынашивала двойню. Но произошло так называемое частичное отслоение – это когда плацента начинает отрываться от стенки матки. Ей прописали месяц постельного режима в надежде, что ее состояние улучшится, но оно – без всякой вины с ее стороны – наоборот, ухудшилось. Она превратилась в ходячую бомбу с часовым механизмом.

Я пытался подействовать на нее логикой, твердил, что при полном отрыве погибнут и близнецы, и она. Мы с ее врачом хотели забрать близнецов. Она смотрела на нас как на умалишенных и спрашивала: «Куда вы их заберете?»

Я хотел, чтобы Рейчел выжила, и если бы для этого пришлось пожертвовать младенцами, я был готов. Они отправились бы к Богу. А у нас с ней были бы еще дети. Я хотел, чтобы мы вместе состарились, вместе смеялись над нашими морщинами. Она тоже этого хотела. Но проблема заключалась в том, что существовал крохотный шанс, что если мы ничего не станем делать, то дети выживут, и все кончится хорошо.

Рулетка и то предоставляет больше шансов, чем было у нее, но тем не менее она решила рискнуть. Я сказал: «Уступи их Богу. Пусть решает Он». Но она покачала головой. «Мы уже положились на случай». Я обозлился, усомнился в ее любви, я кричал, рвал глотку, но ее было не переубедить. Я боролся с тем ее качеством, которое больше всего ценил.

«Какие могут быть возражения у Бога? Как Он может тебя винить? Он первый тебя поймет». Но она ничего не желала слушать. Просто гладила себя по животу и твердила: «Бен, я тебя люблю, но я не смогу до конца жизни видеть Майкла и Ханну перед своим своими глазами. Зная, что они

могли бы выжить. Зная, что был шанс, но мы им не воспользовались».

Тогда я зашнуровал кроссовки и вылетел в дверь. Полуночный забег по пляжу для проветривания мозгов. Когда зазвонил мой мобильный телефон, я переключил его на голосовую почту. Даже не знаю, сколько раз я...

Я поерзал, провел пальцем по имени «Майкл», потом по имени «Ханна».

– Насколько я понимаю, вскоре после моего ухода у нее произошел отрыв плаценты. Она успела набрать 911, но они приехали поздно. Даже если бы успели вовремя, то все равно ничего не смогли бы сделать. Я вернулся через два часа. Увидел «мигалки», полицейских в кухне, переговаривающихся по рации. Телефонный звонок: звонили из больницы. Чужие люди у меня на кухне... Меня отвезли в морг. Попросили ее опознать. При попытке спасти Рейчел ей сделали экстренное кесарево сечение и достали младенцев. Теперь они лежали с ней рядом. То голосовое сообщение, которое вы слышали в самолете, она оставила мне перед тем, как все это случилось. Я его сохранил, перезаписал и теперь почти каждый день сам себе его посылаю. Как напоминание, что, каким бы я ни был, она меня любила.

Я посмотрел на Эшли и увидел на ее лице слезы.

– Однажды вы спросили, чего нельзя простить. Слова! Слова, которые уже не взять назад, потому что тот, кому они предназначались, четыре с половиной года назад унес их с собой в могилу.

Я огляделся, указал на мраморные саркофаги.

– Простой могильный камень не годился, вот я и решил построить это. Положил их рядом друг с другом. Устроил наверху солярий, чтобы она любовалась орхидеями. А ночью – звездами. Я знал, что ей это понравится. Даже обрезал ветки деревьев, чтобы было больше света. Иногда отсюда видна Большая Медведица, иногда луна.

Ночь за ночью я прихожу сюда, прижимаюсь к ней, касаюсь пальцами близнецов, их имен и слушаю свой голос, пересказывающий ей нашу историю. – Я покачал головой и указал на диктофоны. – Но сколько ни рассказываю, конец всегда один и тот же.

У Эшли дрожали губы. Она взяла обеими руками мою руку. Ее слезы капали на мрамор, туда, куда уже упали десять тысяч моих слезинок.

– Ты должен был мне сказать. Почему ты молчал?

– Сколько раз мне хотелось бросить сани, обернуться и все выложить. Все тебе рассказать, но... У тебя столько всего впереди. Целая жизнь.

– Ты должен был. Обязан был.

– Вот я и сделал это. А тогда не мог.

Она положила мне на грудь ладонь, потом обвила руками мою шею, прижалась лицом к моему лицу. Взяла мое лицо в ладони, покачала головой.

– Бен?

Я молчал.

– Бен?

Я открыл рот и, не сводя глаз с Рейчел, выдавил, прошептал:

– Прости меня...

Она улыбнулась.

– Она тебя простила... Сразу, как только ты это произнес.

Прощение – трудная штука.

Трудно попросить прощения, и трудно его принять.

Мы долго сидели там. Сквозь стекло над собой я видел стаю пеликанов. И одну скопу. За волнорезами скользили в воде стайками по шесть-восемь голов дельфины-афалины.

Эшли попыталась заговорить. Попробовала снова, но не подобрала слов. Наконец она вытерла глаза, прижала ухо к моей груди и прошептала:

– Мне нужны все кусочки головоломки.

– Их слишком много, и я не уверен, что все они встанут на свои места.

Она поцеловала меня.

– Позволь мне попытаться.

– Для тебя было бы лучше оставить меня и...

Она попробовала улыбнуться.

– Я тебя не оставлю. Не отпущу. Не хочу вспоминать о тебе всякий раз, когда закрою глаза.

Я понял, как сильно я хотел услышать эти слова. Мне нужно было убедиться, что я чего-то стою. Что каким бы я ни был, любовь еще могла меня возродить. Спасти из огня. Мы просидели несколько часов, не сводя глаз с океана.

Наконец я встал и поцеловал камень над лицом Рейчел. Поцеловал своих близнецов. В этот раз обошлось без слез. Это не походило на прощание. Я махнул рукой в рассеивающемся тумане.

Мы вышли, заперли дверь и побрели по дюнам. Я сжимал ее неокольцованную руку. Она остановила меня и, хмурясь, вытерла рукавом нос.

– Я отдала Винсу кольцо. Сказала, что он мне очень нравится, но... – Она покачала головой. – Думаю, для него лучше услышать правду.

Мы остановились на крайней дюне, глядя на пляж. На юге, справа от нас, в одном из гнезд проклюнулись яйца, и к воде потянулись сотни полосок крохотных следов. Их на глазах поглощали волны и пена. Вдали, за волноломами, по поверхности воды скользили блестящие кружки черного оникса, сверкающие черные алмазы.

Я положил ее ладонь поверх своей.

– Ты не торопись сначала. Я давно не бегал... в компании. Не знаю, как на это отреагируют мои ноги.

Она поцеловала меня – теплыми, влажными, дрожащими губами.

– Куда бежим? – спросил я.

Она задумалась, потом, прикрыв глаза от солнечного света, ответила:

– Неважно. Это ты настоящий бегун, а не я. Я даже не знаю, смогу ли за тобой угнаться. Как быстро мы побежим? И как далеко?

– LSD.

– Что это такое?

– Long Slow Distance. Это когда расстояние не имеет значения, только время. И наоборот. Чем медленнее, тем лучше.

Она обняла меня, крепко прижалась и засмеялась.

– Согласна. Только давай проложим наш маршрут через Атланту.

– Почему Атланта?

– Потому что тебе придется потолковать с моим отцом.

– Придется?

– Представь, да.

– Разве ты недостаточно взрослая?

– Не забывай, я девушка с Юга, да к тому же единственная дочь у отца.

– Как он ладит с врачами?

– С трудом! – ответила она со смехом.

– Кто он по профессии?

– Адвокат истца.

– Ты шутишь?

– Не бойся, он тебе симпатизирует.

– Откуда ты знаешь?

– Он читал про наши приключения.

– Где он про них прочел?

– В моем репортаже, который вышел на этой неделе.

– А где его напечатали?

Она пожала плечами.

– Всюду.

– Уточни, что значит «всюду».

Она закатила глаза.

– Просто всюду, и все.

– О чем там говорится?

– Об одном моем недавнем путешествии.

– Там фигурирую я?

– А как же! – Она бросилась бежать, громко хохоча. – Ты и я.

Во время бега она болтала руками, совершая много лишних боковых движений. И шаг у нее был короче необходимого дюйма на три. Она слишком наваливалась на пальцы ног. Слишком сильно наклонялась вперед. Загребала левой ногой. А еще...

Зато она быстро училась. Все это можно было исправить. Учеба не заняла бы много времени. Людям, разбившимся на куски, нужно просто снова собраться.

Сам я никак не мог собраться, так и жил, нося себя разобранного. И время от времени ронял кусочек, как хлебную крошку, чтобы суметь найти дорогу домой. Потом появилась Эшли, она собрала кусочки пазла и меня, и где-то между высотой 11 тысяч футов и уровнем моря картина стала приобретать прежние очертания. Сначала смутно, потом все яснее. Полная ясность не наступила до сих пор, но такие вещи требуют терпения.

Вероятно, каждый из нас в свое время представлял собой слитное целое. Четкую картину. Монолит. Потом под влиянием событий появляются трещины, происходит распад. Мы остаемся разъединенными, разорванными, расколотыми. Некоторые лежат, развалившись на сотню кусков, некоторые – на десять тысяч. Некоторые превращаются в сплошные режущие углы, некоторые издают только слабенькое серенькое свечение. Некоторые спохватываются, что утратили часть себя. Другие обнаруживают в себе что-то лишнее. Так или иначе, нам только и остается, что качать головами. Сделать-то ничего нельзя.

А потом появляется кто-то, способный починить отколотый уголок, вернуть утраченную деталь. Это утомительный, болезненный процесс, ускорить который нет никакой возможности. Все обещания ускорения – иллюзия.

Но по мере удаления от места катастрофы, от груды обломков, начинают восстанавливаться целые секции былого, мы начинаем видеть краем глаза что-то реальное и останавливаемся, недоверчиво вглядываясь в себя. Нам не верится – но вдруг? Вдруг?

Оба мы рискуем. Ты должна надеяться, что создашь образ, которого пока еще не видишь, а я должен тебе довериться.

Так латается душа.

Эшли бежала по пляжу. Солнце било ей в спину. Свежие отпечатки ног на песке, сверкающий пот на бедрах, испарина на икрах.

Я видел их обеих: Рейчел в дюнах, Эшли на пляже. Я потряс головой: это выглядело бессмыслицей.

Я почесал затылок.

Эшли вернулась, тяжело дыша, смеясь, улыбаясь до ушей. Подняв брови, она потянула меня за руку.

– Бен Пейн?

У меня хлынули слезы – этого я тоже не мог объяснить. И даже не пытался.

– Что?..

– Когда ты смеешься, мне хочется улыбаться. А когда ты плачешь... – Она утерла мне слезы. – Тогда мне хочется, чтобы эти слезы катились по моему лицу. – Она кивнула своим мыслям и произнесла шепотом: – Я тебя не оставлю. Ни за что.

Я сглотнул. Что такое человеческая жизнь? Эхо принесло из-за дюн ответ: «Шажок за шажком».

Возможно, латанию не будет конца. Возможно, слишком долго сохнет клей. Возможно, кости срастаются медленно. Возможно, даже хорошо, что мешанина, которую я называю мной, находится в процессе формирования. Возможно, это и есть долгий, многотрудный уход с места катастрофы. Возможно, каждый из нас проходит свое расстояние. Возможно, любовь больше мешанины по имени «Бен».

Я не сразу обрел дар речи.

– Может, сначала немного пройдемся?

Она согласилась, и мы зашагали вперед. Мы прошли милю, потом вторую, наши лица обдувал легкий бриз. Дойдя до кресла спасателя, мы повернули назад.

Она потянула меня за руку. Теперь ветерок ласкал нам спины.

– Ну, ты готов?

Мы побежали трусцой. Я был слаб, мне приходилось задействовать мышцы, которыми я разучился пользоваться. Но вскоре мы перешли на бег.

Бежали мы долго.

И когда за спиной осталось немало миль, а впереди их было и того больше, когда пот уже капал с моих пальцев, а соль щипала глаза, дыхание стало глубоким, ритмичным, чистым, а ноги почти не касались земли, я, глянув вниз, обнаружил, что куски, из которых я раньше состоял, сливаются в монолит.

К читателю

В прошлом феврале я забрался высоко в горы Хай Уинтас на полпути между Солт-Лейк-Сити и Денвером, достиг отметки примерно 11 тысяч футов и замер над перспективой, простиравшейся миль на 60–70. Нигде ни огонька, мороз, снег мел мне в лицо, колот глаза. Конечно, глаза порой щиплет не только от снега, но и от слез. Я сражался с чем-то врожденным, укоренившимся во мне глубоко-глубоко. С вопросами, от которых не мог увернуться. Я слышал их эхо, они провожали меня домой. Они и по сей день со мной: *Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя...* [\[26\]](#)

---

notes

Примечания

Фильм производства США – Германия (1999 г.), режиссер Джеймс Мэнголд. В главных ролях – Вайнона Райдер, Анджелина Джоли и др. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

Фильм производства США – Германия (1995 г.), режиссер Сидни Поллак. В главных ролях – Харрисон Форд, Джулия Ормонд, Грег Киннер.

YMCA (ИМКА; от *англ.* Young Men's Christian Association – Юношеская христианская ассоциация) – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей.

Американский бизнесмен, воздухоплаватель, яхтсмен, известен своими многочисленными путешествиями и рекордами в воздухоплавании и парусном спорте. Погиб в 2007 г., разбившись на одномоторном самолете. (Прим. перев.)

Больно? Вы не знаете Пейна. Знаете Пейна? Вам не больно. Pain
(англ.) – боль, Ruape – фамилия героя. (Прим. перев.)

Песня американской скрипачки и исполнительницы в стиле кантри
Элисон Краусс.

Американский кинофильм режиссёра Сидни Поллака, вышедший на экраны в 1972 году. Сценарий фильма основан на романе Вардиса Фишера «Человек гор» («Mountain Man») и рассказе Рэймонда У. Торпа и Роберта Банкера «Убийца кроу» («Crow Killer»). В главных ролях – Роберт Редфорд, Уилл Гир.

Филлип Макгроу – американский психолог, писатель, ведущий телевизионной программы «Доктор Фил». *(Прим. перев.)*

Американский мюзикл (1965 г.) режиссера Роберта Уайза. В главных ролях – Джулия Эндрюс и Кристофер Пلامмер.

Кинофильм Фрэнка Маршалла, реконструкция печально знаменитых событий о крушении уругвайского самолёта над Андами в 1972 году. Фильм снят по книге Пирса Пола Рида «Живые: История спасшихся в Андах», основанной на документальном материале. В главных ролях – Итан Хоук, Винсент Спэно.

Long slow distance (*англ.*) – медленно на длинную дистанцию. (*Прим. перев.*)

Магистр делового администрирования (от *англ.* master of business administration, MBA) – квалификационная степень в менеджменте (управлении).

Гора в Южной Дакоте с высеченными барельефами президентов Вашингтона, Линкольна, Джефферсона и Т. Рузвельта. (*Прим. перев.*)

Фильм-драма 1996 года, снятый Энтони Мингеллой. Картина основана на одноименном романе Майкла Ондатже, за который он в 1992 году получил Букеровскую премию. В главных ролях – Рэйф Файнс, Жюльетт Бинош.

«Крепкий орешек» – американский боевик (1988 г.). Снят режиссёром Джоном Мактирнаном по роману Родерика Торпа «Ничто не вечно». В главных ролях – Брюс Уиллис, Алан Рикман, Александр Годунов.

«Остаться в живых» (*англ.*).

Молодежная христианская организация.

Американский боевик (1972 г.), режиссер Майк Райделл. В главных ролях – Джон Уэйн, Брюс Дерн.

Американская мелодрама (1990 г.). Режиссер Гэрри Маршалл, в главных ролях – Джулия Робертс и Ричард Гир.

Типи – название традиционного переносного жилища кочевых индейцев Великих равнин.

Американская приключенческая драма режиссера Роберта Земекиса (2000 г.).

Герой фильма в результате авиакатастрофы попадает на необитаемый остров, где его единственным другом и собеседником становится мяч, которого он назвал Уилсон.

Мелодрама американского режиссера Тэйлора Хэкфорда (1982 г.).
Главные роли исполняют Ричард Гир и Дебра Уингер.

«Громовыми бедрами» (thunder thighs, *англ.*) в Америке дразнят толстых девушек-подружек. (*Прим. перев.*)

Бен Лайнус – вымышленный персонаж сериала «Остаться в живых».
(Прим. перев.).

Псалтырь, 120:1.